
АЛЕКСАНДР ОСТРОВСКИЙ
СНЕГУРОЧКА
О МИМОЛЕТНОСТИ ЖИЗНИ

Снегурочка. О мимолетности жизни

Александр Николаевич Островский

Аннотация
Александр Островский. Снегурочка. О мимолетности жизни
Снегурочка. Весенняя сказка в четырех действиях с прологом
  Пролог
    Явление первое
    Явление второе
    Явление третье
    Явление четвертое
  Действие первое
    Явление первое
    Явление второе
    Явление третье
    Явление четвертое
    Явление пятое
    Явление шестое
    Явление седьмое
    Явление восьмое
  Действие второе

Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Действие третье
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Действие четвертое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Свои люди – сочтемся
Действующие лица
Действие первое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое

Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Явление одиннадцатое
Явление двенадцатое
Действие второе
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Действие третье
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое

Явление восьмое
Действие четвертое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое

Аннотация

Произведения Александра Островского входят в «золотой фонд» отечественной литературы и уже давно изучаются в школах и университетах. Театр и кино также берут многие истории и адаптируют их под свой формат, становясь шедеврами.

Эта книга – дань уважения творчеству классика и признание в любви к его трагичным сказкам и бытовым драмам. Обложка и две внутренние иллюстрации от популярного молодежного художника ANNAISE.

В книгу входят пьесы: «Снегурочка» и «Свои люди – сочтемся».

Александр Островский Снегурочка. О мимолетности жизни

Иллюстрации в книге и на переплете *ANNAISE (Салогуб Анастасия)*

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

арт
КЛАССИКА

АЛЕКСАНДР
ОСТРОВСКИЙ

СНЕГУРОЧКА

О МИМОЛЕТНОСТИ ЖИЗНИ



LIKE BOOK
МОСКВА
2024

Снегурочка
Весенняя сказка в четырех действиях с прологом

Действие происходит в стране берендеев в доисторическое время. Пролог на Красной горке, вблизи Берендеева посада, столицы царя Берендея. Первое действие в заречной слободе Берендеевке. Второе действие во дворце царя Берендея. Третье действие в заповедном лесу. Четвертое действие в Ярилиной долине.

Пролог

ЛИЦА:

Весна-Красна.

Дед Мороз.

Девушка Снегурочка.

Леший.

Масленица — соломенное чучело.

Бобыль[1] Бакула.

Бобылиха, его жена.

Берендеи обоего пола и всякого возраста.

Свита Весны, птицы: журавли, гуси, утки, грачи, сороки, скворцы, жаворонки и другие.

Начало весны. Полночь. Красная горка, покрытая снегом. Направо кусты и редкий безлистный березник; налево сплошной частый лес больших сосен и елей с сучьями, повисшими от тяжести снега; в глубине, под горой, река; полыньи и проруби обсажены ельником. За рекой Берендеев посад, столица царя Берендея: дворцы, дома, избы — все деревянные, с причудливой раскрашенной резьбой; в окнах огни. Полная луна серебрит всю открытую местность. Вдали кричат петухи.

---

[1] Сноски: 1

Бобыль — безземельный мужик.

Явление первое

Леший сидит на сухом пне. Все небо покрывается прилетевшими из-за моря птицами. Весна-Красна на журавлях, лебедях и гусях спускается на землю, окруженная свитой птиц.

Леший

Конец зиме пропели петухи,
Весна-Красна спускается на землю.
Полночный час настал, сторожку Леший
Отсторожил, – ныряй в дупло и спи!

(Проваливается в дупло.)

Весна-Красна *спускается на Красную горку в сопровождении птиц.*

Весна-Красна

В урочный час обычной чередою
Являюсь я на землю берендеев,
Нерадостно и холодно встречает
Весну свою угрюмая страна.
Печальный вид: под снежной пеленою
Лишенные живых, веселых красок,

Лишенные плодотворящей силы,
Лежат поля остылые. В оковах
Игривые ручьи, – в тиши полночи
Не слышно их стеклянного журчанья.
Леса стоят безмолвны, под снегами
Опущены густые лапы елей,
Как старые, нахмуренные брови.
В малинниках, под соснами стеснились
Холодные потемки, ледяными
Сосульками янтарная смола
Висит с прямых стволов. А в ясном небе
Как жар горит луна и звезды блещут
Усиленным сиянием. Земля,
Покрытая пуховою порошей,
В ответ на их привет холодный кажет
Такой же блеск, такие же алмазы
С вершин деров и гор, с полей пологих,
Из выбоин дороги прилощенной.
И в воздухе повисли те же искры,
Колеблются, не падая, мерцают.
И все лишь свет, и все лишь блеск хо-

лодный,
И нет тепла. Не так меня встречают
Счастливые долины юга, – там
Ковры лугов, акаций ароматы,
И теплый пар возделанных садов,
И млечное, ленивое сиянье
От матовой луны на минаретах,
На тополях и кипарисах черных.
Но я люблю полунощные страны,
Мне любо их могучую природу
Будить от сна и звать из недр земных
Родящую, таинственную силу,
Несущую беспечным берендеям
Обилье жит неприхотливых. Любо
Обогревать для радостей любви,
Для частых игр и празднеств убирать
Укромные кустарники и рощи
Шелковыми коврами трав цветных.

(Обращаясь к птицам, которые дрожат от холода.)

Товарищи: сороки-белобоки,
Веселые болтушки-щекотуньи,

Угрюмые грачи, и жаворонки,
Певцы полей, глашатаи весны,
И ты, журавль, с своей подругой цаплей,
Красавицы лебедушки, и гуси
Крикливые, и утки-хлопотуньи,
И мелкие пичужки, – вы озябли?
Хоть стыдно мне, а надо признаваться
Пред птицами. Сама я виновата,
Что холодно и мне, Весне, и вам.
Шестнадцать
лет тому, как я для шутки
И теша свой непостоянный нрав,
Изменчивый и прихотливый, стала
Заигрывать с Морозом, старым дедом,
Проказником седым; и с той поры
В неволе я у старого. Мужчина
Всегда таков: немножко воли дай,
А он и всю возьмет, уж так ведется
От древности. Оставить бы седого,
Да вот беда, у нас со старым дочка –
Снегурочка. В глухих лесных трущобах,

В нетающих лядинах[2] *возращает*
Старик свое дитя. Любя Снегурку,
Жалеючи ее в несчастной доле,
Со старым я поссориться боюсь;
А он и рад тому – знобит, морозит
Меня, Весну, и берендеев. Солнце
Ревнивое на нас сердито смотрит
И хмурится на всех, и вот причина
Жестоких зим и холодов весенних.
Дрожите вы, бедняжки? Попляшите,
Согреетесь! Видала я не раз,
Что пляскою отогревались люди.
Хоть нехотя, хоть с холоду, а пляской
Отпразднуем прилет на новоселье.

Одни птицы принимаются за инструменты, другие запевают, третьи пляшут.

Хор птиц

Сбирались птицы,
Сбирались певчи
Стадами, стадами.

---

[2] Сноски: 2
Лядины — заросли, лес на болоте.

Садились птицы,
Садились певчи
Рядами, рядами.
А кто у вас, птицы,
А кто у вас, певчи,
Большие, большие?
А кто у вас, птицы,
А кто у вас, певчи,
Меньшие, меньшие?
Орел – воевода,
Перепел – подьячий,
Подьячий, подьячий.
Сова – воеводша,
Желтые сапожки,
Сапожки, сапожки.
Гуси – бояре,
Утята – дворяне,
Дворяне, дворяне. Чирята – крестьяне,
Воробьи – холопы,
Холопы, холопы.
Журавль у нас – сотник
С долгими ногами,

Ногами, ногами.
Петух – целовальник,
Чечет – гость торговый,
Торговый, торговый.
Ласточки-молодки –
Касатки девицы,
Девицы, девицы.
Дятел у нас – плотник,
Рыболов – харчевник,
Харчевник, харчевник.
Блинница цапля,
Кукушка кликуша,
Кликуша, кликуша.
Красная рожа
Ворона пригожа,
Пригожа, пригожа.
Зимой по дорогам,
Летом по застрехам[3],
Застрехам, застрехам.
Ворона в рогоже,

---

[3] Сноски: 3
Застреха — край крыши, под которым птицы вьют гнезда.

Нет ее дороже,

Дороже, дороже.

Из лесу на пляшущих птиц начинает сыпаться иней, потом хлопья снега, подымается ветер, — набегают тучи, закрывают луну, мгла совершенно застилает даль. Птицы с криком жмутся к Весне.

Весна-Красна *(птицам)*

В кусты скорей, в кусты! Шутить задумал

Старик Мороз. До утра подождите,

А завтра вам растают на полях

Проталинки, на речке полыньи.

Погреетесь на солнышке немного

И гнездышки начнете завивать.

Птицы уходят в кусты, из леса выходит Мороз.

Явление второе

Весна-Красна, Дед Мороз.

Мороз

Весна-Красна, здорово ли вернулась?

Весна

И ты здоров ли, Дед Мороз?

Мороз

Спасибо,
Живется мне не худо. Берендеи
О нынешней зиме не позабудут,
Веселая была; плясало солнце
От холоду на утренней заре,
А к вечеру вставал с ушами месяц.
Задумаю гулять, возьму дубинку,
Повыясню, повысеребрю ночку,
Уж то-то мне раздолье и простор.
По богатым посадским домам
Колотить по углам,
У ворот вереями[4] скрипеть,
Под полозьями петь
Любо мне,
Любо, любо, любо.
Из леску по дорожке за возом воз
На ночлег поспешает скрипучий обоз.

---

[4] Сноски: 4
Вереи — петли, на которых укреплены ворота.

Я обоз стерегу,
Я вперед забегу,
По край-поля, вдали,
На морозной пыли
Лягу маревом,
Средь полночных небес встану заревом.
Разольюсь я, Мороз,
В девяносто полос,
Разбегуся столбами, лучами несметными,
Разноцветными.
И толкутся столбы, и спираются,
А под ними снега загораются,
Море свету-огня, яркого,
Жаркого,
Пышного;
Там сине, там красно, а там вишнево.
Любо мне,
Любо, любо, любо.
Еще злей я о ранней поре,
На румяной заре.
Потянуся к жильям из оврагов поля-

нами,

Подкрадусь, подползу я туманами.

Над деревней дымок завивается,

В одну сторону погибается; Я туманом седым

Заморожу дым.

Как он тянется,

Так останется,

По-над полем, по-над лесом,

Перевесом,

Любо мне,

Любо, любо, любо.

Весна

Не дурно ты попировал, пора бы

И в путь тебе, на север.

Мороз

Не гони,

И сам уйду. Не рада старику,

Про старое скоренько забываешь.

Вот я, старик, всегда один и тот же.

Весна

У всякого свой норов и обычай.

Мороз

Уйду, уйду, на утренней заре,
По ветерку, умчусь к сибирским тундрам.
Я соболий треух на уши,
Я оленью доху на плечи,
Побрякушками пояс увешаю;
По чумам, по юртам кочевников,
По зимовкам зверовщиков
Заброжу, заброжу, зашаманствую,
Будут мне в пояс кланяться.
Владычество мое в Сибири вечно,
Конца ему не будет. Здесь Ярило[5]
Мешает мне, и ты меня меняешь
На глупую породу празднолюбцев.
Лишь праздники считать да браги парить
Корчажные, да вари ведер в сорок
Заваривать медовые умеют.

---

[5] Сноски: 5
Ярило — древнеславянское божество солнца, любви и плодородия.

Весеннего тепла у солнца просят. Зачем – спроси?
Не вдруг пахать возьмется,
Не лажена соха. Кануны править[6]
Да бражничать, весняки петь, кругами
Ходить всю ночь с зари и до зари, –
Одна у них забота.

Весна

На кого же
Снегурочку оставишь?

Мороз

Дочка наша
На возрасте, без нянек обойдется.
Ни пешему, ни конному дороги
И следу нет в ее терем. Медведи
Овсянники и волки матерые
Кругом двора дозором ходят; филин
На маковке сосны столетней ночью,
А днем глухари вытягивают шеи,
Прохожего, захожего блюдут.

---

[6] Сноски: 6
Кануны править — здесь: варить мед, брагу к праздникам.

Весна

Тоска возьмет меж филинов и леших
Одной сидеть.

Мороз

А теремная челядь!
В прислужницах у ней на побегушках
Лукавая лисица-сиводушка[7]*,*
Зайчата ей капустку добывают;
Чем свет бежит на родничок куница
С кувшинчиком; грызут орехи белки,
На корточках усевшись; горностайки
В приспешницах сенных у ней на служ-
бе.

Весна

Да все ж тоска, подумай, дед!

Мороз

Работай,
Волну пряди, бобровою опушкой
Тулупчик свой и шапки обшивай.

---

[7] Сноски: 7

Сиводушка — сибирская красная лиса. Она так называется из-за темно-синего горла (душки) и брюшка.

Строчи пестрей оленьи рукавички.
Грибы суши, бруснику да морошку
Про зимнюю бесхлебницу готовь;
От скуки пой, пляши, коль есть охота,
Чего еще?

Весна

Эх, старый! Девке воля
Милей всего. Ни терем твой точеный,
Ни соболи, бобры, ни рукавчики
Строченые не дороги; на мысли
У девушки Снегурочки другое:
С людьми пожить; подружки нужны ей
Веселые да игры до полночи,
Весенние гулянки да горелки
С ребятами, покуда…

Мороз

Что покуда?

Весна

Покуда ей забавно, что ребята
Наперебой за ней до драки рвутся.

Мороз

А там?

Весна

А там полюбится один.

Мороз

Вот то-то мне и нелюбо.

Весна

Безумный
И злой старик! На свете все живое
Должно любить. Снегурочку в неволе
Не даст тебе томить родная мать.

Мороз

Вот то-то ты некстати горяча,
Без разума болтлива. Ты послушай!
Возьми на миг рассудка! Злой Ярило,
Палящий бог ленивых берендеев,
В угоду им поклялся страшной клятвой
Губить меня, где встретит. Топит, плавит
Дворцы мои, киоски, галереи,
Изящную работу украшений,

Подробностей мельчайшую резьбу,
Плоды трудов и замыслов. Поверишь,
Слеза проймет. Трудись, корпи, художник,
Над лепкою едва заметных звезд –
И прахом все пойдет. А вот вчера
Из-за моря вернулась птица-баба,
Уселася на полынье широкой
И плачется на холод диким уткам,
Ругательски бранит меня. А разве
Моя вина, что больно тороплива,
Что с теплых вод, не заглянувши в святцы,
Без времени, пускается на север.
Плела-плела, а утки гоготали,
Ни дать ни взять в торговых банях бабы;
И что же я подслушал! Между сплетень
Такую речь сболтнула птица-баба,
Что, плавая в заливе Ленкоранском[8],

---

[8] Сноски: 8
Ленкоранский залив — залив в южной части Каспийского моря.

В Гилянских ли озерах[9], уж не помню,
У пьяного оборвыша факира
И солнышка горячий разговор

Услышала о том, что будто Солнце
Сбирается губить Снегурку; только
И ждет того, чтоб заронить ей в сердце
Лучом своим огонь любви; тогда
Спасенья нет Снегурочке, Ярило
Сожжет ее, испепелит, растопит.
Не знаю как, но умертвит. Доколе ж
Младенчески чиста ее душа,
Не властен он вредить Снегурке.

Весна

Полно!
Поверил ты рассказам глупой птицы!
Недаром же ей кличка – баба.

Мороз

Знаю
Без бабы я, что злой Ярило мыслит.

---

[9] Сноски: 9
Гилянские озера — озера в области Гилян в Иране.

Весна

Отдай мою Снегурочку!

Мороз

Не дам!
С чего взяла, чтоб я такой вертушке
Поверил дочь?

Весна

Да что ж ты, красноносый,
Ругаешься!

Мороз

Послушай, помиримся!
Для девушки присмотр всего нужнее
И строгий глаз, да не один, а десять.
И некогда тебе, и неохота
За дочерью приглядывать, так лучше
Отдать ее в слободку Бобылю
Бездетному, на место дочки. Будет
Заботы ей по горло, да и парням
Корысти нет на Бобылеву дочку
Закидывать глаза. Согласна ты?

Весна

Согласна, пусть живет в семье бобыльской;Лишь только бы на воле.

Мороз

Дочь не знает
Любви совсем, в ее холодном сердце
Ни искры нет губительного чувства;
И знать любви не будет, если ты
Весеннего тепла томящей неги,
Ласкающей, разымчивой…

Весна

Довольно!
Покличь ко мне Снегурочку.

Мороз

Снегурка,
Снегурушка, дитя мое!

Снегурочка *(выглядывает из лесу)*

Ау!

(Подходит к отцу.)

Явление третье

***Весна, Мороз, Снегурочка**, потом **Леший**.*

Весна

Ах, бедная Снегурочка, дикарка,
Поди ко мне, тебя я приголублю.

(Ласкает Снегурочку.)

Красавица, не хочешь ли на волю?
С людьми пожить?

Снегурочка

Хочу, хочу, пустите!

Мороз

А что манит тебя покинуть терем
Родительский, и что у берендеев
Завидного нашла?

Снегурочка

Людские песни.
Бывало, я, прижавшись за кустами
Колючими, гляжу не нагляжуся
На девичьи забавы. Одинокой

Взгрустнется мне, и плачу. Ах, отец,
С подружками по алую малину,
По черную смородину ходить,
Аукаться; а зорькою вечерней
Круги водить под песни – вот что мило
Снегурочке. Без песен жизнь не в радость.
Пусти, отец! Когда, зимой холодной,
Вернешься ты в свою лесную глушь,
В сумеречки тебя утешу, песню
Под наигрыш метели запою
Веселую. У Леля перейму
И выучусь скорехонько.



Мороз

А Леля
Узнала ты откуда?

Снегурочка

Из кусточка
Ракитова; пасет в лесу коровок
Да песенки поет.

Мороз

Почем же знаешь,
Что это Лель?

Снегурочка

К нему девицы ходят
Красавицы, и по головке гладят,
В глаза глядят, ласкают и целуют.
И Лелюшком и Лелем называют,
Пригоженьким и миленьким.

Весна

А разве
Пригожий Лель горазд на песни?

Снегурочка

Мама,
Слыхала я и жаворонков пенье,
Дрожащее над нивами, лебяжий
Печальный клич над тихими водами,
И громкие раскаты соловьев,
Певцов твоих любимых; песни Леля
Милее мне. И дни и ночи слушать
Готова я его пастушьи песни.
И слушаешь, и таешь…

Мороз *(Весне)*

Слышишь: таешь!
Ужасный смысл таится в этом слове.
Из разных слов, придуманных людьми,
Страшней всего Морозу слово: таять.
Снегурочка, беги от Леля, бойся
Речей его и песен. Ярым солнцем
Пронизан он насквозь. В полдневный зной,
Когда бежит от Солнца все живое
В тени искать прохлады, гордо, нагло
На припеке лежит пастух ленивый,
В истоме чувств дремотной подбира-

ет

Лукавые заманчивые речи,

Коварные обманы замышляет

Для девушек невинных. Песни Леля

И речь его – обман, личина, правды

И чувства нет под ними, то лишь в звуки

Одетые палящие лучи.

Снегурочка, беги от Леля! Солнца

Любимый сын-пастух, и так же ясно,

Во все глаза, бесстыдно, прямо смотрит,

И так же зол, как Солнце.

Снегурочка

Я, отец,

Послушное дитя; но ты уж очень

Сердит на них, на Леля с Солнцем; право,

Ни Леля я, ни Солнца не боюсь.

Весна

Снегурочка, когда тебе взгрустнется

Иль нужда в чем, – девицы прихотливы,

О ленточке, о перстенечке плакать
Серебряном готовы, – ты приди
На озеро, в Ярилину долину,
Покличь меня. Чего б ни попросила,
Отказу нет тебе.

Снегурочка

Спасибо, мама,
Красавица.

Мороз

Вечернею порой
Гуляючи, держися ближе к лесу,
А я отдам приказ тебя беречь.
Ау, дружки! Лешутки, Лесовые!
Заснули, что ль? Проснитесь, отзовитесь
На голос мой!

В лесу голоса леших.

Ау, ау!

Из сухого дупла вылезает ***Леший****, лениво потягиваясь и зевая.*

Леший

Ау!

Мороз

Снегурочку блюдите! Слушай, Леший,
Чужой ли кто, иль Лель-пастух пристанет
Без отступа, аль силой взять захочет,
Чего умом не может: заступись.
Мани его, толкай его, запутай
В лесную глушь, в чащу́; засунь в чепыжник,
Иль по пояс в болото втисни.

Леший

Ладно.

(Складывает над головой руки и проваливается в дупло.)

Вдали слышны голоса.

Весна

Валит толпа веселых берендеев.
Пойдем, Мороз! Снегурочка, прощай!
Живи, дитя, счастливо!

Снегурочка

Мама, счастья
Найду иль нет, а поищу.

Мороз

Прощай,
Снегурочка, дочурка! Не успеют
С полей убрать снопов, а я вернусь.
Увидимся.

Весна

Пора бы гнев на милость
Переменить. Уйми метель! Народом
Везут ее, толпами провожают
Широкую…

(Уходит.)

Вдали крики: «Честная Масленица!» Мороз, уходя, машет рукой; метель унимается, тучи убегают. Ясно, как в начале действия. Толпы берендеев: одни подвигают к лесу сани с чучелом Масленицы, другие стоят поодаль.

Явление четвертое

Снегурочка, Бобыль, Бобылиха *и* ***берендеи****.*

1-й хор берендеев *(везущих Масленицу)*

Раным-рано куры запели,
Про весну обвестили.
Прощай, Масленица!
Сладко, воложно[10] *нас кормила,*

Суслом, бражкой поила.
Прощай, Масленица!
Пито, гуляно было вволю,
Пролито того боле.

Прощай, Масленица!
Мы зато тебя обрядили
Рогозиной, рединой.
Прощай, Масленица!
Мы честно тебя проводили,
На дровнях волочили.
Прощай, Масленица!
Завезем тебя в лес подале,
Чтоб глаза не видали.
Прощай, Масленица!

(Подвинув санки в лес, отходят.)

---

[10] Сноски: 10
Воложно — жирно.

2-й хор

Честна́я Масленица!

Веселенько тебя встречать, привечать,

Трудно-нудно со двора провожать.

Уж и как нам тебя вертать, ворочать?

Воротись, Масленица, воротися!

Честна́я Масленица!

Воротися хоть на три денечка!

Не воротишься на три денечка,

Воротися к нам на денечек!

На денечек, на малый часочек!

Честна́я Масленица!

1-й хор

Масленица-мокрохвостка!

Поезжай долой со двора, Отошла твоя пора! У нас с гор потоки,

Заиграй овражки,

Выверни оглобли,

Налаживай соху!

Весна-Красна,

Наша ладушка пришла!
Масленица-мокрохвостка!
Поезжай долой со двора,
Отошла твоя пора!
Телеги с повети,
Улья из клети.

На поветь[11] *санки!*
Запоем веснянки!
Весна-Красна,
Наша ладушка пришла!

2-й хор

Прощай, честна́я Маслена!
Коль быть живым, увидимся.
Хоть год прождать, да ведать-знать,
Что Маслена придет опять.

Чучело Масленицы

Минует лето красное,
Сгорят огни купальные[12]*.*

---

[11] Сноски: 11
Поветь — помещение под навесом, где крестьяне хранят инвентарь.

[12] Сноски: 12
Сгорят огни купальные — т. е. костры в день Ивана Купалы (24 июня).

Пройдет и осень желтая
С снопом, с скирдо́м и с братчиной[13].
Потемки, ночи темные, Карачуна[14] *проводите.*
Тогда зима изломится,
Медведь переворотится,
Придет пора морозная,
Морозная-Колядная:
Овсе́нь-коляду[15] *кликати.*
Мороз пройдет, метель нашлет.
Во вьюгах с перевеями[16]
Прибудет день, убудет ночь.
Под крышами, застрехами
Воробки зашевелятся.

---

[13] Сноски: 13

Братчина — праздник в складчину, на общий счет. Здесь идет речь о празднике в начале сентября.

[14] Сноски: 14

Карачун — здесь: зимнее солнцестояние (22 декабря, 12 декабря по старому стилю).

[15] Сноски: 15

Овсень — народное название кануна Нового года. Овсень и Коляда — цикл земледельческих празднеств.

[16] Сноски: 16

Перевей — вихрь, вздымающий снег.

Из лужицы, из наледи[17].
Напьется кочет с курами.
К пригреву, на завалинки
С ледяными сосульками
Из изб ребята высыпят.
На солнышке, на при́пеке,
Коровий бок нагреется.
Тогда и ждать меня опять.

(Исчезает.)

Бобыль *хватается за пустые сани,* ***Бобылиха*** *— за Бобыля.*

Бобылиха

Пойдем домой!

Бобыль

Постойте! Как же это?
Неужто вся она? Кажись бы, мало
Погуляно и попито чужого.
Чуть только я маленько разгулялся,
Голодная утробишка чуть-чуть
Заправилась соседскими блинами,

---

[17] Сноски: 17
Наледь — вода, которая выступает на поверхности льда.

Она и вся – прикончилась. Печаль
Великая, несносная. Как хочешь
Живи теперь да впроголодь и майся
Без Масленой. А можно ль бобылю?
Никак нельзя. Куда тебе деваться,
Бобыльская хмельная голова?

(Поет и пляшет.)

У Бакула бобыля
Ни кола, ни двора,
Ни кола, ни двора,
Ни скота, ни живота.

Бобылиха

Домой пора, бесстыжий, люди смотрят.

Берендеи

Не тронь его!

Бобылиха

Шатался всю неделю;
С чужих дворов нейдет, – своя избенка
Нетоплена стоит.

Бобыль

Аль дров не стало?

Бобылиха

Да где ж им быть? Они не ходят сами
Из лесу-то.

Бобыль

Давно бы ты сказала.
Не скажет ведь, такая, право… Я бы…
Топор со мной, охапки две нарубим
Березовых, и ладно. Подожди!

(Идет в лес и видит Снегурочку, кланяется и смотрит несколько времени с удивлением. Потом возвращается к жене и манит ее в лес.)

В это время Снегурочка отходит и из-за куста смотрит на берендеев, на ее место у дупла садится ***Леший****.*

Бобыль *(Бобылихе.)*

Смотри, смотри! Боярышня.

Бобылиха

Да где?

(Увидав Лешего.)

Ах, чтоб тебя! Вот невидаль какая.

(Возвращаясь.)

У! пьяница! Убила бы, кажись.

Снегурочка опять возвращается на свое место. Леший уходит в лес.

Один берендей

Да что у вас за споры?

Бобыль

Поглядите!

Диковина, честные берендеи.

Все подходят к дуплу.

Берендеи *(с удивлением)*

Боярышня! Живая ли? Живая.

В тулупчике, в сапожках, в рукавичках.

Бобыль *(Снегурочке)*

Дозволь спросить, далёко ль держишь путь

И как зовут тебя и величают?

Снегурочка

Снегурочкой. Куда идти, не знаю.

Коль будете добры, с собой возьмите.

Бобыль

К царю отвесть прикажешь, к Берендею

Премудрому в палаты?

Снегурочка

Нет, у вас

В слободке я пожить хочу.

Бобыль

Спасибо

На милости! А у кого ж?

Снегурочка

Кто первый

Нашел меня, тому и буду дочкой.

Бобыль

Да точно ль так, да вправду ли ко мне?

Снегурочка кивает головою.

Ну, чем же я, Бакула, не боярин!

Вались, народ, на мой широкий двор,

На трех столбах да на семи подпорках!

Пожалуйте, князья, бояре, просим.

Несите мне подарки дорогие

И кланяйтесь, а я ломаться буду.

Бобылиха

И как это, живешь-живешь на свете,
А все себе цены не знаешь, право.
Возьмем, Бобыль, Снегурочку, пойдем!
Дорогу нам, народ! Посторонитесь.

Снегурочка

Прощай, отец! Прощай и мама! Лес,
И ты прощай!

Голоса из лесу

Прощай, прощай, прощай!

Деревья и кусты кланяются Снегурочке. Берендеи в ужасе убегают, Бобыль и Бобылиха уводят Снегурочку.

Действие первое

ЛИЦА:

Девушка Снегурочка.

Бобыль Бакула.

Бобылиха.

Лель, пастух.

Мураш, богатый слобожанин.

Купава, молодая девушка, дочь Мураша.

Мизгирь, торговый гость из посада Берендеева.

Радушка, Малуша, Брусило — слободские девушки.

Малыш, Курилка, Бирюч — парни.

Слуги Мизгиря.

Слобожане: старики, старухи, парни и **девки**.

Заречная слободка Берендеевка; с правой стороны бедная изба Бобыля с пошатнувшимся крыльцом; перед избой скамья; с левой стороны большая, разукрашенная резьбой изба Мураша; в глубине улица; через улицу хмельник и пчельник Мураша; между ними тропинка к реке.

Явление первое

Снегурочка *сидит на скамье перед домом Бобыля и прядет. Из улицы идет* ***Бирюч****, надевает шапку на длинный шест и поднимает высоко; со всех сторон сходятся* ***слобожане. Бобыль и Бобылиха*** *выходят из дому.*

Бирюч

Слушайте, послушайте,
Государевы люди,
Слободские берендеи!
По царскому наказу,
Государеву приказанью,
Старому, исконному обычью,
Собиратися вам на завтрее
На вечерней на зорюшке,
Теплой, тихой, погодливой,
В государев заповедный лес,
На гульбище, на игрище, на позорище
Венки завивать,
Круги водить, играть-тешиться

До ранней зорьки, до утренней.

Напасены про вас, наготовлены

Пива-браги ячные[18],

Старые меды стоялые.

А на ранней заре утренней

Караулить, встречать солнце восхожее,

Кланяться Ярилу светлому.

(Снимает шапку с шеста, кланяется на все четыре стороны и уходит.)

Слобожане расходятся. Бобыль и Бобылиха подходят к Снегурочке и смотрят на нее, качая головами.

Бобыль

Хе-хе, хо-хо!

Бобылиха

Ахти, Бобыль Бакула!

Бобыль

Хохонюшки!

Бобылиха

---

[18] Сноски: 18
Ячный — ячменный.

На радость взяли дочку,

Все ждем-пождем, что счастье поплывет.

Поверил ты чужому разговору,

Что бедному приемыши на счастье,

Да вот и плачь – достался курам на смех

Под старость лет.

Бобыль

Скудаться[19] *нам до веку,*

Таскать кошель на плечах на роду

Написано. За что Бобыль Бакула

Ни хватится, ничто ему не впрок.

Нашел в лесу девичку – мол, подспорье

В сиротский дом беру, – не тут-то было:

Ни на волос не легче.

Снегурочка

Сам ленив,

Так нечего пенять на бедность. Бро-

---

[19] Сноски: 19
Скудаться — терпеть нужду.

дишь
Без дела день-деньской, а я работы
Не бегаю.

Бобыль

Да что твоя работа!
Кому нужна? От ней богат не будешь,
А только сыт; так можно, без работы,
Кусочками мирскими прокормиться.

Бобылиха

Помаялись, нужда потерла плечи,
Пора бы нам пожить и в холе.

Снегурочка

Кто же
Мешает вам? Живите.

Бобыль

Ты мешаешь.

Снегурочка

Так я уйду от вас. Прощайте!

Бобылиха

Полно!

Живи себе! Да помни и об нас,
Родителях названых! Мы не хуже
Соседей бы пожить умели. Дай-ко
Мошну набить потолще, так увидишь:
Такую-то взбодрю с рогами кику[20],
Что только ах, да прочь поди.

Снегурочка

Откуда ж
Богатству быть у девушки-сиротки?

Бобылиха

Краса твоя девичья то ж богатство.

Бобыль

Богатства нет, за ум возьмись. Недаром
Пословица, что ум дороже денег.
С огнем ищи по свету, не найдешь
Счастливее тебя: от свах и сватов
Отбою нет, пороги отоптали.
Житье-то бы, жена!

---

[20] Сноски: 20
Кика — старинный головной убор замужних женщин.

Бобылиха

Ну, что уж! Было,
Да мимо рта прошло.

Бобыль

А парни наши
С ума сошли; оравами, стадами
Без памяти кидались за тобой,
Покинули невест, перебранились,
Передрались из-за тебя. Жена,
Житье-то бы!

Бобылиха

Не говори, Бакула,
Не огорчай! В руках богатство было.
А хвать-похвать, меж пальцами ушло.

Бобыль

И всех-то ты отвадила суровым,
Неласковым обычаем своим.

Снегурочка

Зачем они гонялись вслед за мною,
За что меня покинули, не знаю.

Напрасно ты зовешь меня суровой.
Стыдлива я, смирна, а не сурова.

Бобыль

Стыдлива ты? Стыдливость-то к лицу
Богатенькой. Вот так всегда у бедных:
Что надо – нет, чего не надо – много.
Иной богач готов купить за деньги
Для дочери стыдливости хоть малость,
А нам она не ко двору пришла.

Снегурочка

Чего же вы, завистливые люди,
От девочки Снегурочки хотите?

Бобыль

Приваживай, ласкай ребят.

Снегурочка

А если
Не по́ сердцу придется?

Бобыль

Поневольсь,

Не по́ сердцу, а парня ты мани,
А он прильнет и не отстанет, будет
Похаживать.

Бобылиха

Да матери подарки
Понашивать.

Бобыль

Отца медком да бражкой
Попаивать. Уж долго ль, коротко ли
Поводится с тобой, а нам барыш.
Соскучишься с одним, поприглядится,
Повытрясет кису[21]*, мани другого,*
Поманивай!

Бобылиха

А мне опять подарки.

Бобыль

А мне медок да бражка с хохолком.
Что день, то пир, что утро, то похме-
лье, –

---

[21] Сноски: 21
Киса — мошна, карман, кошелек.

Вот самое законное житье!

Снегурочка

Моя беда, что ласки нет во мне.
Толкуют все, что есть любовь на свете,
Что девушке любви не миновать;
А я любви не знаю; что за слово
«Сердечный друг» и что такое «милый»,
Не ведаю. И слезы при разлуке,
И радости при встрече с милым другом
У девушек видала я; откуда ж
Берут они и смех и слезы, – право,
Додуматься Снегурочка не может.

Бобыль

Беды тут нет, что ты любви не знаешь,
Пожалуй, так и лучше.

Бобылиха

Вот уж правда!

Полюбится на грех бедняк, и майся
Всю жизнь, как я с Бакулой Бобылем.

Бобыль

Ребята все равно тебе не милы –
И всех ласкай равно; да на досуге –
Присматривай, который побогаче,
Да сам – большой, без старших, бессемейный.
А высмотришь, так замуж норови.
Да так веди, чтоб Бобылю Бакуле
На хлебах жить, в чести у зятя.

Бобылиха

Теще
Хозяйкой быть над домом и над вами.

Снегурочка

Коль правда то, что девку не минует
Пора любви и слез по милом, ждите,
Придет она.

Бобыль

Ну, девка.

За сценой пастуший рожок.

Бобылиха

Чу, рожок!
Пригнал пастух скотину. Нет своих,
Хоть на чужих коровок полюбуюсь.

(Уходит.)

Входят ***Лель*** *и один из* ***берендеев-слобожан*** *и подходят к избе Мураша.* ***Мураш*** *сходит с крыльца.*

Явление второе

Бобыль, Снегурочка, Лель, Мураш, берендей.

Берендей

Куда его вести? Черед за нами.

Мураш

Не надо мне.

Берендей

И мне ведь не корысть.

Мураш

А вон Бобыль! Сведем к нему!

Лель *(низко кланяясь)*

Да что вы,
Родимые, как словно от чумы,
Хоронитесь от пастуха?

Мураш

Поди-ко,
Поклонами обманывай других,
А мы тебя, дружка, довольно знаем,
Что бережно, то цело, говорят.

Подходят к Бобылю.

Берендей *(Лелю)*

Иди к нему, ночуй у Бобыля!

Бобыль

Какая есть моя возможность? Что ты?
Забыл аль нет, что миром порешили
Освободить меня от всех накладов,
По бедности моей сиротской? Что ты!

Мураш

Накладу нет с тебя, отправь постой!

Бобыль

Поужинать запросит? Сам не евши
Который день, а пастуха корми!

Мураш

Об ужине и слова нет, накормим;
А твой ночлег, тебе убытку нет.

Бобыль

Освободить нельзя ли, братцы?

Лель *(кланяясь)*

Дядя,
Пусти меня!

Бобыль

Диви б жалели хлеба,
А места он не пролежит у вас.

Берендей

Да видишь, тут такое вышло дело:
Сомнительно пускать-то Леля, – дочка
На возрасте, на выданье у свата.

(Показывая на Мураша.)
Бобыль

У свата дочь, а у тебя?

Мураш *(показывая на берендея)*

Жена
Красавица, да часом малодушна.
Избавь-ко нас от Леля и напредки,
За наш черед пускай к себе. Заплатим,
Кажись, рубля не жаль.

Бобыль

И есть за что,
Да вот что, друг, и у меня капустка,
Пустить козла и мне не прибыль.

Мураш

Полно,
Чего тебе бояться? Не похожа
Снегурочка на наших баб и девок.

Бобыль

Куда ни шло, останься, Лель.

Мураш

Спасибо,
Сторгуемся, не постоим, заплатим.

Мураш и берендей уходят.

Лель *(Бобылю)*

За ласковый прием, за теплый угол
Пастух тебе заплатит добрым словом
Да песнями. Прикажешь, дядя, спеть?

Бобыль

До песен я не больно падок, девкам
Забава та мила, а Бобылю
Ведерный жбан сладимой, ячной браги
Поставь на стол, так будешь друг.
Коль хочешь,
Играй и пой Снегурочке; но даром
Кудрявых слов не трать, –
скупа на ласку.
У ней любовь и ласка для богатых,
А пастуху: «спасибо да прощай!»

(Уходит.)

Явление третье

Снегурочка, Лель.
Лель

Прикажешь петь?

Снегурочка

Приказывать не смею,
Прошу тебя покорно. Слушать песни
Одна моя утеха. Если хочешь,
Не в труд тебе, запой! А за услугу
Готова я служить сама. Накрою
Кленовый стол ширинкой браной, стану
Просить тебя откушать хлеба-соли,
Покланяюсь, попотчую; а завтра
На солнечном восходе разбужу.

Лель

Не сто́ю я твоих поклонов.



Снегурочка

Чем же
Платить тебе за песни?

Лель

Добрым словом,
Приветливым.

Снегурочка

Какая ж это плата?
Со всеми я приветлива.

Лель

За песни
Не платы жду. Мальчонка-пастушонка
Убогого за песню приголубят
Поласковей, когда и поцелуют.

Снегурочка

За поцелуй поешь ты песни? Разве
Так дорог он? При встрече, при прощанье
Целуюсь я со всяким, – поцелуи
Такие же слова: «прощай» и «здравствуй»!

Для девушки споешь ты песню, платит

Она тебе лишь поцелуем; как же
Не стыдно ей так дешево платить,
Обманывать пригоженького Леля!
Не пой для них, для девушек, не знают
Цены твоим веселым песням. Я
Считаю их дороже поцелуев
И целовать тебя не стану, Лель.

Лель

Сорви цветок с травы и подари
За песенку, с меня довольно.

Снегурочка

Шутишь,
Смеешься ты. На что тебе цветочек?
А нужен он, и сам сорвешь.

Лель

Цветок
Не важность есть, а дорог мне подарок
Снегурочки.

Снегурочка

К чему такие речи?
Зачем меня обманываешь, Лель?
Не все ль равно, где б ни взял ты
цветочек, –
Понюхаешь и бросишь.

Лель

Вот увидишь,
Давай его!

Снегурочка *(подавая цветок)*

Возьми!

Лель

На видном месте
Приткну его. Пусть девки смотрят. Спросят,
Откуда взял, скажу, что ты дала.

(Поет.)

Земляничка-ягодка
Под кусточком выросла;

Сиротинка-девушка
На го́ре родилася,
Ладо, мое Ладо!

Земляничка-ягодка,
Без пригреву вызрела,
Сиротинка-девушка
Без призору выросла,
Ладо, мое Ладо!
Земляничка-ягодка
Без пригреву вызябнет,
Сиротинка-девушка
Без привету высохнет.
Ладо, мое Ладо!

Снегурочка, почти плача, кладет свою руку на плечо Леля. Лель вдруг запевает весело:

Как по лесу лес шумит,
За лесом пастух поет,
Раздолье мое!
Ельничек мой, ельничек,
Частый мой березничек,
Приволье мое!
По частым по кустикам,
По малой тропиночке

Девушка бежит.
Ой, бежит, торопится,

Два венка с собой несет –
Себе да ему.
Студеной колодезь мой,
По мхам, по болотинкам
Воды не разлей.
Не мешай по тропочкам,
По стежкам-дороженькам
Девушке бежать.
Не шуми, зеленый лес,
Не шатайтесь, сосенки,
Во чистом бору!
Не качайтесь, кустики,
Не мешайте девушке
Два слова сказать.

Две девушки издали манят Леля. Он вынимает цветок, данный Снегурочкой, и бросает, и идет к девушкам.

Снегурочка

Куда бежишь? Зачем цветок бросаешь?

Лель

На что же мне завялый твой цветок!
Куда бегу? Смотри, вон села птичка

На деревце! Немножко попоет
И прочь летит; удержишь ли ее?
Вон, видишь, ждут меня и ручкой манят.
Побегаем, пошутим, посмеемся,
Пошепчемся у тына под шумок,
От матушек сердитых потихоньку.

(Уходит.)

Явление четвертое

Снегурочка *— одна.*

Снегурочка

Как больно здесь, как сердцу тяжко стало!
Тяжелою обидой, словно камнем,
На сердце пал цветок, измятый Лелем
И брошенный. И я как будто тоже
Покинута и брошена, завяла
От слов его насмешливых. К другим
Бежит пастух; они ему милее;
Звучнее смех у них, теплее речи,

Податливей они на поцелуй;
Кладут ему на плечи руки, прямо
В глаза глядят и смело, при народе,
В объятиях у Леля замирают.
Веселье там и радость.

(Прислушивается.)

Чу! смеются.
А я стою и чуть не плачу с горя,
Досадую, что Лель меня оставил.
А как винить его! Где веселее,
Туда его и тянет сердце. Прав
Пригожий Лель. Беги туда, где любят,
Ищи любви, ее ты стоишь. Сердце
Снегурочки, холодное для всех,
И для тебя любовью не забьется.
Но отчего ж обидно мне, досада
Сжимает грудь, томительно-тоскливо
Глядеть на вас, глядеть на вашу радость,
Счастливые подружки пастуха? Отец-Мороз, обидел ты Снегурку. Но дело я

поправлю: меж безделок,

Красивых бус, дешевых перстеньков

У матери-Весны возьму немного,

Немножечко сердечного тепла, Чтоб только лишь чуть теплилось сердечко.

На улице показываются ***Малуша, Радушка, Малыш, Брусило, Курилка, Лель и другие парни и девушки****, потом* ***Купава****. Парни с поклоном подходят к девушкам.*

Явление пятое

Снегурочка, Купава, Малуша, Радушка, Малыш, Брусило, Курилка, Лель *и* ***берендеи****.*

Малуша *(парням)*

Оставьте нас! Подите подлещайтесь

К Снегурочке своей!

Радушка *(Брусилу)*

Не подходи,

Бесстыжие глаза твои!

Брусило

Доколе ж

Томиться нам, скажите!

Курилка

Порешите
Хоть чем-нибудь!

Радушка

К Снегурочке подите!
Сменяли раз подруг своих заветных
На новую, так веры нет.

Малуша

Найдите
Получше нас, коль мы нехороши.

Брусило

А если нам от новой взятки гладки,
Куда ж тогда?

Радушка

Не плакать же об вас.

Брусило

Уж каялись; не век же распинаться;
Пора забыть про старое.

Радушка

Не вдруг
Забудем мы, не дожидайтесь.

(Малуше.)

Прямо
В глаза тебе смеются, вынимают
Ретивое из белой груди, после
И ластятся, как путные робята:
Мол, так пройдет, как будто ничего,
Забудется.

Малуша

Ни в жизнь не позабудем.

Брусило

Покорствуем, повинную приносим,
А жалости не видим над собой.

Радушка

Умри в глазах, и то не пожалею.

Брусило

Все дело врозь да надвое.

Курилка

Ау!

Хоть волком вой.

Брусило

А врозь, так врозь; и сами
Стоскуются без нас, на мировую
Потянутся.

Радушка

Слепой сказал: посмотрим.

Девушки и парни расходятся в разные стороны.

Купава *(подходя к Снегурочке)*

Снегурочка, одна стоишь, бедняжка!
Оставили тебя, забыли парни,
Хоть Леля бы ласкала.

Снегурочка

Лель не любит
Скучать со мной, ему веселья нужно,
Горячих ласк, а я стыдлива.

Купава

Я-то,
Снегурочка, а я-то как счастлива!
От радости и места не найду,

Вот так бы я ко всякому на шею
И кинулась, про радость рассказала,
Да слушать-то не все охочи. Слушай,
Снегурочка, порадуйся со мной!
Сбирала я цветы на Красной горке,
Навстречу мне из лесу молодец,
Хорош-пригож, румяный, круглолицый,
Красен, кудряв, что маковый цветок.
Сама суди, не каменное сердце,
Без милого не проживешь, придется
Кого-нибудь любить, не обойдешься.
Так лучше уж красавца, чем дурного.
Само собой, по скромности девичьей,
Стараешься ретивое сердечко
Удерживать немного; ну, а все же
На всякий час не опасешься. Парень
Пригож собой, жениться обещает,
Да так-то скор, да так-то скор, что, право,
Скружит совсем, ума не соберешь.
Ну что и как... уж долго ль, коротко ли,

А только мы сдружились. Он богатый
Отецкий сын, по имени Мизгирь,
Торговый гость из царского посада.
Родители мои, конечно, рады
Моей судьбе; а он уж так-то клялся
В Ярилин день, на солнечном восходе,
В глазах царя венками обменяться
И взять меня женой, тогда прощайте.
В его дому, в большом посаде царском,
На всем виду, богатою хозяйкой
Забарствую. Сегодня мой Мизгирь
Приедет к нам в слободку спознаваться
С девицами и парнями. Увидишь,
Порадуйся со мной!

Снегурочка ее целует.

Повеселимся.
Круги водить пойдем на Красной горке.
Да вот и он!

(Бежит и прячется между девушек.)

Входит ***Мизгирь****, за ним* ***двое слуг*** *с мешками. Снегурочка прядет.*

Явление шестое

Снегурочка, Купава, Малуша, Радушка, Мизгирь, Малыш, Брусило, Курилка, Лель, слуги Мизгиря и берендеи.

Купава

Голубушки-девицы,
Пришел красы девичьей погубитель,
С подружками, с родными разлучитель.
Не выдайте подружку, схороните!
А выдайте, так за великий выкуп.

Мизгирь *(учтиво кланяясь)*

Красавицы-девицы, между вами
Не прячется ль красавица Купава?

Радушка

Красавица Купава нам, девицам,
Самим нужна. Отдать, так не с кем будет
Круги водить, и вечера сидеть,
И тайности девичьи говорить.

Мизгирь

Красавицы, подружка вам нужна,
А мне нужней. Один-один гуляю,
Хозяйки нет: кому я золотые
Ключи отдам от кованых ларцов?

Радушка *(девушкам)*

Отдать иль нет?

Малуша

Не отдавай подружку,
У нас еще и песни не допеты,
И игры мы не доиграли с ней.

Мизгирь

Красавицы, подружка вам нужна,
А мне нужней того. Сиротским делом
Кому ласкать меня, лелеять, нежить,
Кому чесать и холить кудри русы?

Радушка

Отдать иль нет подружку?

Малуша

Разве выкуп

Великий даст.

Радушка

Рублем или полтиной,
А жаль рубля, хоть золотою гривной
Дари девиц, Купаву отдадим.

Мизгирь

Не жаль для вас ни гривны, ни полтины,
Не жаль рубля девицам подарить.

(Берет у слуги из мешка деньги и раздает девушкам.)

Орехов вам и пряников печатных
Корабль пришел.

(Отдает мешок с орехами и пряниками.)
Парни окружают Купаву.

Малыш

Не вдруг возьмешь Купаву.
Без выкупа не отдадим. Ребята, Горой стоять! Не выдавайте даром!
А то у нас всех девок поберут,
А нам самим в слободке недостача.

Мизгирь

К девицам я и лаской и приветом,
А с вами речь иную поведу;
Отсыплю вам – давайте берендейку –
Пригоршни две, и разговор короток.

Малыш подставляет шапку-берендейку, Мизгирь сыплет две пригоршни и берет Купаву.

Купава

Сердечный друг, свою девичью волю,
Подруг, родных на милого дружка
Сменяла я; не обмани Купаву,
Не погуби девического сердца.

Отходят и садятся на крыльце избы Мураша.

Брусило

Однако нам Мизгирь в глаза смеется.
Ну, братцы, жаль, не на меня напал!
Не очень-то со мной разговоришься.
Не стал бы я терпеть обидных слов,
Своих ребят чужому-чуженину
Не выдал бы на посмеянье.

Малыш

Ой ли?

А что ж бы ты?

Брусило

Да не тебе чета.

Уж, кажется…

(Засучивает рукава.)

Малыш

Начни, а мы посмотрим.

Брусило

Крутенек я и на руку тяжел.

Уж лучше вы меня свяжите, братцы,

Чтоб не было беды какой.

Малыш

Смотри,

Коль сунешься, не пяться.

Брусило

Невозможно,

Попотчую, небитым из слободки

Не выпущу. Курилка, задирай!

Курилка *(Мизгирю)*

Эй ты, Мизгирь, послушай, брат, робята

Обиделись.

Мизгирь *(встает с крыльца)*

На что?

Курилка

На грубость.

Мизгирь

Будто?

Курилка

Уж верно так.

Мизгирь *(подходя к Курилке)*

А ты обижен тоже?

Ну, что ж молчишь!

Курилка

Да я-то ничего.

Мизгирь

Так прочь поди; да поумней пошлите

Кого-нибудь.

Курилка

А я небось дурак,
По-твоему?

Мизгирь

Дурак и есть.

Курилка

За дело ж
Сбирается тебя побить Брусило.

Мизгирь

Брусило? Где? Какой такой? Кажите!
Давай его!

Малыш *(удерживает Брусила)*

Куда же ты? Постой!

Мизгирь

Брусило ты? Поди сюда поближе!

Брусило *(парням, которые его подталкивают)*

Да полно вам!

(Мизгирю.)

Не слушай, государь!
Известно, так дурачимся, для шутки,
Промеж себя.

Радушка

Эх, горе-богатырь!

Да так тебе и надо.

Малуша

Ништо им!

У них в глазах и нас возьмут чужие.

Курилка

А мы пойдем за девками чужими.

Радушка

А мы об вас и думать позабыли.

Девки и парни расходятся врозь.

Купава *(парням)*

Не стыдно ль вам? К девице-слобожанке

Жених пришел, его приветить нужно;

А вы на брань и драку лезть готовы.

Малыш

Брусило здесь зажига.

Брусило

Непорядок –

Чужих ребят пускать в слободку. Сами
Вспокаетесь, – останемся без девок,
Купаву взять и без него умели б.

Купава

Умел бы ты, да я-то не умею
Любить тебя, вот горе.

(Девушкам.)

Запевайте,
Подруженьки, веселую погромче!
Пойдем в лужок да заведем кружок!

Девушки запевают: «Ай во поле липонька» — и уходят; парни за ними, поодаль. Лель садится подле Снегурочки и оплетает рожок берестой. Купава с Мизгирем подходят к Снегурочке.

Купава

Снегурочка, потешь свою подружку
В последний раз, в останешний, – пойдем
Круги водить, играть на Красной горке.
Не долго мне резвиться-веселиться,
Последний день моей девичьей воли,
Снегурочка, последний.

Снегурочка

Я, Купава,
Иду с тобой, возьмем и Леля. Пряжу
Снесу домой и побегу за вами.

(Уходит в избу.)

Купава *(Мизгирю)*

Сердечный друг, пойдем! Они догонят.

Мизгирь

Постой, постой!

Купава

Девицы за слободкой
Полком стоят и ждут.

Мизгирь

Твоя подружка
Снегурочка; а Лель у вас при чем?

Снегурочка *выходит, за ней* ***Бобыль*** *и* ***Бобылиха****.*

Явление седьмое

Снегурочка, Купава, Мизгирь, Лель, Бобыль,

Бобылиха.

Купава

Снегурочке без Леля будет скучно.

Мизгирь

Да правда ли? Не веселей ли будет
Снегурочке со мной идти?

Купава

А я-то?

Мизгирь

А ты возьми хоть Леля.

Купава

Как же, милый?
Ведь я твоя, твоя; одна могила
Разлучит нас.

Мизгирь

Пойдешь ли ты, иль нет,
А я останусь здесь.

Бобыль

Покорно просим.

Купава

Закрой сперва сыпучими песками
Глаза мои, доской тяжелой сердце
У бедненькой Купавы раздави,
Тогда бери другую. Очи видеть
Разлучницы не будут, горя злого
Ревнивое сердечко не учует.
Снегурочка, завистница, отдай
Дружка назад!

Снегурочка

Подружка дорогая,
И ты, дружок ее, оставьте нас.
Слова твои обидно, больно слушать.
Снегурочка чужая вам. Прощайте!
Ни счастьем вы пред нами не хвалитесь,
Ни в зависти меня не упрекайте!

(Хочет идти.)
Мизгирь *(удерживает ее)*

Снегурочка, останься! Кто счастливец
Любовник твой?

Снегурочка

Никто.

Мизгирь

Так буду я.

(Купаве)

Смотри туда, Купава! Видишь, солнце
На западе, в лучах зари вечерней,
В пурпуровом тумане утопает!
Воротится ль оно назад?

Купава

Для солнца
Возврата нет.

Мизгирь

И для любви погасшей
Возврата нет, Купава.

Купава

Горе, горе!
Голубушки-подружки, воротитесь!

(Убегает.)

Мизгирь

Люби меня, Снегурочка! Дарами

Бесценными красу твою осыплю
Бесценную.

Снегурочка

Любви моей не купишь.

Мизгирь

И жизнь свою отдам в придачу. Слуги,
Казну мою несите!

Бобылиха *(Снегурочке)*

Ты, с ума-то
Великого, не вздумай отказаться!

Бобыль

Мешки тащат, Снегурочка, попомни
Родителей!

Бобылиха

Не пронесли бы мимо.
А так в глазах и заплясала кика
Рогатая с окатным жемчугом.

Снегурочка

Сбирайте дань, завистливые люди,
С подружкина несчастья, богатейте

Моим стыдом. Не жалуйтесь, согласна
Притворствовать для ваших барышей.

Бобыль

Попотчевал бы гостя, да не знаю,
Чего подать: сотов медовых, меду
Стоялого серебряную стопу,
Коврижку ли медовую да бражки?

Мизгирь

Чего не жаль, того и дай.

Бобыль

Помилуй,
Жалею ль я. Чего душе угодно?

Мизгирь

Подай медку!

Бобыль

Какой тебе по нраву:
Малиновый аль вишневый, инбирный?

Мизгирь

Какой-нибудь.

Бобыль

И всякого довольно,

Да не у нас, а у соседей. Веришь,

Шаром кати – ни корки хлеба в доме,

Ни зернушка в сусеке, ни копейки

Железной нет в мошне у Бобыля.

Мизгирь

Бери мешок, старик, – пойдет в зада-ток

За дочь твою.

Бобыль

Тащи в избу, старуха,

Корпи над ним! Покорно благодар-ствуй!

Теперь медком и бражкой разживемся,

Попотчую тебя и сам напьюсь.

Мизгирь

Давать казну, так знать за что. Уж Леля

Подальше ты держи, а то разладим,

Рассоримся, старик.

Бобыль

Такое ль дело,

Чтоб ссориться! Велик ли Лель, помилуй!

Да как тебе угодно, так и будет, –

Велишь прогнать, прогоним.

Мизгирь

Прогони!

Бобыль

Снегурочка! Не полюбилось гостю,

Что Лель торчит перед глазами. Дочка,

Скажи ему, чтоб он гулял кругом

Да около, сторонкой обходил

Бобыльский двор! А у избы толочься

Не для чего, мол, друг любезный, такто!

Снегурочка

Поди от нас, уйди подальше, Лель!

Не я гоню, нужда велит.

Лель

Прощайте!

Снегурочка

О чем же ты заплакал? Эти слезы
О чем, скажи!

Лель

Когда сама заплачешь,
Узнаешь ты, о чем и люди плачут.

(Отходит.)

Мизгирь *(обнимая Снегурочку)*

Не знаешь ты цены своей красе.
По свету я гулял торговым гостем,
На пестрые базары мусульман
Заглядывал; со всех сторон красавиц
Везут туда армяне и морские
Разбойники, но красоты подобной
На свете мне встречать не приходилось.

Входит ***Купава с девушками и парнями. Мураш*** *сходит с крыльца.*

Явление восьмое

Снегурочка, Мизгирь, Бобыль, Лель, Купава,

Мураш, Радушка, Малуша, Малыш, Брусило, Курилка, берендеи и берендейки.

Купава

Голубушки-подружки, поглядите!
Отец, гляди, в слезах твоя Купава!
Тоска ее за горло душит, сухи
Уста ее горячие; а он –
С разлучницей, веселый, прямо в очи
Уставился, глядит, не наглядится.

Мураш

Да как же так?

Малыш

Диковина, ребята.

Радушка

Обидел он Купаву кровно.

Малуша

Всех,
Обидел всех девиц.

Мураш

Такого дела

Не слыхано у честных берендеев.

Купава

Скажи, злодей, при всем честном народе,
Тогда ли ты обманывал Купаву,
Когда в любви ей клялся? Или вправду
Любил ее и обманул теперь,
Позарившись несытыми очами
На новую добычу? Говори!

Мизгирь

К чему слова! Для сердца нет указки.
Немало клятв безумных приберешь
В пылу любви, немало обещаний;
Да разве их запомнишь после? Клятвы
Цепями ты считаешь, я – словами,
Не помню их, и сердца не вяжу:
Вольно ему любить и разлюбить;
Любил тебя, теперь люблю другую,
Снегурочку.

Радушка

Обидно берендейкам

Такую речь от берендея слышать.

Брусило

Чего еще! Уж хуже не бывает.

Мураш

Давно живу, и старые порядки
Известны мне довольно. Берендеи,
Любимые богами, жили честно.
Без страха дочь мы парню поручали,
Венок для нас – порука их любви
И верности до смерти. И ни разу
Изменою венок поруган не был,
И девушки не ведали обмана,
Не ведали обиды.

Радушка

Всем обида,
Обида всем девицам-берендейкам!

Купава

За что же ты Купаву разлюбил?

Мизгирь

Влюбленному всего дороже скром-

ность

И робкая оглядка у девицы;

Сам-друг она, оставшись с милым, ищет

Как будто где себе защиты взором.

Опущены стыдливые глаза,

Ресницами покрыты; лишь украдкой

Мелькнет сквозь них молящий нежно взор.

Одной рукой ревниво держит друга,

Другой его отталкивает прочь.

А ты меня любила без оглядки,

Обеими руками обнимала

И весело глядела.

Купава

Ах, обида!

Мизгирь

И думал я, твое бесстыдство видя,

Что ты меня сменяешь на другого.

Купава

Ах, ах! Отец, родные, заступитесь!

Все стоят пораженные.

Защиты нет Купаве?

Все молчат.
(Подняв руки, обращается к пчельнику.)

Пчелки, пчелки!
Крылатые, летите ярым роем,
Оставьте вы соты медовые, впейтесь
В бесстыжие глаза! Не заикнулся ж
Язык его, не поперхнулось горло
Сказать, что я девица без стыда, И пристыдить родимых. Залепите
Лицо его и песий взгляд лгуна!

(Обращаясь к хмельнику.)

Хмелинушко, тычинная былинка,
Высоко ты по жердочке взвился,
Широко ты развесил яры шишки.

(Становится на колени.)

Молю тебя, кудрявый ярый хмель,
Отсмей ему, насмешнику, насмешку
Над девушкой! За длинными столами,
Дубовыми, за умною беседой,

В кругу гостей почетных, поседелых,
Поставь его, обманщика, невежей
Нетесаным и круглым дураком.
Домой пойдет, так хмельной головою
Ударь об тын стоячий, прямо в лужу
Лицом его бесстыжим урони!
О реченька, студеная водица,
Глубокая, проточная, укрой
Тоску мою и вместе с горем лютым
Ретивое сердечко утопи!

(Бежит к реке, Лель ее удерживает, почти бесчувственную.)

Лель

Зачем топить ретивое сердечко!
Пройдет тоска, и сердце оживет.

Мураш

За девушек обманутых заступник
Великий царь. Проси царя, Купава.

Все

За всех сирот заступник Берендей.

Купава

Постылый ты, постылый человек!

(Падает на руки Леля.)

Мураш

Дождался ты проклятья от Купавы.
Не долго ждать погибельного гнева
От праведно карающих богов.

Действие второе

ЛИЦА:
Царь Берендей.
Бермята, ближний боярин.
Елена Прекрасная, его жена.
Снегурочка.
Купава.
Бобыль.
Бобылиха.
Мизгирь.
Лель.
Бояре, боярыни, гусляры, слепые, скоморохи, отроки, бирючи, берендеи всякого звания, обоего пола.

Открытые сени во дворце царя Берендея; в глубине, за точеными балясами переходов, видны вершины деревьев сада, деревянные резные башни и вышки.

Явление первое

Царь Берендей *сидит на золотом стуле, расписывает красками один из столбов. У ног царя*

сидят на полу ***два скомороха****; несколько поодаль —* ***слепые гусляры с гуслями****; на переходах и у дверей стоят* ***царские отроки****.*

Гусляры *(поют)*

Вещие, звонкие струны рокочут
Громкую славу царю Берендею.
Долу опустим померкшие очи.

Ночи
Мрак безрассветный смежил их навечно,
Зрячею мыслью, рыскучей оглянем
Близких соседей окрестные царства.
Что мне звенит по заре издалече?
Слышу и трубы, и ржание коней,
Глухо стези под копытами стонут.
Тонут
В сизых туманах стальные шеломы,
Звонко бряцают кольчатые брони,
Птичьи стада по степям пробуждая.
Луки напряжены, тулы[22] *открыты,*
Пашут по ветру червленые стяги,

---

[22] Сноски: 22
Тулы — колчаны, в которых держали стрелы.

Рати с зарания по полю скачут.
Плачут
Жены на стенах и башнях высоких:
Лад своих милых не видеть нам боле,
Милые гибнут в незнаемом поле.
Стоны по градам, притоптаны нивы…
С утра до ночи и с ночи до свету
Ратаи[23] *черными вранами рыщут.*
Прыщут
Стрелы дождем по щитам вороненым,
Гремлят мечи о шеломы стальные,
Сулицы[24] *скрозь прободают доспехи.*
Чести и славы князьям добывая,
Ломят и гонят дружины дружины,
Топчут комонями[25]*, копьями нижут.*
Лижут
Звери лесные кровавые трупы,
Крыльями птицы прикрыли побитых,

---

[23] Сноски: 23
Ратай — воин, ратник, иногда — земледелец.

[24] Сноски: 24
Сулица — короткое копье.

[25] Сноски: 25
Комонь — конь.

Тугой[26] *поникли деревья и травы.*
Веселы грады в стране берендеев,
Радостны песни по рощам и долам,
Миром красна Берендея держава.

Слава
В роды и роды блюстителю мира!
Струны баянов греметь не престанут
Славу златому столу Берендея.

Царь знаком благодарит слепых, их уводят.

1-й скоморох

Что ж это царь, – к чему, скажи, пристало –
Внизу столба коровью ногу пишет.

2-й скоморох

Аль ты ослеп? Да где ж она, коровья?

1-й скоморох

Какая же?

2-й скоморох

Какая! Видишь: песья.

---

[26] Сноски: 26
Туга — печаль.

1-й скоморох

Коровья, шут.

2-й скоморох

Ан, песья.

1-й скоморох

Ан, коровья,
С копытами.

2-й скоморох

Да песья ж.

1-й скоморох

Сам ты пес,
Собачий нос!

2-й скоморох

А ты корова.

1-й скоморох

Я-то?

Дерутся.

Так я тебя рогами забоду!

2-й скоморох

А я тебя зубами загрызу!

Встают на ноги и расходятся, приготовляясь биться на кулачки.

Царь

На место, вы!

Скоморохи садятся.

Ни песья, ни коровья,
А крепкая нога гнедого тура[27].
Палатное письмо имеет смысл.
Небесными кругами украшают
Подписчики в палатах потолки
Высокие; в простенках узких пишут,
Утеху глаз, лазоревы цветы
Меж травами зелеными; а турьи
Могучие и жилистые ноги
На притолках дверных, припечных турах[28],
Подножиях прямых столбов, на коих

---

[27] Сноски: 27

Тур — дикий вол, буйвол.

[28] Сноски: 28

Припечный тур — печной столб, который обычно расписывали красками.

Покоится тяжелых матиц[29] *груз.*
В преддвериях, чтоб гости веселее
Вступали в дом, писцы живописуют
Таких, как вы, шутов и дураков.
Ну, поняли, глупцы?

1-й скоморох

Скажи, который
Из нас двоих глупее.

2-й скоморох

Вот задача!
Нехитрому уму не разгадать.

Царь

Приятно ум чужой своим примерить,
На меру взять и на́ вес; глупость мерить –
Напрасно труд терять.

Входит ***Бермята****.*

Подите вон!

Скоморохи уходят.

---

[29] Сноски: 29
Матица — потолочная балка.

Явление второе

Царь Берендей, Бермята.

Великий царь счастливых берендеев,
Живи вовек! От радостного утра,
От подданных твоих и от меня
Привет тебе!
В твоем обширном царстве
Покуда все благополучно.

Царь

Правда ль?

Бермята

Воистину.

Царь

Не верю я, Бермята.
В суждениях твоих заметна легкость.
Не раз тебе и словом и указом
Приказано, и повторяю вновь,
Чтоб глубже ты смотрел на вещи, в сущность

Проникнуть их старался, в глубину.
Нельзя ж легко, порхая мотыльком,
Касаться лишь поверхности предметов:
Поверхностность – порок в почетных лицах,
Поставленных высоко над народом.
Не думай ты, что все благополучно,
Когда народ не голоден, не бродит
С котомками, не грабит по дорогам.
Не думай ты, что если нет убийств
И воровства…

Бермята

Воруют понемножку.

Царь

И ловите?

Бермята

Зачем же их ловить,
Труды терять? Пускай себе воруют,
Когда-нибудь да попадутся; в силу
Пословицы народной: «Сколько вору

Ни воровать, кнута не миновать».

Царь

Конечно, грех неправого стяжанья
По мелочи не очень-то велик
Сравнительно, а все же не мешает
Искоренять его. Не уклонимся ж
От главного предмета разговора.
Благополучие – велико слово!
Не вижу я его давно в народе,
Пятнадцать лет не вижу. Наше лето
Короткое, год от году короче
Становится, а весны холодней –
Туманные, сырые, точно осень,
Печальные. До половины лета
Снега лежат в оврагах и лядинах,
Из них ползут туманы по утрам,
А к вечеру выходят злые сестры –
Трясучие и бледные кумохи[30].
И шляются по деревням, ломая,
Знобя людей. Недавно мы гуляли

---

[30] Сноски: 30

Кумоха — лихорадка (народное суеверие гласило, что кумох было двенадцать).

С женой твоей, Прекрасною Еленой,
В саду моем тенистом. Под кустами,
От зорких глаз садовников скрываясь,
Таилася подтаявшая льдинка;
Беспечные, как дети, мы шутили,
Резвилися с Прекрасною Еленой;
Но холодок, виясь тонкой струйкой,
Лица ее прекрасного коснулся;
И вздулись вдруг малиновые губы
И правая румяная щека,
Гора горой, мгновенно исказилась
Улыбка уст медовых. Нет, Бермята,
Не все у нас благополучно, друг.
Пятнадцать лет не кажется Ярило
На наш призыв, когда, встречая Солнце,
В великий день Ярилин, мы напрасно
Тьмотысячной толпой к нему взываем
И песнями его величье славим.
Сердит на нас Ярило.

Бермята

Царь премудрый,
За что б ему сердиться?

Царь

Есть за что.
В сердцах людей заметил я остуду
Немалую; горячности любовной
Не вижу я давно у берендеев.
Исчезло в них служенье красоте;
Не вижу я у молодежи взоров,
Увлажненных чарующею страстью;
Не вижу дев задумчивых, глубоко
Вздыхающих. На глазках с поволокой
Возвышенной тоски любовной нет,
А видятся совсем другие страсти:
Тщеславие, к чужим нарядам зависть
И прочее. В женатых охлажденье
Заметнее еще: на жен, красавиц
Диковинных, с сокольими очами,
На пышную лебяжью белизну
Упругих плеч – супруги-берендеи,
Сонливые, взирают равнодушно. Кажись бы я… эх, старость, старость! Где вы, Минувшие веселые года
Горячих чувств и частых увлечений?

Чудесные дела недуг любовный
Творил в душе моей: и добр и нежен
Бывал тогда счастливый Берендей,
И всякого готов принять в обьятья
Открытые. Теперь и стар и сед,
А все-таки не понимаю, можно ль
Холодным быть, бесстрастным оставаться
При виде жен румяных, полногрудых.
Но в сторону не будем уклоняться,
На прежнее воротимся. А жены!
Нельзя сказать, что потеряли вовсе
Горячую привязанность к мужьям,
А все ж таки супружеская верность
Утратила немного, так сказать,
Незыблемость свою и несомненность.
Короче, друг, сердечная остуда
Повсюдная, – сердца охолодели,
И вот тебе разгадка наших бедствий
И холода: за стужу наших чувств
И сердится на нас Ярило-Солнце
И стужей мстит. Понятно?

Бермята

Понимаю,
Великий царь, но горю пособить
Не вижу средств.

Царь

А средства быть должны.
Подумай-ко, Бермята!

Бермята

Царь премудрый,
Издай указ, чтоб жены были верны,
Мужья нежней на их красу глядели,
Ребята все чтоб были поголовно
В невест своих безумно влюблены,
А девушки задумчивы и томны…
Ну, словом, как хотят, а только б были
Любовники.

Царь

Весьма нехитрый способ,
А пользы-то дождемся?

Бермята

Никакой.

Царь

К чему ж тогда указы?

Бермята

Перед Солнцем
Очистка нам: приказано, мол, было,
Не слушают, так их вина, нельзя же
По сторожу ко всякому приставить.

Царь

Придумано неглупо, но некстати.
Мольбами лишь смягчают гнев богов
И жертвами. Бессонницей томимый,
Продумал я всю ночь, до утра вплоть,
И вот на чем остановился: завтра,
В Ярилин день, в запóведном лесу,
К рассвету дня сойдутся берендеи.
Велим собрать, что есть в моем народе,
Девиц-невест и парней-женихов
И всех зараз союзом неразрывным
Соединим, лишь только Солнце брыз-

нет
Румяными лучами по зеленым
Верхам дерев. И пусть тогда сольются
В единый клич привет на встречу Солнцу
И брачная торжественная песнь.
Угодней нет Яриле жертвы!

Бермята

Мудрый,
Великий царь, уж как ни весела,
Ни радостна такая встреча Солнцу,
Да только жаль, что невозможна.

Царь

Что?
Чего нельзя, Бермята? Невозможно
Исполнить то, чего желает царь?
В уме ли ты?

Бермята

Не гневайся! Невесты
Рассорились до драки с женихами.
Уж где женить! На сажень маховую

Не подведешь друг к другу.

Царь

Из чего?

Бермята

Какая-то в зареченской слободе
Снегурочка недавно объявилась.
Передрались все парни за нее.
На женихов накинулись невесты
Из ревности, и брань идет такая –
Усобица, что только руки врозь!

Царь

Во-первых, я не верю, во-вторых,
Быть может, ты и прав, тогда старайся
Уладить всех и примирить до завтра.
Решение мое непременимо.

Входит ***отрок****.*

Отрок

Девушка красная
Просится, кучится
Взнесть челобитьице.

Царь

Разве для девушек
Входы заказаны,
Двери затворены?

Отрок вводит ***Купаву****.*

Явление третье

Царь Берендей, Бермята, Купава, отрок*.*
Купава *(кланяясь)*

Батюшко, светлый царь!

Царь *(ласково подымая ее)*

Сказывай, слушаю!

Купава

Батюшко, светлый царь,
Нешто так водится?
Где ж это писано,
Где же показано?
Сердце-то вынувши…

(Плачет.)
Царь

Сказывай, слушаю.

Купава

Сердце-то вынувши,
Душу-то вызнобив,
Девичьей лаской
Вдосталь натешившись,
Вдоволь нахваставшись,
При людях девицу
Назвал бесстыжею.

Царь

Слышу я, девица,
Слезную жалобу,
Горе-то слышится,
Правда-то видится,
Толку-то, милая,
Мало-малехонько.
Сказывай по́ ряду,
Что и как деялось,
Чем ты обижена,
Кем опозорена!

Купава *(плача)*

Сказывать, светлый царь?

Царь

Сказывай, умница!

Купава

Время весеннее,
Праздники частые,
Бродишь, гуляючи,
По лугу, по лесу,
Долго ли встретиться,
Долго ль знакомиться
Девушке с парнями?
Вот я и встретилась.

Царь

С кем же ты встретилась,
С кем познакомилась?

Купава

Встретилась с юношем
Чину торгового,
Роду Мизгирьего.

Царь

Знаю, красавица.

Купава *(плача)*

Сказывать, светлый царь?

Царь

Сказывай, сказывай!

Купава

Дай-ко, спрошу тебя,
Батюшко, светлый царь:
Клятвы-то слушать ли,
В совесть-то верить ли,
Али уж в людях-то
Вовсе извериться?

Царь

Как же не верить-то,
Милая девушка!
Чем же и свет стоит?
Правдой и совестью
Только и держится.

Купава *(плача)*

Я и поверила.

Сказывать, светлый царь?

Царь

Сказывай, умница!

Купава

Дай-ко, еще спрошу!
Парень приглянется,
Парень полюбится,
Думаешь век прожить
В счастье и в радости;Парень-то ласковый,
Надо ль любить его?

Царь

Надо, красавица.

Купава *(плача)*

Так я и сделала.
Сказывать, светлый царь?

Царь

Сказывай, сказывай!

Купава

Всех-то забыла я,

Батюшку родного,
Близких и сродников,
Милых подруженек,
Игры веселые,
Речи заветные.
Знаю да помню лишь
Друга любезного.
Встретясь, целуемся,
Сядем, обнимемся,
В очи уставимся,
Смотрим, любуемся.
Батюшко, светлый царь,
Видно, людское-то
Счастье ненадолго. Вздумали, в лес пошли, Взяли подруженек,
Звали Снегурочку.
Только завидел он
Злую разлучницу,
Коршуном воззрелся,
Соколом кинулся,
Подле разлучницы
Вьется, ласкается,

Гонит, срамит меня,
Верную, прежнюю.
Сам же он выкланял,
Выплакал, вымолил
Сердце у девушки,
Сам же корит, бранит:
При людях девушку
Назвал бесстыжею…

Царь

Бедная девушка!
За сердце трогают
Речи нехитрые,
Горе правдивое.

Купава

Слушала, слушала,
Свету невзвидела,
Ноги-то резвые
Ровно подкошены,
Так и валюсь снопом,
Веришь ли, светлый царь,
Так вот и падаю, Вот хоть сейчас гля-

ди, –

Так вот точнехонько

Оземь и грянулась.

(Хочет упасть, царь ее поддерживает.)

Царь

Красавица, поверь, что, если б громы

Средь ясного, безоблачного неба

Раскатами внезапно возгремели,

Не так бы я дивился, как дивлюсь

Словам твоим бесхитростным. Смеяться

Над девушкой покинутой, над сердцем,

Ребячески доверчивым! Ужасно!

Неслыханно, Бермята! Страшно верить!

Приспешники, ищите по посаду

Преступника; поставьте Мизгиря

На суд царев.

Приспешники уходят.

Глашатаи, по вышкам

Скликать народ с базаров и торгов

На царский двор, на царский грозный

суд,

А кликать клич учтиво, честно, складно,

Чтоб каждому по чину величанье,

По званию и летам был почет.

Да кланяйтесь почаще да пониже!

Глашатаи по переходам бегут на вышки.

1-й бирюч *(кричит с вышки)*

Государевы люди:

Бояре, дворяне,

Боярские дети,

Веселые головы,

Широкие бороды!

У вас ли, дворяне,

Собаки борзые,

Холопы босые!

2-й бирюч *(с другой вышки)*

Гости торговые,

Шапки бобровые,

Затылки толстые,

Бороды густые,

Кошели тугие!

1-й бирюч

Молодые молодицы,
Дочери отецкие,
Жены молодецкие!
У вас ли мужья сердитые,
Ворота браные,
Рукава шитые,
Затылки битые.

2-й бирюч

Дьяки, подьячие,
Парни горячие,
Ваше дело: волочить да жать,
Да руку крючком держать.

1-й бирюч

Старые старички,
Честные мужички,
Подполатные жители,
Бабьи служители!

2-й бирюч

Старые старушки,

Совьи брови,

Медвежьи взгляды,

Ваше дело: намутить, наплесть,

Сына со снохой развесть.

1-й бирюч

Молодые молодцы,

Удалые удальцы,

Молодо-зелено,

Погулять велено.

Люди за дело,

Вы за безделье. Ваше дело по теремам поглядывать, Девок выманивать.

2-й бирюч

Красные девицы,

Криночные баловницы,

Горшечные пагубницы,

Ваше дело: лоб лощить,

Дом врозь тащить,

Лепешки печь, под забор хоронить

Да ребят кормить.

1-й бирюч

Слушайте-послушайте,
Государевы люди,
Государеву волю!
Идите в красные ворота
На красный царский двор!
Вереи точены,
Ворота золочены.
С красного двора в новы сени,
На частые ступени,
В дубовые двери,
В государевы палаты,
Суд судить, ряд рядить.

Сходят с вышек.

Царь

Любезна мне игра ума и слова:
Простая речь жестка. Уборы красят
Красивых жен; высокие палаты
Прикрасами красны, а речи – складом,
Теченьем в лад и шуткой безобидной.
Сбирается народ?

Отрок *(с переходов)*

Валит толпами,

Великий царь.

Царь *(Купаве)*

Девица, не тужи!

Печаль темнит лица живые краски.
Забывчиво девичье горе, сердце

Отходчиво: как в угольке, под пеплом

Таится в нем огонь для новой страсти.

Обидчика забудь! А за обиду

Отмститель суд да царь.

Из внутренних покоев выходят ***Прекрасная Елена и боярыни****; из наружных дверей и с лестницы —* ***народ****; между народом* ***Мураш и Лель****.* ***Приспешники*** *приводят* ***Мизгиря****.*

Явление четвертое

Царь Берендей, Бермята, Прекрасная Елена, Купава, Мураш, Лель, Мизгирь, царские отроки, народ*.*

Царь *(Прекрасной Елене)*

Привет тебе,

Краса дворца, Прекрасная Елена!

Прекрасная Елена

Привет тебе, великий Берендей,
От жен и дев, от юных берендеек,
От всех сердец, лелеющих любовь.

Хор народа

Привет тебе, премудрый,
Великий Берендей,
Владыка среброкудрый,

Отец земли своей.
Для счастия народа
Богами ты храним,
И царствует свобода
Под скипетром твоим,
Владыка среброкудрый,
Отец земли своей.
Да здравствует премудрый,
Великий Берендей!

Царь *(народу)*

Спасибо вам! В приводе ль виноватый?

Бермята

Виновный здесь, смиренно ждет суда.

Царь *(народу)*

Вина его известна вам?

Народ

Известна.

Царь *(Мизгирю)*

В вине своей винишься ль ты?

Мизгирь

Винюсь.

Царь

Вина его ужасна, берендеи.
Для милости закроем наше сердце
На этот раз. К злодеям сожаленье
Грозит бедой: разгневанные боги
Вину его на нас обрушат, карой
Падет она на берендеев. Мщенье
Преступнику грозящий гнев смиряет.
Поругана любовь! Благое чувство,
Великий дар природы, счастье жизни,
Весенний цвет ее! Любовь невесты
Поругана! Распуколка души,

Раскрывшейся для первых чувств, цветок
Невинности благоуханной! Срам
И стыд моим серебряным сединам!
Чему Мизгирь повинен, говорите!

Бермята

Заставь его жениться на девице
Обиженной!

Мураш

Заставь молить прощения
У ног ее, а если не захочет,
Тогда карай грозой своей.

Царь

Мизгирь,
Желаешь ли загладить грех, Купаву
Понять в жену?

Мизгирь

У Мизгиря невеста –
Снегурочка.

Бермята

Его заставить можно,
Премудрый царь.

Царь

Не терпит принужденья
Свободный брак.

Мураш

Не дай ему ругаться,
Обидчику! Спроси сперва Купаву,
Желает ли она сама?

Царь

Купава!

Купава

Великий царь, любви Купава ищет.
Хочу любить, а как его полюбишь?
Обижено, разбито сердце им;
Лишь ненависть к нему до гроба будет
В груди моей. Не надо мне его.

Царь

Честной народ, достойна смертной казни

Вина его; но в нашем уложеньи
Кровавых нет законов, пусть же боги
Казнят его по мере преступленья,
А мы судом народным Мизгиря
На вечное изгнанье осуждаем.
Иди от нас, преступник, поругатель
Горячности доверчивой любви,
Внушенной нам природой и богами.
Гоните прочь его от каждой двери,
От каждого жилья, где свято чтутся
Обычаи честные старины!
В пустыню, в лес его гоните! Звери –
Товарищи тебе по сердцу; сердце
Звериное с зверями тешь, Мизгирь!

Мизгирь

Ни слова я не молвлю в оправданье;
Но если б ты, великий царь, увидел
Снегурочку…

Народ

Снегурочка идет!

Входит ***Снегурочка****, за ней* ***Бобыль и Бобыли-***

***ха**, одетая богато, в большой рогатой кичке.*

Явление пятое

***Царь Берендей, Бермята, Прекрасная Елена, Купава, Мураш, Лель, Мизгирь, Снегурочка, Бобыль, Бобылиха, царские отроки, народ**.*

Снегурочка *(оглядывая дворец)*

Какой простор, как чисто все, богато!
Смотри-ка, мать! Лазоревый цветочек –
Живехонек.

(Садится на пол и рассматривает цветок на столбе.)

Бобылиха

Да ты бы поклонилась
Вперед всего! И нам поклон отвесят,
Ведь тоже мы не из последних.

(Толкает Снегурочку локтем и говорит тихо.)

Смотрят
На кику-то?

Снегурочка

Дивуются, глядят.

Бобылиха

Ну, кланяйся!

Снегурочка

Забыла, не взыщите!
Ну, здравствуйте, честные берендеи!

Бобылиха

Боярыни стоят, гляди! А кики
Попроще, чай, моей?

Снегурочка

Твоя рогатей.

Бобылиха

Ну, то-то же, пускай глядят да сохнут
От зависти!

Снегурочка *(указывая на царя)*

А это кто? Кафтан-то
Узорчатый, обвязка золотая
И по пояс седая борода.

Бобылиха

Да это царь.

Снегурочка

Ах! Мама, страшно стало
Снегурочке. Пойдем на волю.

Бобыль

Ну-ко
С добра ума какую речь сказала!
Впервой пришлось Бакуле Бобылю
На царские палаты любоваться,
Да вон идти! Какая нам неволя!
Побарствуем, покуда не погонят.

Бобылиха

Невежа ты! Глазеешь, рот разиня,
По сторонам, а батюшко, великий
Премудрый царь, дивится: что за дура
В высокие хоромы забежала,
Незванная. Деревня ты, деревня!
Поди к нему, не бойся, не укусит
Да кланяйся пониже!

Снегурочка *(подойдя к царю, кланяется)*

Здравствуй, царь!

Царь *(берет ее за руку)*

Полна чудес могучая природа!
Дары свои обильно рассыпая,
Причудливо она играет: бросит
В болотинке, в забытом уголке
Под кустиком, цветок весны жемчужный,
Задумчиво склоненный ландыш, брызнет
На белизну его холодной пылью
Серебряной росы, – и дышит цветик
Неуловимым запахом весны,
Прельщая взор и обонянье.

Снегурочка

Жалко,
Что ландыши так скоро отцвели!
Сказал бы ты, что любишь их, так я уж
Давно б тебе пучочек нарвала,
Хорошеньких. Не всякий место знает,
А я в лесу, как дома; если хочешь,
Пойдем со мной, я место укажу.

Царь

Не плачу я, что цветики увяли,
Такой цветок цветет перед очами,
Что я смотрю, смотрю, да и не верю, –
Во сне иль въявь цветок передо мной?

Снегурочка с довольным видом смотрит на всех и охорашивается.

Ее краса поможет нам, Бермята,
Ярилин гнев смягчить. Какая жертва
Готовится ему! При встрече Солнца
Вручим ее счастливому супругу.
Снегурочка, пришла твоя пора:
Ищи себе по сердцу друга!

Снегурочка

Где же
Искать его, не знаю.

Царь

Сердце скажет.

Снегурочка

Молчит мое сердечко.

Царь *(отводя Снегурочку)*

Не стыдись!
Преклонные лета равняют старца
С девицею. Стыдливость неуместна
Пред старыми потухшими глазами.
Откройся мне: кого порой вечерней
На зыбкое крылечко поджидаешь?
Кого вдали, прикрывши ручкой глазки,
На полотне зари румяной ищешь?
Кого бранишь за медленность, кому
Навстречу шлешь и радости улыбку,
И слез поток, и брань, и поцелуй?
Кому, скажи, девица!

Снегурочка

Никому.

Бермята

Великий царь, она любви не знает.

Царь

С ее красой любви не знать, Бермята?
Не верю я. Таких чудес на свете
Не слыхано. Природой неизменно
Положена пора любви для всех.

Не верю я. Но если правда, как же
Не гневаться подателю тепла?
Удвоим же старания исправить
Невольный грех. Ужли из берендеев
На мой призыв никто не отзовется?
Кому из вас Снегурочка милее?
Кто может в ней младенческую душу
Желанием любви зажечь, скажите!

Бобыль

Немало уж пытались, только даром
Потратили труды.

Бобылиха

Немало было
И плачущих и пляшущих, да толку
Ни на волос не вышло.

Царь

Берендеи,
Кому из вас удастся до рассвета
Снегурочку увлечь любовью, тот
Из рук царя, с великим награжденьем,
Возьмет ее и лучшим гостем будет

За царскими столами на пирах,
На празднике Ярилы.

Бермята

Царь великий,
Молчат они.

Царь *(Елене)*

Прекрасная Елена,
Хочу спросить у вас, у женщин, лучше
Известны вам сердечные дела:
Ужли совсем не стало той отваги
В сердцах мужчин, не стало тех речей,
Пленительно-лукавых, смелых взоров,
Которыми неотразимо-верно,
Бывало, мы девиц и жен прельщали?
Прекрасная Елена, укажи,
Кого избрать из юных берендеев,
Способного свершить желанный подвиг?

Прекрасная Елена

Великий царь, стыдливость наблюдая
Обычную, могла бы я, конечно,

Незнанием отговориться; но
Желание служить для пользы общей
Стыдливостью пожертвовать велит.
Из юношей цветущих, берендеев,
Известных мне, один лишь только может
Внушить любовь девице, сердце жен
Поколебать, хотя бы наша верность
Крепка была, как сталь, – и это Лель.

Царь

Какая честь тебе, пастух.

Лель

Не мне,
Великий царь, а Солнцу подобает
Такая честь. Лелеяло измлада
Оно меня – учило песни петь;
Его тепло в речах моих, – и слушать
Охотятся девицы речи Леля.
Тепло его в крови моей и в сердце,
И теплится в лице румянцем смуглым,
И светится весенней сладкой негой

Из глаз моих. Снегурочка, пойдем
Свивать венки со мною вместе, будем
Встречать зарю и солнечный восход!
Смотрите ей в глаза! Она полюбит
К рассвету дня – меня или другого,
Снегурочка полюбит непременно,

Поверьте мне. А бедный пастушонко,
Кудрявый Лель, в угоду богу-Солнцу
И светлому царю, поможет ей!

Мизгирь

Великий царь, отсрочь мое изгнанье, –
Огонь любви моей воспламенит
Снегурочки нетронутое сердце.
Клянусь тебе великими богами,
Снегурочка моей супругой будет,
А если нет – пускай меня карает
Закон царя и страшный гнев богов!

Царь

Мизгирь и Лель, при вашем обещаньи
Покоен я и беспечально встречу
Ярилин день. Вечернею зарей,

В заповедном лесу моем, сегодня
Сберемся мы для игр и песен. Ночка
Короткая минует незаметно,
На розовой заре, в венке зеленом,
Среди своих ликующих детей
Счастливый царь пойдет на встречу Солнца.

Народ

Да здравствует премудрый,
Великий Берендей,
Владыка среброкудрый,
Отец земли своей!
Для счастия народа
Богами ты храним,
И царствует свобода
Под скипетром твоим!

Все уходят.

Действие третье

ЛИЦА:
Царь Берендей.
Бермята.
Елена Прекрасная.
Снегурочка.
Бобыль.
Бобылиха.
Мизгирь.
Лель.
Мураш.
Купава.
Радушка.
Малуша.
Брусило.
Курилка.
Леший.
Скоморохи, гудочники, волынщики, свита царя и народ.

Просторная поляна в лесу; справа и слева сплошной лес стеной; перед лесом, по обе стороны, невысокие кусты. Вдали, меж кустами, видны богатые шатры. Вечерняя заря догорает.

Явление первое

Молодые берендеи *водят круги; один круг ближе к зрителям, другой поодаль. Девушки и парни в венках.* ***Старики и старухи*** *кучками сидят под кустами и угощаются брагой и пряниками. В первом кругу ходят:* ***Купава, Радушка, Малуша, Брусило, Курилка****, в середине круга* ***Лель и Снегурочка. Мизгирь****, не принимая участия в играх, то показывается между народом, то уходит в лес.* ***Бобыль*** *пляшет под волынку.* ***Бобылиха, Мураш и несколько их соседей*** *сидят под кругом и пьют пиво.* ***Царь со свитой*** *смотрят издали на играющих.*

Девушки и парни *(водя круги, поют)*

Ай, во поле липонька,
Под липою бел шатер,
В том шатре стол стоит,
За тем столом девица.
Рвала цветы со травы,
Плела венок с яхонты.
Кому венок износить?
Носить венок милому.

Снегурочка надевает венок на Леля. Круг расходится, все смотрят на Бобыля, который пляшет под волынку.

Бобылиха *(потчуя Мураша)*

Пожалуйте! И наша не щербата
Копеечка, – и мы поразжились.

Мураш

Отказу нет. Да мужа-то попотчуй!
Намаялся, – хоть душу отведет.

Бобыль перестает плясать.

Бобылиха *(подавая Бобылю жбан пива)*

На праздниках тяжеле всех Бакуле,
Хлопот ему по горло: пляшет, пляшет,
Надсядется, а не отстанет. Жаден
До пляски-то. Смотреть-то жалость, право!
Того гляди, умрет когда с надсады,
Допляшется.

Мураш

Старательный мужик.

Царь *(проходит между гуляющими)*

Веселое гулянье! Сердцу радость
Глядеть на вас. Играйте, веселитесь,
Заботы прочь гоните: для заботы
Своя пора. Народ великодушный
Во всем велик, – мешать с бездельем дело
Не станет он; трудиться, так трудиться,
Плясать и петь – так вдоволь, до упаду.
Взглянув на вас разумным оком, скажешь,
Что вы народ честной и добрый; ибо
Лишь добрые и честные способны
Так громко петь и так плясать отважно.
Спасибо вам на песнях и на пляске!
Уж тешиться, так тешиться!

(Скоморохам.)

Пляшите,
Кувыркайтесь, ломайтесь, дураки!

Скоморохи пляшут.

Заря чиста, и утро будет ясно.
Уходит день веселый, догорают
Последние лучи зари, все выше
И выше свет малиновый; потемки
Цепляются за сучья и растут,
Преследуя зари румяный отблеск,
И скоро ночь в росящемся лесу
С вершинами деревьев станет вровень.
Пора к шатрам, в кругу гостей веселых
Окончить день и встретить новый. Песню
Последнюю пропой, пригожий Лель!

Лель *(поет)*

Туча со громом сговаривалась:
Ты, гром, греми, а я дождь разолью,
Вспрыснем-ко землю весенним дождем!
То-то цветочки возрадуются!
Выйдут девицы за ягодками,
Парни за ними увяжутся.
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!

В роще подруженьки врозь разбрелись,

Кто по кустам, кто по ельничку.
Ягодки брали, аукалися,
Милой подруженьки нет как нет.
Все-то девицы расплакалися:
Нашу подружку не волк ли заел.
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!

Встретился девушкам чуж-чуженин,
Чуж-чуженинушко, стар-старичок:
Глупые девки, с ума вы сбрели,
Что вам за радость аукаться,
Что ей за прибыль откликнуться?
Вы б по кустам-то пошарили.
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!

Туча с громом сговаривалась:
Ты, гром, греми, а я дождь разолью,
Вспрыснем-ко землю весенним дождем!
То-то цветочки возрадуются.
Вымочим девушек-ягодниц,
Вымочим их, да и высушим.
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!

Царь

Спасибо, Лель! Девицы, не стыдитесь!
Не верю я. Ну, статочное ль дело
В частых кустах подружку потерять!
Потешил ты царево сердце, Лель.
Потешь еще! В кругу подруг стыдливых
Красавицу девицу выбирай,
Веди ко мне, и, всем на погляденье,
Пускай она за песню наградит
Певца любви горячим поцелуем.

Лель идет к девушкам.

Снегурочка *(тихо, Лелю)*

Возьми меня!

Лель

Изволь. Поди к сторонке!
Девичий круг нельзя не обойти,
Для виду хоть. За что же их обидеть!

Снегурочка отходит, весело смотрит, оправляется и охорашивается. Лель берет Купаву, подводит к царю и целует. Снегурочка в слезах убегает в кусты.

Царь

Теплом проник до старикова сердца
Отчетливый и звонкий поцелуй, –
Как будто я увесистую чашу
Стоялого хмельного меду выпил.
А кстати я о хмеле вспомнил. Время
К столам идти, Прекрасная Елена,
И хмелю честь воздать. Его услады
И старости доступны. Поспешим!
Желаю вам повеселиться, дети!

(Уходит с Бермятой и Прекрасной Еленой.)

Некоторые берендеи, и в том числе Лель, уходят за царем.

Брусило

Все Лель да Лель! Ему такое счастье!
А чем же мы не молодцы? Не хуже
Сплясать да спеть умеем.

Радушка

А Купаве
За что про что такая честь? Красавиц,
Не ей чета, найдется между нами.

Курилка

Вот мы ему докажем, только стоит
Осмелиться да захотеть.

Брусило

Докажем,
Осмелимся, сыграем при народе
Игру свою, что два года учили
Тишком от всех, в овинах хоронясь.

(Поет песню, а Курилка представляет бобра.)

Купался бобер,
Купался черной
На речке быстрой.
Ай, лели-лели!
Не выкупался,
Лишь выпачкался.
В грязи вывалялся.
Ай, лели-лели!
На горку входил,
Отряхивался,
Охорашивался.

Ай, лели-лели!
Осматривался,

Нейдет ли кто,
Не сыщет ли что?
Ай, лели-лели!
Охотнички свищут,
Собаки-то рыщут,
Черна бобра ищут.
Ай, лели-лели!
Хотят шубу шить,
Бобром опушить,
Девкам подарить.
Ай, лели-лели!
Девки чернобровы,
На них шубы новы,
Опушки бобровы.
Ай, лели-лели!

(Перестает петь.)

Не ладно, что ль, пропето?

Курилка

Ай да мы!

Радушка

Уж видно, нам мириться с вами, парни.

Ребята вы других не хуже. Пусть же
Узнает Лель, и мы ему докажем,
Что парни нас не обегают. Рад бы
Обнять когда и Радушку, да поздно;
У ней дружок, ему и поцелуи
От Радушки.

Малуша

Малушины Курилке.

Брусило *(обнимая Радушку)*

Любезное житье.

Курилка *(обнимая Малушу)*

Чего же лучше:
Подружка есть, так сердце дома. Братцы,
Пойдем смотреть на царские шатры.

Уходят все — парни с девушками, Купава с Мурашом, Бобыль с Бобылихой. Снегурочка выходит из кустов, Лель с противоположной стороны.

Явление второе

Лель, Снегурочка.

Лель

Куда она девалась-запропала?
Купавушка! Да не она ли?

(Подходит к Снегурочке.)

Нет,
Снегурочка одна в слезах. О чем
Тоскуешь ты? Девицы веселятся,
Во всем лесу веселый гул идет:
То песенки, то звонкий смех, то шепот
Воркующий, то робости и счастья
Короткий вздох, отрывистый. А ты
Одна в слезах.

Снегурочка

Ужли тебе не жалко
Сиротку так обидеть?

Лель

Я не знаю,

Какую ты нашла обиду.

Снегурочка

Как же?
Красавица Снегурочка иль нет?

Лель

Красавица.

Снегурочка

А ты берешь Купаву,
Ведешь к царю, целуешь. Разве лучше
Снегурочки Купава? Вот обида,
Какой забыть нельзя.

Лель *(обнимая Снегурочку)*

За что сердиться,
Снегурочка? Не дорог поцелуй
При всем честном народе, втихомолку
Ценнее он и слаще.

Снегурочка

Я не верю.
Несладко мне украдкой целоваться.
Подумай ты, когда теперь дождешься,

Чтоб царь велел из всех девиц-красавиц
Красавицу поставить напоказ!

Лель

Не долго ждать тебе.

Снегурочка

Опять обманешь,
Опять возьмешь другую.

Лель

Как же быть-то?
Возьмешь тебя, обидятся другие;
Другую взять, тебя обидеть. Скоро
Румяная забрезжится заря,
Народ с царем пойдет на встречу Солнца.
А мне вперед идти и запевать
С подружкою. Кого бы взять? Не знаю.

Снегурочка

Пригожий Лель, возьми меня!

Лель

Другая

За эту честь души не пожалеет.

Снегурочка

Чего тебе угодно, всё на свете
Снегурочка отдаст.

Лель

Люби меня!

Снегурочка

И рада б я душой, да не умею.
Пригоженький, когда настанет время
Снегурочке любить, уж никого-то
Опричь тебя не полюблю.

Лель

Посмотрим.

Снегурочка

Хорошенький-пригоженький, возьми.

Лель

Уж, видно, взять.

Снегурочка

Пригоженький, послушай!
Коль хочешь ты, чтоб сердце не болело

У бедненькой Снегурочки, с другими
Девицами водиться перестань!
Ласкаешь их, а мне сердечко больно,
Целуешь их, а я гляжу да плачу.

Лель

Без ласки жить нельзя же пастушонку!
Не пашет он, не сеет; с малолетства
На солнышке валяется; лелеет
Весна его и ветерок ласкает.
И нежится пастух на вольной воле.
В уме одно: девичья ласка, только
И думаешь о ней.

Снегурочка

Ласкай меня,
Целуй меня, пригоженький! Пусть видят,
Что я твоя подружка. Горько, больно
Одной бродить! Глядят как на чужую
И девушки и парни. Вот пошла бы
На царские столы смотреть, а с кем?
Подружки все с дружками, косо смотрят,

Сторонятся: отстань, мол, не мешай!
С старушками пойти и с стариками –
Насмешками да бранью докорят.
Одной идти, так страшно. Будь дружком,
Пригоженький!

Лель

Сама же виновата,
Немало я любил тебя, горючих
Немало слез украдкой пролил.

Снегурочка

Все-то
Глупа еще, – прости, пригожий Лель!

Лель

А стоило хоть словом приласкать
Поласковей, и ты б закабалила
Меня навек и волю отняла.

Снегурочка

Про старое не помни, Лель пригожий!
Люби меня немножко, дожидайся, –
Снегурочка сама тебя полюбит.

Сведи меня смотреть шатры царевы

И солнышко встречать возьми подружкой!

Хорошенький-пригоженький, возьми!

Лель

Дождись меня, возьму. Пойду к ребятам,

Не ужинал еще, – как раз вернусь.

(Убегает.)

Явление третье

***Снегурочка**, потом **Мизгирь**.*

Снегурочка

Вот любо-то! Вот радость! Не в народе,

В густой толпе, из-за чужой спины,

Снегурочка смотреть на праздник будет, –

Вперед пойдет. И царь, и люди скажут:

Такой четы на диво поискать!

(Снимает венок.)

Завял венок; наутро надо новый
Сплести себе из тонких гибких веток;
Вплету туда цветочки-василечки.

(В задумчивости запевает.)

Ах, цветочки-василечки!

Выходит ***Мизгирь****.*

Мизгирь

Снегурочка, тебя давно ищу я.

(Берет ее за руку.)

Снегурочка *(с испугом)*

Ах, нет. Уйди! Не надо.

Мизгирь

Не оставлю
Твоей руки, пока в мольбах и стонах
Не выскажу тебе, как ноет сердце,
Какой тоской душа больна. Не знала
До сей поры она любви страданий,
Утехи лишь известны ей; а сердце
Приказывать привыкло, не молило,
Не плакало оно. Перед тобою
В слезах стоит не мальчик, гордый ду-

хом

Смиряется. Доселе я не плакал

И даже слов не тратил много, – только

Рукой манил девиц делить любовь

И золото бросал за ласки; ныне

Сломился я под гнетом жгучей страсти

И слезы лью. Смотри, колена клонит

Перед девчонкой гордый человек.

(Падает на колени.)

Снегурочка

Зачем, зачем? Вставай, Мизгирь!

Мизгирь

Полюбишь,

Полюбишь ты меня, скажи!

Снегурочка

О нет!

Слова твои пугают, слезы страшны;

Чего-то я боюсь с тобой. Уйди!

Оставь меня, прошу! Пусти! Ты добрый,

Зачем пугать Снегурочку?

(Старается вырвать руку.)

Мизгирь

Постой!

Что страшен я, то правда. Не напрасно ж

Румяный стыд прорезал полосами

Лицо мое; за горечь униженья

Заплатишь ты.

Снегурочка

О, если всё такая

Живет любовь в народе, не хочу,

Не буду я любить.

Мизгирь

Поищем средства

Желанного достичь по доброй воле.

Снегурочка, у острова Гурмыза,

Где теплое бушующее море

На камни скал прибрежных хлещет пену,

Пускаются без страха водолазы

Отважные искать по дну морскому
Прибыточной добычи. Я пытался,
Удачи ждал; давал большую цену
За жизнь людей и посылал на дно
За жемчугом проворных водолазов,
И вынес мне один зерно такое,
Какого нет в коронах у царей,
Ни у цариц в широких ожерельях.
Купить его нельзя; полцарства стоит
Жемчужина. Сменяться? – Вещи равной
Не подберешь. Ценой ему равна,
Снегурочка, одна любовь твоя.
Сменяемся, возьми бесценный жемчуг,
А мне любовь отдай.

Снегурочка

Бесценный жемчуг
Себе оставь; недорого ценю я
Свою любовь, но продавать не стану:
Сменяюсь я любовью на любовь,
Но не с тобой, Мизгирь.

Мизгирь

Отдашь и даром.
Довольно слов, довольно убеждений!
Бросай венок девичий! Ты жена,
Снегурочка. Поклялся я богами
Перед царем и клятву исполняю.

Снегурочка

Оставь! Пусти! Беги, спасай Снегурку,
Пригожий Лель!

Мизгирь

О! Если Лель… так прежде
Возьмет Мизгирь, что хочет взять пастух.

Леший *сзади обнимает Мизгиря; Снегурочка вырывается и бежит по поляне. Леший оборачивается пнем. Мизгирь хочет бежать за Снегурочкой — между ним и ею встает из земли лес. В стороне показывается призрак Снегурочки. Мизгирь бежит к нему — призрак исчезает, на месте его остается пень с двумя прилипшими, светящимися, как глаза, светляками.*

Безумец я, любовью опьяненный,
Сухой пенек за милый образ принял,

Холодный блеск зеленых светляков –

За светлые Снегурочкины глазки.

Из лесу показывается призрак Снегурочки и манит Мизгиря. Кусты и сучья деревьев принимают меняющиеся фантастические образы. Мизгирь бежит за призраком.

Леший

Броди всю ночь за призраком бегущим!

Лови мечты манящей воплощенье!

Лишь светлый день твои рассеет грезы.

(Уходит.)

Поляна принимает прежний вид. Выходит ***Лель****, за ним —* ***Прекрасная Елена****.*

Явление четвертое

Лель, Прекрасная Елена*.*

Прекрасная Елена

Пленительный пастух, куда стремишься?

Умильный взгляд обороти назад!

Лель

Прекрасная Елена!

Прекрасная Елена

Ты дивишься,
Что в поздний час одна в лесу блуждаю?
Пригожий Лель, меня взманило пенье
Певца весны; гремящий соловей,
С куста на куст перелетая, манит
Раскрытое для увлечений сердце
И дальше в лес опасный завлекает
Прекрасную Елену.

Лель

Недалеко
От царского шатра блуждаешь ты.
Вернись к нему открытою поляной!
Опасности не встретишь.

Прекрасная Елена

Злой пастух!
Не хочешь ты Прекрасную Елену
В густом лесу тенистом проводить
Уютною тропинкой.

Лель

Провожатым
Пошел бы я, да сердце не на месте:
В гулянках я все стадо растерял,
Ищу теперь по кустикам овечек.

Прекрасная Елена

По кустикам? Противный, чует сердце,
Какую ты в лесу овечку ловишь.
Ах, бедная овечка, прячься дальше!
Отыщет Лель и сетью льстивой речи
Запутает в такую же напасть,
В какую ввел Прекрасную Елену.
Заставил ты несчастную ревниво
Следить тебя в печальном размышленьи:
Как вредно вам вверяться, пастухам.

Лель

Спеши к шатрам, Прекрасная Елена!
Отсутствие твое заметят скоро.

Прекрасная Елена

Ах, милый Лель, боюсь!

Лель

Чего, Елена

Прекрасная, боишься ты?

Прекрасная Елена *(прижимаясь к Лелю)*

Ах, Лель,

Всего боюсь. Смотри, в кустах мелькают

И светятся двойчаткой, точно свечки,

Глаза волков кровавые. А вот

На дереве повис, как кошка, леший, –

Скосив глаза и высунув язык,

Старается удавленника скорчить.

А вон другой – для шутки лапу

Лохматую в колючий куст просунув,

Зажмурясь, ждет, чтоб ферязь разорвать

И сделать в ней прореху, где не надо.

Всего боюсь, и света и потемков,

Страшит меня и зверь, и человек,

И леший, злой проказник. Только Лелю

Пригожему, закрыв глаза, без страха

Холодного, себя вверяю.

(Зажмурясь, ложится на грудь Лелю.)

Сладко

В объятиях твоих лежать и млеть.

Входит ***Бермята****. Лель передает ему Прекрасную Елену и уходит.*

Но пламень чувств моих не зажигает

Огня в груди у Леля!

Явление пятое

Прекрасная Елена, Бермята*.*

Бермята

Лель пригожий

От пламени любви твоей бежит.

Прекрасная Елена

Какой удар!

Бермята

Пенять и удивляться

Не стану я; прекрасную супругу

Не в первый раз в чужих объятьях вижу.

Пойдем со мной! В лесу ночной порою

И встретит кто, так все ж пристой-

ней
с мужем
Бродить тебе, чем с Лелем.

Прекрасная Елена

Милый муж,
Разбойник Лель удваивает нежность
Жены твоей к тебе. Его поступок
Прекрасную Елену убеждает,
Что юноши все нагло-бессердечны,
Зато мужья и милы и добры.

(Уходят.)
Входит ***Лель, Снегурочка*** *выходит из кустов.*

Явление шестое

Лель и Снегурочка.
Снегурочка

Велел, и жду тебя; велел, и жду.
Пойдем к царю! А я веночек новый
Сплела себе, смотри. Пригожий Лель,
Возьми с собой! Обнимемся! Покрепче
Прижмусь к тебе от страха. Я дрожу,

Мизгирь меня пугает: ищет, ловит.
И что сказал, послушай! Что Снегурка
Его жена. Ну, статочное ль дело:
Снегурочка – жена? Какое слово
Нескладное!

Лель *(завидев бегущую Купаву)*

Да здесь ли нам сжидаться?
Не там ли вон, смотри!

Снегурочка

Да здесь ли, там ли,
Ведь ты со мной. Чего ж еще?

Лель

Подпасок
Бежит сюда по тайности словечко
Сказать со мной. Дождись вон там!

Снегурочка

Изволь!

(Уходит на другую сторону в кусты.)
Прибегает ***Купава****.*

Явление седьмое

Лель, Купава, Снегурочка.

Купава

Насилу я нашла тебя, желанный,
Сердечный друг, голубчик сизокрылый!
Не в глазки, нет, не в щечки целовать, –
У ног лежать, голубчик сизокрылый,
У ног лежать должна Купава.

Лель

Полно!
Летят и льнут к соте медовой мухи,
К воде листок, к цветочку пчелка льнет –
К Купаве Лель.

Купава

Голубчик сизокрылый!
Тепло мое сердечко, благодарной
Навек тебе останусь; ты от сраму,
От жгучих игл насмешки и покоров

Купаве спас девическую гордость.
При всем честном народе поцелуем
Сравнял меня, забытую, со всеми.

Лель

Да разве я не знал, какое сердце
Куплю себе, тебя целуя. Если
У глупого мальчонка-пастуха
Рассудка нет, так вещим сердцем сыщет
Подружку он.

Купава

Подружку? Нет, собачку.
Мани меня, когда ласкать захочешь,
Гони и бей, коль ласка надоест.
Без жалобы отстану, только взглядом
Слезящимся скажу тебе, что я, мол,
Приду опять, когда поманишь.

Лель

Радость
Души моей, Купава, сиротинка
Свою гульбу-свободу отгулял.

Победная головка докачалась
До милых рук, долюбовались очи
До милых глаз, домаялось сердечко
До теплого приюта.

Купава

Лель пригожий,
Надолго ли любовь твоя, не знаю;
Моя любовь до веку и до часу
Последнего, голубчик сизокрылый!

Лель

Идем скорей! Бледнеют тени ночи.
Смотри, заря чуть видною полоской
Прорезала восточный неба край,
Растет она, яснее, ширясь. Это
Проснулся день и раскрывает веки
Светящих глаз. Пойдем! Пора приспела
Встречать восход Ярила-Солнца. Гордо
Перед толпой покажет Солнцу Лель
Любимую свою подругу.

Снегурочка *выбегает из кустов.*
Снегурочка

Стойте!
Обманщик Лель, зачем же я ждала,
Плела венок? Ведь не затем, чтоб после
Смочить его слезами. Ты уж так бы
Сказал тогда: Снегурочка, плети,
Плети венок и плачь, роняй слезинки
На каждый лист, на каждый лепесток!
А ты манил.

Купава

Снегурочка, да чем же
Встречать тебе восход Ярила-Солнца?
Когда его встречаем, жизни сила,
Огонь любви горит у нас в очах,
Любовь и жизнь – дары Ярила-Солнца;
Его ж дары ему приносят девы
И юноши; а ты сплела венок,
Надела бус на шейку, причесалась,
Пригладилась – и запон[31], и коты[32]

---

[31] Сноски: 31
Запон — женский передник, фартук.

[32] Сноски: 32
Коты — полусапожки, башмаки.

Новехоньки, – тебе одна забота,
Как глупому ребенку, любоваться
На свой наряд да забегать вперед,
Поодаль стать, – в глазах людей вертеться
И хвастаться обновками.

Снегурочка

Купава,
Разлучница! Твое же это слово;
Сама меня разлучницей звала,
Сама же ты и разлучаешь с Лелем.

Лель

Снегурочка, подслушивай почаще
Горячие Купавы речи! Время
Узнать тебе, как сердце говорит,
Когда оно любовью загорится.
Учись у ней любить и знай, что Лелю
Не детская любовь нужна. Прощай!

(Убегает с Купавой.)

Снегурочка

Обманута, обижена, убита

Снегурочка. О мать, Весна-Красна!
Бегу к тебе и с жалобой и с просьбой:
Любви прошу, хочу любить! Отдай
Снегурочке девичье сердце, мама!
Отдай любовь иль жизнь мою возьми!

(Убегает.)

Действие четвертое

ЛИЦА:
Царь Берендей.
Снегурочка.
Мизгирь.
Лель.
Весна-Красна.
Все берендеи, свита Весны, цветы.

Ярилина долина: слева (от зрителей) отлогая покатость, покрытая невысокими кустами; справа — сплошной лес; в глубине озеро, поросшее осокой и водяными растениями с роскошными цветами; по берегам цветущие кусты с повисшими над водою ветвями; с правой стороны озера голая Ярилина гора, которая оканчивается острою вершиной. Утренняя заря.

Явление первое

Призрак Снегурочки *несется, едва касаясь земли.* ***Мизгирь*** *идет за ним.*

Мизгирь

Всю ночь в глазах мелькает милый

образ.

Снегурочка, постой одно мгновенье.

(Убегает за призраком в лес.)
Снегурочка *сходит с горы.*

Явление второе

Снегурочка*, потом* ***Весна****.*
Снегурочка *(обращаясь к озеру)*

Родимая, в слезах тоски и горя
Зовет тебя покинутая дочь.
Из тихих вод явись – услышать стоны
И жалобы Снегурочки твоей.

Из озера поднимается ***Весна****, окруженная цветами.*

Весна

Снегурочка, дитя мое, о чем
Мольбы твои? Великими дарами
Могу тебя утешить на прощанье.
Последний час Весна с тобой проводит,
С рассветом дня вступает бог Ярило
В свои права и начинает лето.

(Подходит к Снегурочке.)

Чего тебе недостает?

Снегурочка

Любви!
Кругом меня все любят, все счастливы
И радостны, а я одна тоскую;
Завидно мне чужое счастье, мама.
Хочу любить – но слов любви не знаю,
И чувства нет в груди; начну ласкать-ся –
Услышу брань, насмешки и укоры
За детскую застенчивость, за сердце
Холодное. Мучительную ревность
Узнала я, любви еще не зная.
Отец-Мороз, и ты, Весна-Красна,
Дурное мне, завистливое чувство
Взамен любви в наследство уделили;
В приданое для дочки положили
Бессонные томительные ночи
И встречу дня без радости. Сегодня,
На ключике холодном умываясь,
Взглянула я в зеркальные струи

И вижу в них лицо свое в слезах,
Измятое тоской бессонной ночи.
И страшно мне: краса моя увянет
Без радости. О мама, дай любви!
Любви прошу, любви девичьей!

Весна

Дочка,
Забыла ты отцовы опасенья.
Любовь тебе погибель будет.

Снегурочка

Мама,
Пусть гибну я, любви одно мгновенье
Дороже мне годов тоски и слез.

Весна

Изволь, дитя, – любовью поделиться
Готова я; родник неистощимый
Любовных сил в венке моем цветочном.
Сними его! Присядь ко мне поближе!

Весна садится на траву. Снегурочка подле нее. Цветы окружают их.

Смотри, дитя, какое сочетанье
Цветов и трав, какие переливы
Цветной игры и запахов приятных!
Один цветок, который ни возьми,
Души твоей дремоту пробуждая,
Зажжет в тебе одно из новых чувств,
Не знаемых тобой, – одно желанье,
Отрадное для молодого сердца,
А вместе все, в один венок душистый
Сплетясь пестро, сливая ароматы
В одну струю, – зажгут все чувства разом,
И вспыхнет кровь, и очи загорятся,
Окрасится лицо живым румянцем
Играющим, – и заколышет грудь
Желанная тобой любовь девичья.

Зорь весенних цвет душистый
Белизну твоих ланит,
Белый ландыш, ландыш чистый
Томной негой озарит.

Барской спеси бархат алый

Опушит твои уста,
Даст улыбку цветик малый –
Незабудка-красота.

Роза розой заалеет
На груди и на плечах,
Василечек засинеет
И просветится в очах.

Кашки мед из уст польется
Чарованием ума,
Незаметно проберется
В душу липкая Дрема.

Мак сердечко отуманит,
Мак рассудок усыпит.
Хмель ланиты нарумянит
И головку закружит.

(Надевает венок на голову Снегурочки.)

Снегурочка

Ах, мама, что со мной? Какой красою
Зеленый лес оделся! Берегами
И озером нельзя налюбоваться.
Вода манит, кусты зовут меня

Под сень свою; а небо, мама, небо!
Разлив зари зыбучими волнами
Колышется.

Весна

Снегурочка, прощай,
Дитя мое! Любовным ароматом
Наполнилась душа твоя. Кипучий
Восторг страстей тебя охватит скоро;
Красой лугов и озером зеркальным
Дотоле ты любуешься, пока
На юношу не устремятся взоры.
Тогда лишь ты вполне узнаешь силу
И власть любви над сердцем.
С первой встречи
Счастливица ты даришь любовью, кто бы
Ни встретился тебе. Но, радость-дочка,
Таи любовь от глаз Ярила-Солнца,
Спеши домой, не медля: не любуйся
Багряными потоками рассвета, –

Вершины гор покрылись позолотой,
И скоро царь светил осветит землю.
Беги домой тропинками лесными
В тени кустов и избегая встречи;
Предчувствие тревожит сердце мне.
Прощай, дитя, до нового свиданья,
И матери советов не забудь.

(Опускается в озеро.)

Снегурочка

Какое я сокровище храню
В груди моей. Ребенком прибежала
Снегурочка в зеленый лес – выходит
Девицею с душой счастливой, полной
Отрадных чувств и золотых надежд.
Снесу мой клад тропинкой неизвестной;
Одна лишь я по ней бродила, лешим
Протоптана она между болотом
И озером. Никто по ней не ходит,
Лишь лешие, для шутки, горьких пьяниц
Манят по ней, чтоб завести в трясину

Без выхода.

(Идет в лес.)

Навстречу ей выходит ***Мизгирь****.*

Явление третье

Снегурочка, Мизгирь*.*

Мизгирь

Снегурочка!

Снегурочка

Ах, встреча!

Мизгирь

Снегурочка, мои слабеют силы,
Всю ночь ловлю тебя. Остановись!
Боишься ты?

Снегурочка

О нет, Мизгирь, не страхом
Полна душа моя. Какая прелесть
В речах твоих! Какая смелость взора!
Высокого чела отважный вид
И гордая осанка привлекают,

Манят к тебе. У сильного – опоры,
У храброго – защиты ищет сердце
Стыдливое и робкое. С любовью
Снегурочки трепещущая грудь
К твоей груди прижмется.

Мизгирь *(обнимая ее)*

Жадным слухом
Ловлю твои слова, боюсь поверить
Блаженству я, Снегурочка.

Снегурочка

О милый,
Прости меня! Чего-то я боялась,
Смешно самой и стыдно, берегла
Какое-то сокровище, не зная,
Что все, что есть на свете дорогого,
Живет в одном лишь слове. Это слово:
Любовь.

Мизгирь

Еще отрадных слов, еще,
И счастию не будет меры.

Снегурочка

Милый,

Позволь взглянуть в твое лицо, в огонь

Твоих очей вглядеться! Слушай, прежде

Считала я девичью миловидность,

Сребристый пух ланит и нежность кожи

За лучшую красу. Не понимаю,

Слепа, глупа была. Да разве можно

Красу девиц равнять с твоей красою?

Незрелый цвет девичьей нежной кожи

Равнять с мужским румянцем загрубелым?

Снегурочка твоя, бери в свой дом

Жену свою, – любить и нежить буду,
Ловить твой взгляд, предупреждать желанья. Но, милый мой, бежим скорее, спрячем

Любовь свою и счастие от Солнца,

Грозит оно погибелью! Бежим, Укрой меня! Зловещие лучи

Кровавые страшат меня. Спасай,

Спасай свою Снегурочку!

Мизгирь

Дитя,
Спасать тебя? Любовь твоя – спасенье
Изгнаннику. На солнечном восходе
Мизгирь тебя супругою покажет,
И царский гнев правдивый укротится,
И, милостью богатый, Берендей
Младой чете свою окажет ласку.

Снегурочка *(на коленях)*

Завет отца и матери, о милый,
Не смею я нарушить. Вещим сердцем
Почуяли они беду – таить
Велели мне мою любовь от Солнца.
Погибну я! Спаси мою любовь,
Спаси мое сердечко! Пожалей
Снегурочку!

Мизгирь

Покорными серцами
Привыкла ты владеть, привыкла тешить
Угодами обычай прихотливый.

Но сердцем я не мальчик – и любить,

И приказать умею: оставайся!

Снегурочка

Не прихоть, нет. В руках твоих погибнет

Снегурочка!

Мизгирь

Оставь ребячьи страхи

Неведомой беды! Но если вправду

Беда придет – тогда погибнем вместе.

Снегурочка

Смотри, смотри! Все ярче и страшнее

Горит восток. Сожми меня в объятьях,

Одеждою, руками затени

От яростных лучей, укрой под тенью

Склонившихся над озером ветвей.

(Становится под тенью куста.)

Из лесу по горе сходит народ; впереди ***гусляры*** *играют на гуслях и* ***пастухи*** *на рожках, за ними* ***царь*** *со свитой, за царем попарно* ***женихи и невесты*** *в праздничных одеждах, далее все* ***бе-***

***рендеи**. Сойдя в долину, народ разделяется на две стороны.*

Явление четвертое

***Снегурочка, Мизгирь, Царь Берендей, Лель и весь народ**. Все с ожиданием смотрят на восток и при первых лучах солнца запевают.*

Общий хор

Одна сторона:

А мы просо сеяли, сеяли,
Ой Дид-Ладо, сеяли, сеяли.

Другая сторона:

А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой Дид-Ладо, вытопчем, вытопчем.

1-я:

А чем же вам вытоптать, вытоптать,
Ой Дид-Ладо, вытоптать, вытоптать?

2-я:

А мы коней выпустим, выпустим,
Ой Дид-Ладо, выпустим, выпустим.

1-я:

А мы коней переймем, переймем,
Ой Дид-Ладо, переймем, переймем.

2-я:

А мы коней выкупим, выкупим,
Ой Дид-Ладо, выкупим, выкупим.

1-я:

А чем же вам выкупить, выкупить,
Ой Дид-Ладо, выкупить, выкупить?

2-я:

А мы дадим девицу, девицу,
Ой Дид-Ладо, девицу, девицу.

1-я:

А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой Дид-Ладо, прибыло, прибыло.

2-я:

А нашего полку убыло, убыло,
Ой Дид-Ладо, убыло, убыло.

При пении обе стороны сближаются медленными шагами под размер песни. При конце песни

женихи берут невест и кланяются царю.

Царь

Да будет ваш союз благословен
Обилием и счастием! В богатстве
И радости живите до последних
Годов своих в семье детей и внуков!
Печально я гляжу на торжество
Народное: разгневанный Ярило
Не кажется, и лысая вершина
Горы его покрыта облаками.
Недоброе сулит Ярилин гнев:
Холодные утра и суховеи,
Медвяных рос убыточные порчи,
Неполные наливы хлебных зерен,
Ненастную уборку – недород,
И ранние осенние морозы,
Тяжелый год и житниц оскудненье.

Мизгирь *(подводя Снегурочку к царю)*

Великий царь, твое желанье было
Законом мне, и я его исполнил:
С Снегурочкой на брак благослови,
Прости вину мою и гнев на милость

Перемени!

Голоса из народа

О, диво, полюбила
Снегурочка.

Царь

Охотой ли, девица
Снегурочка, вручаешь жениху
Судьбу свою? С твоей рукою вместе
Даешь ли ты любовь ему?

Снегурочка

О царь!
Спроси меня сто раз, сто раз отвечу,
Что я люблю его. При бледном утре
Открыла я избраннику души
Любовь свою и кинулась в объятья.
При блеске дня теперь, при всем народе,
В твоих глазах, великий Берендей,
Готова я для жениха и речи,
И ласки те сначала повторить.

Яркий луч солнца прорезывает утренний туман и падает на Снегурочку.

Но что
со мной: блаженство или смерть?
Какой восторг! Какая чувств истома!
О Мать-Весна, благодарю за радость,
За сладкий дар любви! Какая нега
Томящая течет во мне! О Лель,
В ушах твои чарующие песни,
В очах огонь… и в сердце… и в крови
Во всей огонь. Люблю и таю, таю
От сладких чувств любви! Прощайте, все
Подруженьки, прощай, жених! О милый,
Последний взгляд Снегурочки тебе.

(Тает.)

Мизгирь

Снегурочка, обманщица, живи,
Люби меня! Не призраком лежала
Снегурочка в объятиях горячих:
Тепла была; и чуял я у сердца,
Как сердце в ней дрожало человечье.
Любовь и страх в ее душе боролись,

От света дня бежать она молила.
Не слушал я мольбы – и предо мною
Как вешний снег растаяла она.
Снегурочка, обманщица не ты:
Обманут я богами; это шутка
Жестокая судьбы. Но если боги
Обманщики – не стоит жить на свете!

(Убегает на Ярилину гору и бросается в озеро.)

Царь

Снегурочки печальная кончина
И страшная погибель Мизгиря
Тревожить нас не могут; Солнце знает,
Кого карать и миловать. Свершился
Правдивый суд! Мороза порожденье –
Холодная Снегурочка погибла.
Пятнадцать лет она жила меж нами,
Пятнадцать лет на нас сердилось Солнце.
Теперь, с ее чудесною кончиной, Вмешательство Мороза прекратилось.
Изгоним же последний стужи след

Из наших душ и обратимся к Солнцу.

И верю я, оно приветно взглянет

На преданность покорных берендеев.

Веселый Лель, запой Яриле песню

Хвалебную, а мы к тебе пристанем.

Палящий бог, тебя всем миром славим!

Пастух и царь тебя зовут, явись!

Лель *(запевает)*

Свет и сила,

Бог Ярило.

Красное Солнце наше!

Нет тебя в мире краше.

Общий хор

Свет и сила,

Бог Ярило.

Красное Солнце наше!

Нет тебя в мире краше.

На вершине горы на несколько мгновений рассеивается туман, показывается Ярило в виде молодого парня в белой одежде, в правой руке светящаяся голова человечья, в левой — ржаной

сноп. По знаку царя прислужники несут целых жареных быков и баранов с вызолоченными рогами, бочонки и ендовы[33] *с пивом и медом, разную посуду и все принадлежности пира.*

Хор *(допевает)*

Даруй, бог света,
Теплое лето.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.
Краснопогодное,
Лето хлебородное.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.

1873 год

---

[33] Сноски: 33
Ендова — медная чаша с носиком.

Свои люди – сочтемся

Действующие лица

Самсон Силыч Большов, купец.
Аграфена Кондратьевна, его жена.
Олимпиада Самсоновна (Липочка), их дочь.
Лазарь Елизарыч Подхалюзин, приказчик.
Устинья Наумовна, сваха.
Сысой Псоич Рисположенский, стряпчий.
Фоминишна, ключница
Тишка, мальчик

Действие первое

Гостиная в доме Большова.

Явление первое

Липочка *(сидит у окна с книгой).* Какое приятное занятие эти танцы! Ведь уж как хорошо! Что может быть восхитительнее? Приедешь в Собрание али к кому на свадьбу, сидишь, натурально, — вся в цветах, разодета, как игрушка али картинка журнальная; вдруг подлетает кавалер: «Удостойте счастия, сударыня!» Ну, видишь: если человек с понятием али армейской какой — возьмешь да и прищуришься, отвечаешь: «Извольте, с удовольствием!» Ах! *(с жаром)* оча-ро-ва-тельно! Это просто уму непостижимо! *(Вздыхает.)* Больше всего не люблю я танцевать с студентами да с приказными. То ли дело отличаться с военными! Ах, прелесть! восхищение! И усы, и эполеты, и мундир, а у иных даже шпоры с колокольчиками. Одно убийственно, что сабли нет! И для чего они ее отвязывают? Странно, ей-богу! Сами не понимают, как блеснуть очаровательно

нее! Ведь посмотрели бы на шпоры, как они звенят, особливо если улан али полковник какой разрисовывает — чудо! Любоваться мило-дорого! Ну, а прицепи-ка он еще саблю: просто ничего не увидишь любопытнее; одного грома лучше музыки наслушаешься. Уж какое же есть сравнение: военный или штатский? Военный — уж это сейчас видно: и ловкость, и все; а штатский что? Так, какой-то неодушевленный! *(Молчание.)* Удивляюсь, отчего это многие дамы, поджавши ножки, сидят? Формально нет никакой трудности выучиться! Вот уж я, на что совестилась учителя, а в двадцать уроков всё решительно поняла. Отчего это не учиться танцевать! Это одно только суеверие! Вот маменька, бывало, сердится, что учитель все за коленки хватает. Все это от необразования! Что за важность! Он танцмейстер, а не кто-нибудь другой. *(Задумывается.)* Воображаю я себе: вдруг за меня посватается военный, вдруг у нас парадный сговор: горят везде свечки, ходят официанты в белых перчатках; я, натурально, в тюлевом либо в газовом платье, тут вдруг заиграют вальс. А ну, как я перед ним оконфужусь! Ах, страм какой! Куда тогда деваться-то? Что он подумает? Вот, скажет, дура необразованная! Да нет, как это можно! Однако я вот уж полтора

года не танцевала! Попробую-ко теперь на досуге. *(Дурно вальсируя.)* Раз… два… три… раз… два… три…

Явление второе

Липочка *и* ***Аграфена Кондратьевна****.*

Аграфена Кондратьевна *(входя)*. Так, так, бесстыдница! Как будто сердце чувствовало: ни свет ни заря, не поемши хлеба божьего, да уж и за пляску тотчас!

Липочка. Как, маменька? я и чай пила, и ватрушку скушала. Посмотрите-ко, хорошо? Раз… два… три… раз… два…

Аграфена Кондратьевна *(преследуя ее)*. Так что ж, что ты скушала? Нужно мне очень смотреть, как ты греховодничаешь!.. Говорю тебе, не вертись!

Липочка. Что за грех такой! Нынче все этим развлекаются. Раз… два…

Аграфена Кондратьевна. Лучше об стол лбом стучи, да ногами не озорничай! *(Бегает за ней.)* Да что ж ты, с чего ж ты взяла не слушаться!

Липочка. Как не слушаться, кто вам сказал! Не мешайте, дайте кончить как надобно! Раз… два… три…

Аграфена Кондратьевна. Долго ль же мне бегать-то за тобой на старости лет! Ух, замучила, варварка! Слышишь, перестань! Отцу пожалуюсь!

Липочка. Сейчас, сейчас, маменька! Последний кружок! Вас на то и бог создал, чтобы жаловаться. Сами-то вы не очень для меня значительны! Раз… два…

Аграфена Кондратьевна. Как, ты еще пляшешь да еще ругаешься! Сию минуту брось! Тебе ж будет хуже: поймаю за юбку, весь хвост оторву.

Липочка. Ну да рвите на здоровье! Вам же зашивать придется! Вот и будет! *(Садится.)* Фу… фу… как упаточилась, словно воз везла! Ух! Дайте, маменька, платочка пот обтереть.

Аграфена Кондратьевна. Постой, уж я сама оботру! Ишь уморилась! А ведь и то сказать, будто неволили. Коли уж матери не почитаешь, так стен-то бы посовестилась. Отец, голубчик, через великую силу ноги двигает, а ты тут скачешь, как юла какая!

Липочка. Подите вы с своими советами! Что ж мне делать, по-вашему! Самой, что ли, хворать прикажете? Вот другой манер, кабы я была докторша! Ух! Что это у вас за отвратительные понятия! Ах! какие вы, маменька, ей-богу! Пра-

во, мне иногда краснеть приходится от ваших глупостей!

Аграфена Кондратьевна. Каково детище-то ненаглядное! Прошу подумать, как она мать-то честит! Ах ты, болтушка бестолковая! Да разве можно такими речами поносить родителей? Да неужто я затем тебя на свет родила, учила да берегла пуще соломинки?

Липочка. Не вы учили — посторонние; полноте, пожалуйста; вы и сами-то, признаться сказать, ничему не воспитаны. Ну, что ж? Родили вы — я была тогда что? ребенок, дитя без понятия, не смыслила обращения. А выросла да посмотрела на светский тон, так и вижу, что я гораздо других образованнее. Что ж мне, потакать вашим глупостям! Как же! Есть оказия.

Аграфена Кондратьевна. Уймись! эй, уймись, бесстыдница! Выведешь ты меня из терпения, прямо к отцу пойду, так в ноги и брякнусь, житья, скажу, нет от дочери, Самсонушко!

Липочка. Да, вам житья нет! Воображаю! А мне есть от вас житье? Зачем вы отказали жениху? Чем не бесподобная партия? Чем не капидон? Что вы нашли в нем легковерного?

Аграфена Кондратьевна. А то и легковерного, что зубоскал! Приехал, ломался, ломался, вертел-

ся, вертелся. Эка невидаль!

Липочка. Да, много вы знаете! Известно, он благородный человек, так и действует по-деликатному. В ихнем кругу всегда так делают. Да как еще вы смеете порочить таких людей, которых вы и понятия не знаете? Он ведь не купчишка какой-нибудь. *(Шепчет в сторону.)* Душка, милашка!

Аграфена Кондратьевна. Да, хорош душка! Скажите пожалуйста! Жалко, что не отдали тебя за шута за горохового. Ведь ишь ты, блажь-то какая в тебе; ведь это ты назло матери под нос-то шепчешь.

Липочка. Видимый резон, что не хотите моего счастия. Вам с тятенькой только кляузы строить да тиранничать.

Аграфена Кондратьевна. Ну, как ты хочешь, так и думай. Господь тебе судья! А никто так не заботится о своем детище, как материнская утроба! Ты вот тут хохришься да разные глупости выколупываешь, а мы с отцом-то и дённо и нощно заботимся, как бы тебе хорошего человека найти да пристроить тебя поскорее.

Липочка. Да, легко вам разговаривать, а позвольте спросить, каково мне-то?

Аграфена Кондратьевна. Разве мне тебя

не жаль, ты думаешь! Да что делать-то! Потерпи малость, уж коли много лет ждала. Ведь нельзя же тебе вдруг жениха найти: скоро-то только кошки мышей ловят.

Липочка. Что мне до ваших кошек! Мне мужа надобно! Что это такое! Страм встречаться с знакомыми; в целой Москве не могли выбрать жениха — всё другим да другим. Кого не заденет за живое: все подруги с мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вот один, так и тому отказали. Слышите, найдите мне жениха, беспременно найдите!.. Вперед вам говорю, беспременно сыщите, а то для вас же будет хуже: нарочно, вам назло, по секрету заведу обожателя, с гусаром убегу, да и обвенчаемся потихоньку.

Аграфена Кондратьевна. Что, что, беспутная! Кто вбил в тебя такие скверности? Владыко милосердный! не могу с духом собраться! Ах ты, собачий огрызок! Ну, нечего делать! Видно, придется отца позвать.

Липочка. Только и ладите, что отца да отца; бойки вы при нем разговаривать-то, а попробуйте-ка сами!

Аграфена Кондратьевна. Так что же, я дура, по-твоему, что ли? Какие у тебя там гусары, бесстыжий твой нос! Тьфу ты, дьявольское на-

важдение! Али ты думаешь, что я не властна над тобой приказывать? Говори, бесстыжие твои глаза, с чего у тебя взгляд-то такой завистливый? Что ты, прытче матери хочешь быть? У меня ведь недолго, я и на кухню горшки парить пошлю. Ишь ты! Ишь ты! А!.. Ах, матушки вы мои! Посконный сарафан сошью да вот на голову тебе и надену! С поросятами тебя, вместо родителей-то, посажу!

Липочка. Как же! Позволю я над собой командовать! Вот еще новости!

Аграфена Кондратьевна. Молчи, молчи, таранта Егоровна! Уступи верх матери! Эко семя противное! Словечко пикнешь, так язык ниже пяток пришью. Вот послал господь утешение! Девчонка хабальная! Мальчишка ты, шельмец, и на уме-то у тебя все не женское! Готова, чай, вот на лошадь по-солдатски вскочить!

Липочка. Вы, я воображаю, приплетете скоро всех буточников. Уж молчали бы лучше, коли не так воспитаны. Все я скверна, а сами-то вы каковы после этого! Что, вам угодно спровадить меня на тот свет прежде времени? извести своими капризами? *(Плачет.)* Что ж, пожалуй, я уж и так, как муха какая, кашляю! *(Плачет.)*

Аграфена Кондратьевна *(стоит и смотрит*

на нее). Ну, полно, полно!

Липочка плачет громче и потом рыдает.

Ну, полно ты, полно! Говорят тебе, перестань! Ну, я виновата, перестань только, я виновата.

Липочка плачет.

Липочка! Липа! Ну, будет! Ну, перестань! *(Сквозь слезы.)* Ну, не сердись ты на меня *(плачет)*… бабу глупую… неученую… *(Плачут обе вместе.)* Ну, прости ты меня… сережки куплю.

Липочка *(плача).* На что мне сережки ваши, у меня и так полон туалет. А вы купите браслеты с изумрудами.

Аграфена Кондратьевна. Куплю, куплю, только ты плакать-то перестань!

Липочка *(сквозь слезы).* Тогда и перестану, как замуж выду. *(Плачет.)*

Аграфена Кондратьевна. Выдешь, выдешь, голубчик ты мой! Ну, поцелуй меня! *(Целуются.)* Ну, Христос с тобой! Ну, дай я тебе слезки оботру! *(Обтирает.)* Вот нынче хотела Устинья Наумовна прийти, мы и потолкуем.

Липочка *(голосом, еще не успокоившимся).* Ах, кабы она поскорей пришла!

Явление третье

Те же и ***Фоминишна.***

Фоминишна. Угадайте-ко, матушка Аграфена Кондратьевна, кто к нам изволит жаловать?

Аграфена Кондратьевна. Не умею сказать. Да что я тебе, бабка-угадка, что ли, Фоминишна?

Липочка. Отчего ж ты у меня не спросишь? что я, глупее, что ли, вас с маменькой?

Фоминишна. Уж и не знаю, как сказать; на словах-то ты у нас больно прытка, а на деле-то вот и нет тебя. Просила, просила, не токмо чтобы что такое, подари хоть платок, валяются у тебя вороха два без призрения, так все нет, все чужим да чужим.

Аграфена Кондратьевна. Вот уж этого, Фоминишна, я до скончания не разберу.

Липочка. Ишь она! Знать, пивца хлебнула после завтрака, налепила тут чудеса в решете.

Фоминишна. Вестимо так; что смеяться-то? Каково скончание, Аграфена Кондратьевна, бывает и начало хуже конца.

Аграфена Кондратьевна. С тобой не разъедешься! Ты коли уж начнешь толковать, так только ушами хлопай. Кто ж такой там при-

шел-то?

Липочка. Мужчина али женщина?

Фоминишна. У тебя все мужчины в глазах-то прыгают. Да где ж это таки видано, что мужчина ходит в чепчике? Вдовье дело — как следует назвать?

Липочка. Натурально, незамужняя, вдова.

Фоминишна. Стало быть, моя правда? и выходит, что женщина!

Липочка. Эка бестолковая! Да кто женщина-то?

Фоминишна. То-то вот, умна, да не догадлива: некому другому и быть, как не Устинье Наумовне.

Липочка. Ах, маменька, как это кстати!

Аграфена Кондратьевна. Где ж она до сих пор? Веди ее скорей, Фоминишна!

Фоминишна. Сама в секунту явится: остановилась на дворе, с дворником бранится: не скоро калитку отпер.

Явление четвертое

Те же и ***Устинья Наумовна****.*

Устинья Наумовна *(входя).* Уф, фа, фа! Что это у вас, серебряные, лестница-то какая крутая:

лезешь, лезешь, насилу вползешь.

Липочка. Ах, да вот и она! Здравствуй, Устинья Наумовна!

Устинья Наумовна. Не больно спеши! Есть и постарше тебя. Вот с маменькой-то покалякаем прежде. *(Целуясь.)* Здравствуй, Аграфена Кондратьевна! Как встала, ночевала, все ли жива, бралиянтовая?

Аграфена Кондратьевна. Слава создателю! Живу — хлеб жую; целое утро вот с дочкой балясничала.

Устинья Наумовна. Чай, об нарядах все. *(Целуясь с Липочкой.)* Вот и до тебя очередь дошла. Что это ты словно потолстела, изумрудная?.. Пошли, Творец! Чего ж лучше, как не красотой цвести!

Фоминишна. Тьфу ты, греховодница! Еще сглазишь, пожалуй.

Липочка. Ах, какой вздор! Это тебе так показалось, Устинья Наумовна. Я все хирею: то колики, то сердце бьется, как маятник; все как словно тебя подманивает али плывешь по морю, так вот и рябит меланхолия в глазах.

Устинья Наумовна *(Фоминишне).* Ну, и с тобой, божья старушка, поцелуемся уж кстати. Правда, на дворе ведь здоровались, серебряная, стало быть и губы трепать нечего.

Фоминишна. Как знаешь. Известно, мы не хозяева, лыком шитая мелкота; а и в нас тоже душа, а не пар!

Аграфена Кондратьевна *(садясь).* Садись, садись, Устинья Наумовна, что как пушка на колесах стоишь! Поди-ко, вели нам, Фоминишна, самоварчик согреть.

Устинья Наумовна. Пила, пила, жемчужная; провалиться на месте, пила, и забежала-то так, на минуточку.

Аграфена Кондратьевна. Что ж ты, Фоминишна, проклажаешься? Беги, мать моя, проворнее.

Липочка. Позвольте, маменька, я поскорей сбегаю; видите, какая она неповоротливая.

Фоминишна. Уж не финти, где не спрашивают! А я, матушка Аграфена Кондратьевна, вот что думаю, не пригожее ли будет подать бальсанцу с селедочкой.

Аграфена Кондратьевна. Ну, бальсан бальсаном, а самовар самоваром. Аль тебе жалко чужого добра? Да, как поспеет, вели сюда принести.

Фоминишна. Как же уж! Слушаю! *(Уходит.)*

Явление пятое

Те же, без Фоминишны.

Аграфена Кондратьевна. Ну что, новенького нет ли чего, Устинья Наумовна? Ишь у меня девка-то стосковалась совсем.

Липочка. И в самом деле, Устинья Наумовна, ты ходишь, ходишь, а толку нет никакого.

Устинья Наумовна. Да ишь ты, с вами не скоро сообразишь, бралиянтовые. Тятенька-то твой ладит за богатого: мне, говорит, хотя Федот от проходных ворот, лишь бы денежки водились, да приданого поменьше ломил. Маменька-то вот, Аграфена Кондратьевна, тоже норовит в свое удовольствие: подавай ты ей беспременно купца, да чтобы был жалованный, да лошадей бы хороших держал, да и лоб-то крестил бы по-старинному. У тебя тоже свое на уме. Как на вас угодишь?

Явление шестое

*Те же и **Фоминишна**, входит, ставит на стол водку с закуской.*

Липочка. Не пойду я за купца, ни за что не пой-

ду! Затем разве я так воспитана: училась и по-французски, и на фортопьянах, и танцевать! Нет, нет! где хочешь возьми, а достань благородного.

Аграфена Кондратьевна. Вот ты и толкуй с ней.

Фоминишна. Да что тебе дались эти благородные? Что в них за особенный скус? Голый на голом, да и христианства-то никакого нет: ни в баню не ходит, ни пирогов по праздникам не печет; а ведь хошь и замужем будешь, а надоест тебе соус-то с подливкой.

Липочка. Ты, Фоминишна, родилась между мужиков и ноги протянешь мужичкой. Что мне в твоем купце! Какой он может иметь вес? Где у него амбиция? Мочалка-то его, что ли, мне нужна?

Фоминишна. Не мочалка, а божий волос, сударыня, так-то-сь!

Аграфена Кондратьевна. Ведь и тятенька твой не оболваненный какой, и борода-то тоже не обшарканная, да целуешь же ты его как-нибудь.

Липочка. Одно дело тятенька, а другое дело — муж. Да что вы пристали, маменька? Уж сказала, что не пойду за купца, так и не пойду! Лучше умру сейчас, до конца всю жизнь выплачу: слез недостанет, перцу наемся.

Фоминишна. Никак ты плакать сбираешься? И думать не моги! И тебе как в охоту дразнить, Аграфена Кондратьевна!

Аграфена Кондратьевна. А кто ее дразнит? Сама привередничает.

Устинья Наумовна. Пожалуй, уж коли тебе такой апекит, найдем тебе и благородного. Какого тебе: посолидней али поподжаристей?

Липочка. Ничего и потолще, был бы собою не мал. Конечно, лучше уж рослого, чем какого-нибудь мухортика. И пуще всего, Устинья Наумовна, чтоб не курносого, беспременно чтобы был бы брюнет; ну, понятное дело, чтоб и одет был по-журнальному. *(Смотрит в зеркало.)* Ах, господи! а сама-то я нынче вся, как веник, растрепана.

Устинья Наумовна. А есть у меня теперь жених, вот точно такой, как ты, бралиянтовая, расписываешь: и благородный, и рослый, и брюле.

Липочка. Ах, Устинья Наумовна! Совсем не брюле, а брюнет.

Устинья Наумовна. Да, очень мне нужно на старости лет язык-то ломать по-твоему! как сказалось, так и живет. И крестьяне есть, и орген на шее; ты вот поди оденься, а мы с ма-

менькой-то потолкуем об этом деле.

Липочка. Ах, голубушка, Устинья Наумовна, зайди ужо ко мне в комнату: мне нужно поговорить с тобой. Пойдем, Фоминишна.

Фоминишна. Ох, уж ты мне, егоза!

Уходят.

Явление седьмое

Аграфена Кондратьевна** и **Устинья Наумовна.

Аграфена Кондратьевна. Не выпить ли нам перед чаем-то бальсанцу, Устинья Наумовна?

Устинья Наумовна. Можно, бралиянтовая, можно.

Аграфена Кондратьевна *(наливает).* Кушай-ко на здоровье!

Устинья Наумовна. Да ты бы сама-то прежде, яхонтовая. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Еще поспею!

Устинья Наумовна. Уах! фу! Где это вы берете зелье этакое?

Аграфена Кондратьевна. Из винной конторы. *(Пьет.)*

Устинья Наумовна. Ведрами, чай?

Аграфена Кондратьевна. Ведрами. Что уж

по малости-то, напасешься ль? У нас ведь расход большой.

Устинья Наумовна. Что говорить, матушка, что говорить! Ну, уж хлопотала, хлопотала я для тебя, Аграфена Кондратьевна, гранила, гранила мостовую-то, да уж и выкопала жениха: ахнете, бралиянтовые, да и только!

Аграфена Кондратьевна. Насилу-то умное словцо вымолвила.

Устинья Наумовна. Благородного происхождения и значительный человек; такой вельможа, что вы и во сне не видывали.

Аграфена Кондратьевна. Видно, уж попросить у Самсона Силыча тебе парочку арабчиков[34].

Устинья Наумовна. Ничего, жемчужная, возьму. И крестьяне есть, и орген на шее, а умен как, просто тебе истукан золотой!

Аграфена Кондратьевна. Ты бы, Устинья Наумовна, вперед доложила, что за дочерью-то у нас не горы, мол, золотые.

Устинья Наумовна. Да у него своих девать некуды.

Аграфена Кондратьевна. Хорошо бы это, уж и больно хорошо; только вот что, Устинья

---

[34] Сноски: 34
Арабчик — червонец.

Наумовна: сама ты, мать, посуди, что я буду с благородным-то зятем делать? Я и слова-то сказать с ним не умею, словно в лесу.

Устинья Наумовна. Оно точно, жемчужная, дико сначала-то, ну а потом привыкнешь, обойдетесь как-нибудь. Да вот с Самсон Силычем надо потолковать, может, он его и знает, этого человека-то.

Явление восьмое

*Те же и **Расположенский**.*

Расположенский *(входя).* А я к вам, матушка Аграфена Кондратьевна. Толконулся было к Самсону Силычу, да занят, вижу; так я думаю: зайду, мол, я к Аграфене Кондратьевне. Что это, водочка у вас? Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, на здоровье! Садиться милости просим: как живете-можете?

Расположенский. Какое уж наше житье! Так, небо коптим, Аграфена Кондратьевна! Сами знаете: семейство большое, делишки маленькие. А не ропщу; роптать грех, Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Уж это, батюшка,

последнее дело.

Расположенский. Кто ропчет, значит, тот богу противится, Аграфена Кондратьевна. Вот какая была история…

Аграфена Кондратьевна. Как тебя звать-то, батюшко? Я все позабываю.

Расположенский. Сысой Псоич, матушка Аграфена Кондратьевна.

Устинья Наумовна. Как же это так: Псович, серебряный? По-каковски же это?

Расположенский. Не умею вам сказать доподлинно; отца звали Псой — ну, стало быть, я Псоич и выхожу.

Устинья Наумовна. А Псович, так Псович! Что ж, это ничего! и хуже бывает, бралиянтовый.

Аграфена Кондратьевна. Так какую же ты, Сысой Псович, историю-то хотел рассказать?

Расположенский. Так вот, матушка Аграфена Кондратьевна, была история: не то чтобы притча али сказка какая, а истинное происшествие. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, кушай.

Расположенский *(садится).* Жил старец, маститый старец… Вот уж я, матушка, забыл где,

а только в стороне такой… необитаемой. Было у него, сударыня ты моя, двенадцать дочерей — мал мала меньше. Сам работать не в силах, жена тоже старуха старая, дети еще малые, а пить-есть надобно. Что было добра, под старость все прожили, поить, кормить некому! Куда деться с малыми ребятами? Вот он так думать, эдак думать — нет, сударыня ты моя, ничего уж тут не придумаешь. «Пойду, говорит, я на распутие: не будет ли чего от доброхотных дателей». День сидит — бог подаст, другой сидит — бог подаст; вот он, матушка, и возроптал.

Аграфена Кондратьевна. А батюшки!

Расположенский. Господи, говорит, не мздоимец я, не лихоимец я… лучше, говорит, на себя руки наложить.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшка мой!

Расположенский. И бысть ему, сударыня ты моя, сон в нощи…

Входит ***Большов****.*

Явление девятое

Те же и ***Большов****.*

Большов. А! и ты, барин, здесь! Что это ты тут проповедуешь?

Рисположенский *(кланяется).* Всё ли здоровы, Самсон Силыч?

Устинья Наумовна. Что это ты, яхонтовый, похудел словно? Аль увечье какое напало?

Большов *(садясь).* Простудился, должно быть, либо геморрой, что ли, расходился…

Аграфена Кондратьевна. Ну, так, Сысой Псович, что ж ему дальше-то было?

Рисположенский. После, Аграфена Кондратьевна, после доскажу, на свободе как-нибудь забегу в сумеречки и расскажу.

Большов. Что это ты, али за святость взялся! Ха, ха, ха! Пора очувствоваться!

Аграфена Кондратьевна. Ну, уж ты начнешь! Не дашь по душе потолковать.

Большов. По душе!.. Ха, ха, ха!.. А ты спроси-ко, как у него из суда дело пропало; вот эту историю-то он тебе лучше расскажет.

Рисположенский. Ан нет же, и не пропало! Вот и неправда, Самсон Силыч!

Большов. А за что ж тебя оттудова выгнали?

Рисположенский. А вот за что, матушка Аграфена Кондратьевна. Взял я одно дело из суда домой, да дорогой-то с товарищем и завернули, человек слаб, ну, понимаете… с позволенья сказать, хошь бы в погребок… там я его оставил,

да хмельной-то, должно быть, и забыл. Что ж, со всяким может случиться. Потом, сударыня моя, в суде и хватились этого дела-то: искали, искали, я и на дом-то ездил два раза с экзекутором — нет как нет! Хотели меня суду предать, а тут я и вспомнил, что, должно быть, мол, я его в погребке забыл. Поехали с экзекутором — оно там и есть.

Аграфена Кондратьевна. Что ж! Не токмо что с пьющим, и с непьющим бывает. Что ж за беда такая!

Большов. Как же тебя в Камчатку не сослали?

Рисположенский. Уж и в Камчатку! А за что, позвольте вас спросить, за что в Камчатку-то сослать?

Большов. За что! За безобразие! Так неужели ж вам потакать? Эдак вы с кругу сопьетесь.

Рисположенский. Ан вот простили. Вот, матушка Аграфена Кондратьевна, хотели меня суду предать за это за самое. Я сейчас к генералу к нашему, бух ему в ноги! Ваше, говорю, превосходительство! Не погубите! Жена, говорю, дети маленькие! Ну, говорит, бог с тобой, лежачего не бьют, подавай, говорит, в отставку, чтоб я и не видал тебя здесь. Так и простил. Что ж! Дай бог ему здоровья! Он меня и теперь не забывает; ино-

гда забежишь к нему на празднике: что, говорит, ты Сысой Псоич? С праздником, мол, ваше превосходительство, поздравить пришел. Вот, к Троице ходил недавно, просвирку ему принес. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, на здоровье! А мы с тобой, Устинья Наумовна, пойдем-ко, чай, уж самовар готов; да покажу я тебе, есть у нас кой-что из приданого новенького.

Устинья Наумовна. У вас, чай, и так вороха наготовлены, бралиянтовая.

Аграфена Кондратьевна. Что делать-то! Материи новые вышли, а нам будто не стать за них деньги платить.

Устинья Наумовна. Что говорить, жемчужная! Свой магазин, все равно что в саду растет.

Уходят.

Явление десятое

Большов *и* ***Расположенский***.

Большов. А что, Сысой Псоич, чай, ты с этим крючкотворством на своем веку много чернил извел?

Расположенский. Хе, хе… Самсон Силыч, материал не дорогой. А я вот забежал понаведаться,

как ваши делишки.

Большов. Забежал ты! А тебе больно знать нужно! То-то вот вы подлый народ такой, кровопийцы какие-то: только б вам пронюхать что-нибудь здакое, так уж вы и вьетесь тут с вашим дьявольским наущением.

Рисположенский. Какое же может произойти, Самсон Силыч, от меня наущение? Да и что я за учитель такой, когда вы сами, может быть, в десять раз меня умнее? Меня что попросят, я сделаю. Что ж не сделать! Я бы свинья был, когда б не сделал; потому что я, можно сказать, облагодетельствован вами и с ребятишками. А я еще довольно глуп, чтобы вам советовать: вы свое дело сами лучше всякого знаете.

Большов. Сами знаете! То-то вот и беда, что наш брат, купец, дурак, ничего он не понимает, а таким пиявкам, как ты, это и на руку. Ведь вот ты теперь все пороги у меня обобьешь таскамшись-то.

Рисположенский. Как же мне не таскаться-то! Кабы я вас не любил, я бы к вам и не таскался. Разве я не чувствую? Что ж я, в самом деле, скот, что ли, какой бессловесный?

Большов. Знаю я, что ты любишь — все вы нас любите; только путного от вас ничего не до-

бьешься. Вот я теперь маюсь, маюсь с делом-то, так измучился, поверишь ли ты, мнением только этим одним! Уж хоть бы поскорей, что ли, да из головы вон.

Рисположенский. Что ж, Самсон Силыч, не вы первый, не вы последний; нешто другие-то не делают?

Большов. Как не делать, брат, и другие делают. Да еще как делают-то — без стыда, без совести! На лежачих лесорах ездят, в трехэтажных домах живут; другой такой бельведер с колоннами выведет, что ему с своею образиной и войти-то туда совестно; а там и капут, и взять с него нечего. Коляски эти разъедутся неизвестно куда, дома все заложены, останется ль, нет ли кредиторам-то старых сапогов пары три. Вот тебе вся недолга. Да еще и обманет-то кого: так, бедняков каких-нибудь пустит в одной рубашке по миру. А у меня кредиторы все люди богатые, что им сделается!

Рисположенский. Известное дело. Что ж, Самсон Силыч, все это в наших руках.

Большов. Знаю, что в наших руках; да сумеешь ли ты это дело сделать-то? Ведь вы народец тоже! Я уж вас знаю! На словах-то вы прытки, а там и пошел блудить.

Рисположенский. Да что вы, Самсон Силыч,

помилуйте, нешто мне в первый раз! Уж еще этого-то не знать! хе, хе, хе… Да такие ли я дела делал…

Большов. Ой ли? Так какую ж ты механику подсмолишь?

Рисположенский. А там глядя по обстоятельствам. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью… *(Пьет.)* Вот первое дело, Самсон Силыч, надобно дом да лавки заложить либо продать. Это уж первое дело.

Большов. Да, это точно надобно сделать заблаговременно. На кого бы только эту обузу свалить? Да вот разве на жену?

Рисположенский. Незаконно, Самсон Силыч! Это незаконно! В законах изображено, что таковые продажи недействительны. Оно ведь сделать-то недолго, да чтоб крючков после не вышло. Уж делать, так надо, Самсон Силыч, прочней.

Большов. И то дело, чтоб оглядок не было.

Рисположенский. Как на чужого-то закрепишь, так уж и придраться-то не к чему. Спорь после поди против подлинных-то бумаг.

Большов. Только вот что беда-то: как закрепишь на чужого дом-то, а он, пожалуй, там и застрянет, как блоха на войне.

Рисположенский. Уж вы ищите, Самсон Силыч, такого человека, чтобы он совесть знал.

Большов. А где ты его найдешь нынче? Нынче всякий норовит, как тебя за ворот ухватить, а ты совести захотел.

Рисположенский. А я вот как мекаю, Самсон Силыч, хотите вы меня слушайте, хотите вы нет: каков человек у вас приказчик?

Большов. Который? Лазарь, что ли?

Рисположенский. Да, Лазарь Елизарыч.

Большов. Ну, а на Лазаря, так и пускай на него; он малый с понятием, да и капиталец есть.

Рисположенский. Что же прикажете, Самсон Силыч: закладную или купчую?

Большов. А с чего процентов меньше, то и варгань. Как сделаешь все в акурате, такой тебе, Сысой Псоич, магарыч поставлю, просто сказать, угоришь.

Рисположенский. Уж будьте покойны, Самсон Силыч, мы свое дело знаем. А вы Лазарю-то Елизарычу говорили об этом деле или нет? Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Большов. Нет еще. Вот нынче потолкуем. Он у меня парень-то дельный; ему только мигни, он и понимает. А уж сделает-то что, так пальца не подсунешь. Ну, заложим мы дом, а потом что?

Рисположенский. А потом напишем реэстрик, что вот, мол, так и так, по двадцати пяти копеек за рубль: ну, и ступайте по кредиторам. Коли кто больно заартачится, так можно и прибавить, а другому сердитому и все заплатить… Вы ему все заплатите, а он — чтобы писал, что по сделке получил по двадцати пяти копеек, так, для видимости, чтобы другим показать. Вот, мол, так и так; ну, и другие, глядя на них, согласятся.

Большов. Это точно, поторговаться не мешает: не возьмут по двадцати пяти, так полтину возьмут; а если полтины не возьмут, так за семь гривен обеими руками ухватятся. Все-таки барыш. Там, что хошь говори, а у меня дочь невеста, хоть сейчас из полы в полу да со двора долой. Да и самому-то, братец ты мой, отдохнуть пора; проклажались бы мы, лежа на боку, и торговлю всю эту к черту. Да вот и Лазарь идет.

Явление одиннадцатое

*Те же и **Подхалюзин**, входит.*

Большов. Что скажешь, Лазарь? Ты из городу что ль? Как у вас там?

Подхалюзин. Слава богу-с, идет помаленьку. Сысою Псоичу! *(Кланяется.)*

Рисположенский. Здравствуйте, батюшка Лазарь Елизарыч! *(Кланяется.)*

Большов. А идет, так и пусть идет. *(Помолчав.)* А вот ты бы, Лазарь, когда на досуге баланц для меня сделал, учел бы розничную по панской-то части, ну и остальное, что там еще. А то торгуем, торгуем, братец, а пользы ни на грош. Али сидельцы, что ли, грешат, таскают родным да любовницам; их бы маленечко усовещивал. Что так, без барыша-то, небо коптить? Аль сноровки не знают? Пора бы, кажется.

Подхалюзин. Как же это можно, Самсон Силыч, чтобы сноровки не знать? Кажется, сам завсегда в городе бываю-с, и завсегда толкуешь им-с.

Большов. Да что же ты толкуешь-то?

Подхалюзин. Известное дело-с, стараюсь, чтобы все было в порядке и как следует-с. Вы, говорю, ребята, не зевайте: видишь, чуть дело подходящее, покупатель, что ли, тумак какой подвернулся, али цвет с узором какой барышне понравился, взял, говорю, да и накинул рубль али два на аршин.

Большов. Чай, брат, знаешь, как немцы в магазинах наших бар обирают. Положим, что мы не немцы, а христиане православные, да тоже пироги-то с начинкой едим. Так ли? А?

Расположенский смеется.

Подхалюзин. Дело понятное-с. И мерять-то, говорю, надо тоже поестественнее: тяни да потягивай, только-только чтоб, боже сохрани, как не лопнуло; ведь не нам, говорю, после носить. Ну, а зазеваются, так никто не виноват, можно, говорю, и просто через руку лишний аршин раз шмыгануть.

Большов. Все единственно: ведь портной украдет же. А? Украдет ведь?

Расположенский. Украдет, Самсон Силыч, беспременно, мошенник, украдет; уж я этих портных знаю.

Большов. То-то вот; все они кругом мошенники, а на нас слава.

Расположенский. Это точно, Самсон Силыч, это вы правду говорить изволите.

Большов. Эх, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежние времена. *(Помолчав.)* Что, «Ведомости» принес?

Подхалюзин *(вынимая из кармана и подавая).* Извольте получить-с.

Большов. Дава-кось, посмотрим. *(Надевает очки и просматривает.)*

Расположенский. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью.*(Пьет, потом надевает очки, садится*

подле Большова и смотрит в газеты.)

Большов *(читает вслух).* «Объявления казенные и разных обществ: 1, 2, 3, 4, 5 и 6, от Воспитательного дома». Это не по нашей части, нам крестьян не покупать. «7 и 8 от Московского новерситета, от Губернских правлений, от Приказов общественного призрения». Ну, и это мимо. «От Городской шестигласной думы». А нутко-сь, нет ли чего! *(Читает.)*«От Московской городской шестигласной думы сим объявляется: не пожелает ли кто взять в содержание нижеозначенные оброчные статьи». Не наше дело: залоги надоть представлять. «Контора Вдовьего дома сим приглашает…» Пускай приглашает, а мы не пойдем. «От Сиротского суда». У самих ни отца ни матери. *(Просматривает далее.)* Эге! Вон оно куды пошло! Слушай-ко, Лазарь! «Такого-то года, сентября такого-то дня, по определению Коммерческого суда, первой гильдии купец Федот Селиверстов Плешков объявлен несостоятельным должником; вследствие чего…» Что тут толковать! Известно, что вследствие бывает. Вот те и Федот Селиверстыч! Каков был туз, а в трубу вылетел. А что, Лазарь, не должен ли он нам?

Подхалюзин. Малость должен-с. Сахару для дому брали пудов, никак, тридцать, не то сорок.

Большов. Плохо дело, Лазарь. Ну, да мне-то он сполна отдаст по-приятельски.

Подхалюзин. Сумнительно-с.

Большов. Сочтемся как-нибудь. *(Читает.)* «Московский первой гильдии купец Антип Сысоев Енотов объявлен несостоятельным должником». За этим ничего нет?

Подхалюзин. За масло постное-с, об Великом посту брали бочонка с три-с.

Большов. Вот сухоядцы-то, постники! И богу-то угодить на чужой счет норовят. Ты, брат, степенству-то этому не верь! Этот народ одной рукой крестится, а другой в чужую пазуху лезет! Вот и третий: «Московский второй гильдии купец Ефрем Лукин Полуаршинников объявлен несостоятельным должником». Ну, а этот как?

Подхалюзин. Вексель есть-с!

Большов. Протестован?

Подхалюзин. Протестован-с. Сам-то скрывается-с.

Большов. Ну! И четвертый тут, Самопалов. Да что они, сговорились, что ли?

Подхалюзин. Уж такой расподлеющий народ-с.

Большов *(ворочая листы)*. Да тут их не перечитаешь до завтрашнего числа. Возьми прочь!

Подхалюзин *(берет газету)*. Газету-то только пакостят. На все купечество мораль эдакая.

Молчание.

Рисположенский. Прощайте, Самсон Силыч, я теперь домой побегу: делишки есть кой-какие.

Большов. Да ты бы посидел немножко.

Рисположенский. Нет, ей-богу, Самсон Силыч, не время. Я уж к вам завтра пораньше зайду.

Большов. Ну, как знаешь!

Рисположенский. Прощайте!.. Прощайте, Лазарь Елизарыч! *(Уходит.)*

Явление двенадцатое

Большов *и* ***Подхалюзин***.

Большов. Вот ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь что! Так вот даром и бери деньги. Как не деньги, скажет — видал, как лягушки прыгают. На-ко, говорит, вексель. А по векселю-то с иных что возьмешь! Вот у меня есть завалящих тысяч на сто, и с протестами; только и дела, что каждый год подкладывай. Хошь, за полтину серебра все отдам! Должников-то по ним, чай, и с собаками не сыщешь: которые повымерли, а которые поразбежались, некого и в яму посадить. А и посадишь-то, Лазарь, так сам

не рад: другой так обдержится, что его оттедова куревом не выкуришь. Мне, говорит, и здесь хорошо, а ты проваливай. Так ли, Лазарь?

Подхалюзин. Уж это как и водится.

Большов. Все вексель да вексель! А что такое это вексель? Так, бумага, да и все тут. И на дисконту отдашь, так проценты слупят, что в животе забурчит, да еще после своим добром отвечай. *(Помолчав.)* С городовыми[35] лучше не связывайся: всё в долг да в долг; а привезет ли, нет ли, так слепой мелочью да арабчиками, поглядишь — ни ног, ни головы, а на мелочи никакого звания давно уж нет. А вот ты тут как хошь! Здешним торговцам лучше не показывай: в любой анбар взойдет, только и дела что нюхает-нюхает, поковыряет-поковыряет, да и прочь пойдет. Уж диви бы товару не было, — каким еще рожном торговать. Одна лавка москательная, другая красная, третья с бакалеей; так нет, ничто не везет. На торги хошь не являйся: сбивают цены пуще черт знает чего; а наденешь хомут, да еще и вязку подай, да магарычи, да угощения, да разные там недочеты с провесами. Вон оно что! Чувствуешь ли ты это?

---

[35] Сноски: 35
Городовые — провинциальные купцы.

Подхалюзин. Кажется, должен чувствовать-с.

Большов. Вот какова торговля-то, вот тут и торгуй! *(Помолчав.)* Что, Лазарь, как ты думаешь?

Подхалюзин. Да как думать-с! Уж это как вам угодно. Наше дело подначальное.

Большов. Что тут подначальное: ты говори по душе. Я у тебя про дело спрашиваю.

Подхалюзин. Это опять-таки, Самсон Силыч, как вам угодно-с.

Большов. Наладил одно: как вам угодно. Да ты-то как?

Подхалюзин. Это я не могу знать-с.

Большов *(помолчав).* Скажи, Лазарь, по совести, любишь ли ты меня? *(Молчание.)* Любишь, что ли? Что ж ты молчишь? *(Молчание.)* Поил, кормил, в люди вывел, кажется.

Подхалюзин. Эх, Самсон Силыч! Да что тут разговаривать-то-с. Уж вы во мне-то не сумневайтесь! Уж одно слово: вот как есть, весь тут.

Большов. Да что ж, что ты весь-то?

Подхалюзин. Уж коли того, а либо что, так останетесь довольны: себя не пожалею.

Большов. Ну, так и разговаривать нечего. По мне, Лазарь, теперь самое настоящее время: денег наличных у нас довольно, векселям всем сроки подошли. Чего ж ждать-то? Дождешься,

пожалуй, что какой-нибудь свой же брат оберет тебя дочиста, а там, глядишь, сделает сделку по гривне за рубль, да и сидит в миллионе и плевать на тебя не хочет. А ты, честный-то торговец, и смотри да казнись, хлопай глазами-то. Вот я и думаю, Лазарь, предложить кредиторам-то такую статью: не возьмут ли они у меня копеек по двадцати пяти за рубль. Как ты думаешь?

Подхалюзин. А уж по мне, Самсон Силыч, коли платить по двадцати пяти, так пристойнее совсем не платить.

Большов. А что? Ведь и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихим-то манером дельцо обделать. Там после суди владыка на втором пришествии. Хлопот-то только куча. Дом-то и лавки я на тебя заложу.

Подхалюзин. Нельзя ж без хлопот-с. Вот векселя надо за что-нибудь сбыть-с, товар перевести куда подальше. Станем хлопотать-с!

Большов. Оно так! Да старенек уж я становлюсь хлопотать-то. А ты помогать станешь?

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, в огонь и в воду полезу-с.

Большов. Эдак-то лучше! Черта ли там по грошам-то наживать! Махнул сразу, да и шабаш. Только напусти бог смелости. Спасибо тебе, Ла-

зарь! Удружил! *(Встает.)* Ну, хлопочи! *(Подходит к нему и треплет по плечу.)* Сделаешь дело аккуратно, так мы с тобой барышами-то поделимся. Награжу на всю жизнь. *(Идет к двери.)*

Подхалюзин *(провожая его)*. Мне, Самсон Силыч, окромя вашего спокойствия, ничего не нужно-с. Как жимши у вас с малолетства и видемши все ваши благодеяния; можно сказать, мальчишкой взят-с лавки подметать, следовательно, должен я чувствовать.

Действие второе

*Контора в доме **Большова**. Прямо дверь, на левой стороне лестница наверх.*

Явление первое

Тишка *(со щеткой на авансцене).* Эх, житье, житье! Вот чем свет тут ты полы мети! А мое ли дело полы мести! У нас все не как у людей! У других-то хозяев, коли уж мальчишка, так и живет в мальчиках — стало быть, при лавке присутствует. А у нас то туда, то сюда, целый день шаркай по мостовой, как угорелый. Скоро руку набьешь, держи карман-то. У добрых-то людей для разгонки держат дворника, а у нас он с котятами на печке лежит либо с кухаркой проклажается; а на тебе спросится. У других все-таки вольготность есть; иным часом проштрафишься што либо-у́што, по малолетствию тебе спускается: а у нас — коли не тот, так другой, коли не сам, так сама задаст вытрепку; а то вот приказчик Лазарь, а то вот Фоминишна, а то вот… всякая шваль над тобой командует. Вот она жисть-то

какая анафемская! А уж это, чтобы урваться когда из дому, с приятелями в три листика али в пристенок сразиться — и не думай лучше! Да уж и в голове-то, правда, не то! *(Лезет на стул коленками и смотрит в зеркало.)* Здравствуйте, Тихон Савостьяныч! Как вы поживаете? Все ли вы слава богу?.. А ну, Тишка, выкинь коленце. *(Делает гримасу.)* Вот оно что! *(Другую.)* Эвось оно как... *(Хохочет.)*

Явление второе

Тишка *и* ***Подхалюзин*** *(крадется и хватает его за ворот).*

Подхалюзин. А это ты, чертенок, что делаешь?

Тишка. Что! известно что! пыль стирал.

Подхалюзин. Языком-то стирал! Что ты за пыль на зеркале нашел? Покажу я тебе пыль! Ишь ломается! А вот я тебе заклею подзатыльника, так ты и будешь знать.

Тишка. Будешь знать! Да было бы еще за что?

Подхалюзин. А за то, что за что! Поговоришь, так и увидишь, за что! Вот пикни еще!

Тишка. Да, пикни еще! Я ведь и хозяину скажу, не что́ возьмешь!

Подхалюзин. Хозяину скажу!.. Что мне твой

хозяин… Я, коли на то пошло… хозяин мне твой!.. На то ты и мальчишка, чтоб тебя учить, а ты думал что! Вас, пострелят, не бить, так и добра не видать. Прахтика-то эта известная. Я, брат, и сам о́гни, и воды, и медные трубы прошел.

Тишка. Знаем, что прошел.

Подхалюзин. Цыц, дьяволенок! *(Замахивается.)*

Тишка. Нако-сь, попробуй! нешто не скажу, ей-богу, скажу!

Подхалюзин. Да что ты скажешь-то, чертова перечница!

Тишка. Что скажу? А то, что лаешься!

Подхалюзин. Важное кушанье! Ишь ты, барин какой! Подитко-сь! Был Сысой Псоич?

Тишка. Известно, был.

Подхалюзин. Да ты, чертенок, говори толком! Зайти, что ль, хотел?

Тишка. Зайти хотел!

Подхалюзин. Ну, так ты сбегай на досуге.

Тишка. Рябиновки, что ли?

Подхалюзин. Да, рябиновки. Надо Сысоя Псоича попотчевать. *(Дает деньги.)* Купи полштофа, а сдачу возьми уж себе на пряники. Только ты, смотри, проворней, чтобы не хватились!

Тишка. Стриженая девка косы не заплетет. Так

начну порхать — живым манером.

Тишка уходит.

Явление третье

Подхалюзин *(один)*. Вот беда-то! Вот она где беда-то пришла на нас! Что теперь делать-то? Ну, плохо дело! Не миновать теперь несостоятельным объявиться! Ну, положим, хозяину что-нибудь и останется, а я-то при чем буду? Мне-то куда деться? В проходном ряду пылью торговать! Служил, служил лет двадцать, а там ступай мостовую грани. Как теперь это дело рассудить надо? Товаром, что ли? Вот векселя велел продать *(вынимает и считает)*: тут, должно быть, попользоваться будет можно. *(Ходит по комнате.)* Говорят, надо совесть знать! Да известное дело, надо совесть знать, да в каком это смысле понимать нужно? Против хорошего человека у всякого есть совесть; а коли он сам других обманывает, так какая же тут совесть! Самсон Силыч купец богатейший, и теперича все это дело, можно сказать, так, для препровождения времени затеял. А я человек бедный! Если и попользуюсь в этом деле чем-нибудь лишним, так и греха нет никакого; потому он сам неспра-

ведливо поступает, против закона идет. А мне что его жалеть. Вышла линия, ну и не плошай: он свою политику ведет, а ты свою статью гони. Еще то ли бы я с ним сделал, да не приходится. Хм! Ведь залезет эдакая фантазия в голову человеку! Конечно, Алимпияда Самсоновна барышня образованная и, можно сказать, каких в свете нет, а ведь этот жених ее теперича не возьмет, скажет, денег дай! А денег где взять? И уж не быть ей теперь за благородным, потому денег нет. Рано ли, поздно ли, а придется за купца отдавать! *(Ходит молча.)* А понабравши деньжонок, да поклониться Самсону Силычу: дескать, я, Самсон Силыч, в таких летах, что должен подумать о продолжении потомства, и я, мол, Самсон Силыч, для вашего спокойствия пота-крови не жалел. Конечно, мол, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, да ведь и я, Самсон Силыч, не лыком шит, сами изволите видеть, имею капиталец и могу кругом себя ограничить на этот предмет. Отчего не отдать за меня? Чем я не человек? Ни в чем не замечен, к старшим почтителен! Да при всем том, как заложили мне Самсон Силыч дом и лавки, так и закладной-то можно пугнуть. А знамши-то характер Самсона Силыча, каков он есть, это и очень может случиться. У них та-

кое заведение: коли им что попало в голову, уж ничем не выбьешь оттедова. Все равно как в четвертом году захотели бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали — нет, говорит, после опять отпущу, а теперь поставлю на своем: взяли да и обрили. Так вот и это дело: потрафь я по них или так взойди им в голову — завтра же под венец, и баста, и разговаривать не смей. Да от эдакого удовольствия с Ивана Великого спрыгнуть можно.

Явление четвертое

Подхалюзин *и* ***Тишка****.*

Тишка *(входит со штофом)*. Вот он я пришел!

Подхалюзин. Послушай, Тишка, Устинья Наумовна здесь?

Тишка. Там наверху. Да и стракулист идет.

Подхалюзин. Так ты поставь водку-то на стол, да и закусочки достань.

Тишка ставит водку и достает закуски, потом уходит.

Явление пятое

***Подхалюзин** и **Рисположенский**.*

Подхалюзин. А, наше вам-с!

Рисположенский. К вам, батюшка Лазарь Елизарыч, к вам! Право. Думаю, мол, мало ли что, может, что и нужно. Это водочка у вас? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. Что-то руки стали трястись по утрам, особенно вот правая; как писать что, Лазарь Елизарыч, так все левой придерживаю. Ей-богу! А выпьешь водочки, словно лучше. *(Пьет.)*

Подхалюзин. Отчего же это у вас руки трясутся?

Рисположенский *(садится к столу).* От заботы, Лазарь Елизарыч, от заботы, батюшка.

Подхалюзин. Так-с! А я так полагаю, оттого, что больно народ грабите. За неправду бог наказывает.

Рисположенский. Эх, хе, хе… Лазарь Елизарыч! Где нам грабить! Делишки наши маленькие. Мы, как птицы небесные, по зернышку клюем.

Подхалюзин. Вы, стало быть, по мелочам?

Рисположенский. Будешь и по мелочам, как взять-то негде. Ну, еще нешто, кабы один,

а то ведь у меня жена да четверо ребятишек. Все есть просят, голубчики. Тот говорит — тятенька, дай, другой говорит — тятенька, дай. Одного вот в гимназию определил: мундирчик надобно, то, другое. А домишко-то эвоно где!.. Что сапогов одних истреплешь, ходимши к Воскресенским воротам с Бутырок-то.

Подхалюзин. Это точно-с.

Рисположенский. А зачем ходишь-то: кому просьбишку изобразишь, кого в мещане припишешь. Иной день и полтины серебром домой не принесешь. Ей-богу, не лгу. Чем тут жить? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. *(Пьет.)* А я думаю: забегу, мол, я к Лазарю Елизарычу, не даст ли он мне деньжонок что-нибудь.

Подхалюзин. А за какие же это провинности-с?

Рисположенский. Как за какие провинности! Вот уж грех, Лазарь Елизарыч! Нешто я вам не служу? По гроб слуга, что хотите заставьте. А закладную-то вам выхлопотал!

Подхалюзин. Ведь уж вам заплачено! И толковать-то вам об одном и том же не приходится!

Рисположенский. Это точно, Лазарь Елизарыч, заплачено. Это точно! Эх, Лазарь Елизарыч, бедность-то меня одолела!

Подхалюзин. Бедность одолела! Это бывает-с. *(Подходит и садится к столу.)* А у нас вот лишние есть-с: девать некуда. *(Кладет бумажник на стол.)*

Расположенский. Что вы, Лазарь Елизарыч, неужто лишние? Небось шутите?

Подхалюзин. Окромя всяких шуток-с.

Расположенский. А коли лишние, так отчего ж бедному человеку не помочь. Вам бог пошлет за это.

Подхалюзин. А много ли вам требуется?

Расположенский. Дайте три целковеньких.

Подхалюзин. Что так мало-с?

Расположенский. Ну, дайте пять.

Подхалюзин. А вы просите больше.

Расположенский. Ну, уж коли милость будет, дайте десять.

Подхалюзин. Десять-с! Так, задаром?

Расположенский. Как задаром! Заслужу, Лазарь Елизарыч, когда-нибудь сквитаемся.

Подхалюзин. Все это буки-с. Улита едет, да когда-то она будет. А мы теперь с вами вот какую материю заведем: много ли вам Самсон Силыч обещали за всю эту механику?

Расположенский. Стыдно сказать, Лазарь Елизарыч: тысячу рублей да старую шубу енотовую.

Уж меньше меня никто не возьмет, ей-богу, вот хоть приценитесь подите.

Подхалюзин. Ну так вот что, Сысой Псоич, я вам дам две тысячи-с за этот же самый предмет-с.

Рисположенский. Благодетель вы мой, Лазарь Елизарыч! С женой и с детьми в кабалу пойду.

Подхалюзин. Сто серебром теперь же-с, а остальные после, по окончании всего этого происшествия-с.

Рисположенский. Ну вот, как за эдаких людей богу не молить! Только какая-нибудь свинья необразованная может не чувствовать этого. Я вам в ножки поклонюсь, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Это уж на что же-с? Только, Сысой Псоич, уж хвостом не вертеть туда и сюда, а ходи в акурате: попал на эту точку — и вертись на этой линии. Понимаете-с?

Рисположенский. Как не понимать! Что вы, Лазарь Елизарыч! Маленький, что ли, я! Пора понимать!

Подхалюзин. Да что вы понимаете-то? Вот дела-то какие-с! Вы прежде выслушайте. Приезжаем мы с Самсоном Силычем в город, и эрестрик этот привезли, как следует. Вот он пошел по кредиторам: тот не согласен, другой не согласен; да так ни один таки и нейдет на эту штуку. Вот она

какая статья-то.

Рисположенский. Что вы это говорите, Лазарь Елизарыч! А! Вот поди ж ты! Вот народ-то!

Подхалюзин. Как бы нам теперича с этим делом не опростоволоситься! Понимаете вы меня али нет?

Рисположенский. То есть насчет несостоятельности, Лазарь Елизарыч?

Подхалюзин. Несостоятельность там сама по себе; а насчет моих-то делов.

Рисположенский. Хе, хе, хе… То есть дом-то с лавками… эдак… дом-то… хе, хе, хе!..

Подхалюзин. Что-о-с?

Рисположенский. Нет-с, это я так, Лазарь Елизарыч, по глупости, как будто для шутки.

Подхалюзин. То-то для шутки! А вы этим не шутите-с! Тут не то что дом, у меня теперь такая фантазия в голове об этом предмете, что надо с вами обширно потолковать-с! Пойдемте ко мне-с. Тишка!

Явление шестое

Те же и ***Тишка****.*

Подхалюзин. Прибери тут все это. Ну, пойдемте, Сысой Псоич!

Тишка хочет убирать водку.

Рисположенский. Постой, постой! Эх, братец, какой ты глупый! Видишь, что хотят пить, ты и подожди… ты и подожди. Ты еще мал, ну так ты будь учтив и снисходителен. Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Подхалюзин. Пейте, да только поскореича, того гляди, сам приедет.

Рисположенский. Сейчас, батюшка Лазарь Елизарыч, сейчас! *(Пьет и закусывает.)* Да уж мы лучше ее с собой возьмем.

Уходят. Тишка прибирает кое-что; сверху сходят ***Устинья Наумовна*** *и* ***Фоминишна****. Тишка уходит.*

Фоминишна. Уж пореши ты ее нужду, Устинья Наумовна! Ишь ты, девка-то измаялась совсем, да ведь уж и время, матушка. Молодость-то не бездонный горшок, да и тот, говорят, опоражнивается. Я уж это по себе знаю. Я по тринадцатому году замуж шла, а ей вот через месяц девятнадцатый годок минет. Что томить-то ее понапрасну! Другие в ее пору давно уж детей повывели. То-то, мать моя, что ж ее томить-то!

Устинья Наумовна. Сама все это разумею, серебряная, да нешто за мной дело стало; у меня женихов-то что борзых. Да ишь ты, разборчивы

они очень с маменькой-то.

Фоминишна. Да что их разбирать-то! Ну, известное дело, чтоб были люди свежие, не плешивые, чтоб не пахло ничем, а там какого ни возьми, все человек.

Устинья Наумовна *(садясь)*. Присесть, серебряная. Измучилась я нынче день-то деньской; с раннего утра словно отымалка какая мычуся. А ведь и проминовать ничего нельзя, везде, стало быть, необходимый человек. Известное дело, серебряная, всякий человек — живая тварь: тому невеста понадобилась, той жениха хоть роди, да подай, а там где-нибудь и вовсе свадьба. А кто сочинит? — все я же. Отдувайся одна за всех Устинья Наумовна. А отчего отдувайся? Оттого, что уж так, видно, устроено, от начала мира эдакое колесо заведено. Точно, надо правду сказать, не обходят и нас за труды: кто на платье тебе материи, кто шаль с бахромой, кто тебе чепчик состряпает, а где и золотой, где и побольше перевалится — известно, что чего стоит, глядя по силе возможности.

Фоминишна. Что говорить, матушка, что говорить!

Устинья Наумовна. Садись, Фоминишна, ноги-то старые, ломаные.

Фоминишна. И, мать! некогда. Ведь какой грех-то: сам-то что-то из городу не едет, все под страхом ходим; того и гляди пьяный приедет. А уж какой благой-то, господи! Зародится же ведь эдакой озорник!

Устинья Наумовна. Известное дело: с богатым мужиком, что с чертом, не скоро сообразишь.

Фоминишна. Уж мы от него страсти-то видали! Вот на прошлой неделе, ночью, пьяный приехал: развоевался так, что на́-поди. Страсти, да и только! Посуду колотит… «У, — говорит, — такие вы и эдакие, убью сразу!»

Устинья Наумовна. Необразование!

Фоминишна. Уж и правда, матушка! А я побегу, родная, наверх-то, Аграфена-то Кондратьевна у меня там одна. Ты, как пойдешь домой-то, так заверни ко мне, я тебе окорочек завяжу. *(Идет на лестницу.)*

Устинья Наумовна. Зайду, серебряная, зайду.

Подхалюзин *входит.*

Явление седьмое

Устинья Наумовна *и* ***Подхалюзин.***

Подхалюзин. А! Устинья Наумовна! Сколько лет, сколько зим-с!

Устинья Наумовна. Здравствуй, живая душа! Каково попрыгиваешь?

Подхалюзин. Что нам делается-с. *(Садится.)*

Устинья Наумовна. Мамзельку, коли хочешь, высватаю!

Подхалюзин. Покорно благодарствуйте, — нам пока не требуется.

Устинья Наумовна. Сам, серебряный, не хочешь, приятелю удружу. У тебя ведь, чай, знакомых-то по городу что собак.

Подхалюзин. Да, есть-таки около того-с.

Устинья Наумовна. Ну а коли есть, так и слава тебе господи! Чуть мало-мальски жених, холостой ли он, неженатый ли, вдовец ли какой — прямо и тащи ко мне.

Подхалюзин. Так вы его и жените?

Устинья Наумовна. Так и женю. Отчего ж не женить? И не увидишь, как женю.

Подхалюзин. Это дело хорошее-с. А вот теперича я у вас спрошу, Устинья Наумовна, зачем это вы к нам больно часто повадились?

Устинья Наумовна. А тебе что за печаль! Зачем бы я ни ходила! Я ведь не краденая какая, не овца без имени. Ты что за спрос?

Подхалюзин. Да так-с, не напрасно ли ходите-то?

Устинья Наумовна. Как напрасно? С чего это ты, серебряный, выдумал! Посмотри-ка, какого жениха нашла! Благородный, крестьяне есть, и из себя молодец.

Подхалюзин. Да за чем же дело стало-с?

Устинья Наумовна. Ни за чем не стало! Хотел завтра приехать да обзнакомиться. А там обвертим, да и вся недолга.

Подхалюзин. Обвертите, попробуйте, — задаст он вам копоти.

Устинья Наумовна. Что ты, здоров ли, яхонтовый?

Подхалюзин. Вот вы увидите!

Устинья Наумовна. До вечера не дожить! Ты, алмазный, либо пьян, либо вовсе с ума свихнул.

Подхалюзин. Уж об этом-то вы не извольте беспокоиться, вы об себе-то подумайте, а мы знаем, что знаем.

Устинья Наумовна. Да что ты знаешь-то?

Подхалюзин. Мало ли что знаем-с.

Устинья Наумовна. А коли что знаешь, так и нам скажи; авось язык-то не отвалится.

Подхалюзин. В том-то и сила, что сказать-то нельзя.

Устинья Наумовна. Отчего ж нельзя, меня, что ль, совестишься, бралиянтовый? Ничего —

говори, нужды нет.

Подхалюзин. Тут не об совести дело. А вам скажи, вы, пожалуй, и разболтаете.

Устинья Наумовна. Анафема хочу быть, коли скажу — руку даю на отсечение.

Подхалюзин. То-то же-с. Уговор лучше денег-с.

Устинья Наумовна. Известное дело. Ну, что же ты знаешь-то?

Подхалюзин. А вот что-с, Устинья Наумовна: нельзя ли как этому вашему жениху отказать-с?

Устинья Наумовна. Да что ты, белены, что ль, объелся?

Подхалюзин. Ничего не объелся-с! А если вам угодно говорить по душе, по совести-с, так это вот какого рода дело-с: у меня есть один знакомый купец из русских, и они оченно влюблены в Алимпияду Самсоновну-с. Что, говорит, ни дать, только бы жениться; ничего, говорит, не пожалею.

Устинья Наумовна. Что ж ты мне прежде-то, алмазный, не сказал?

Подхалюзин. Сказать-то было нечего, по тому самому, что и я-то недавно узнал-с.

Устинья Наумовна. Уж теперь поздно, бриллиантовый!

Подхалюзин. Уж какой жених-то, Устинья

Наумовна! Да он вас с ног до головы золотом осыплет-с, из живых соболей шубу сошьет.

Устинья Наумовна. Да, голубчик, нельзя! Рада бы я радостью, да уж я слово дала.

Подхалюзин. Ну, как угодно-с! А за этого высватаете, так беды наживете, что после и не расхлебаете.

Устинья Наумовна. Ну, ты сам рассуди, с каким я рылом покажусь к Самсону-то Силычу? Наговорила им с три короба, что и богат-то, и красавец-то, и влюблен-то так, что и жить не может: а теперь что скажу? Ведь ты сам знаешь, каково у вас чадочко Самсон-то Силыч; ведь он, не ровён час, и чепчик помнет.

Подхалюзин. Ничего не помнет-с.

Устинья Наумовна. Да и девку-то раздразнила; на дню два раза присылает: что жених да как жених?

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, не бегайте от своего счастия-с. Хотите две тысячи рублей и шубу соболью, чтобы только свадьбу эту расстроить-с? А за сватовство у нас особый уговор будет-с. Я вам говорю-с, что жених такой, что вы сроду и не видывали; только вот одно-с: происхождения не благородного.

Устинья Наумовна. А они-то разве благород-

ные? То-то и беда, яхонтовый! Нынче заведение такое пошло, что всякая тебе лапотница в дворянство норовит. Вот хоть бы и Алимпияда-то Самсоновна, конечно, дай ей бог доброго здоровья, жалует по-княжески, а происхождения-то небось хуже нашего. Отец-то, Самсон Силыч, голицами торговал на Балчуге; добрые люди Самсошкою звали, подзатыльниками кормили. Да и матушка-то Аграфена Кондратьевна чуть-чуть не панёвница — из Преображенского взята. А нажили капитал да в купцы вылезли, так и дочка в прынцесы норовит. А все это денежки. Вот я, чем хуже ее, а за ее же хвостом наблюдай. Воспитанья-то тоже не бог знает какого: пишет-то, как слон брюхом ползает, по-французскому али на фортопьянах тоже сям, тям, да и нет ничего; ну а танец-то отколоть — я и сама пыли в нос пущу.

Подхалюзин. Ну вот видите ли, за купцом-то быть ей гораздо пристойнее.

Устинья Наумовна. Да как же мне с женихом-то быть, серебряный? Я его-то уж больно уверила, что такая Алимпияда Самсоновна красавица, что настоящий тебе патрет; и образованная, говорю, и по-французскому, и на разные манеры знает. Что ж я ему теперь-то скажу?

Подхалюзин. Да вы и теперь то же ему скажи-

те, что, мол, и красавица, и образованная, и на всякие манеры, только, мол, они деньгами порасстроились, так он сам откажется!

Устинья Наумовна. А что, ведь, и правда, бралиянтовый! Да нет, постой! Как же! Ведь я ему сказала, что у Самсона Силыча денег куры не клюют.

Подхалюзин. То-то вот, прытки вы очень рассказывать-то! А почем вы знаете, сколько у Самсона Силыча денег-то, нешто вы считали?

Устинья Наумовна. Да уж это, кого ни спроси, всякий знает, что Самсон Силыч купец богатейший.

Подхалюзин. Да! Много вы знаете! А что после того будет, как высватаете значительного человека, а Самсон Силыч денег-то не даст? А он после всего этого вступится да скажет: я, дескать, не купец, что меня можно приданым обманывать! Да еще, как значительный-то человек, подаст жалобу в суд, потому что значительному человеку везде ход есть-с: мы-то с Самсоном Силычем попались, да и вам-то не уйти. Ведь вы сами знаете: можно обмануть приданым нашего брата — с рук сойдет, а значительного человека обмани-ко поди, так после и не уйдешь.

Устинья Наумовна. Уж полно тебе пугать-то

меня! Сбил с толку совсем.

Подхалюзин. А вы вот возьмите задаточку сто серебра, да и по рукам-с.

Устинья Наумовна. Так ты, яхонтовый, говоришь, что две тысячи рублей да шубу соболью?

Подхалюзин. Точно так-с. Уж будьте покойны! А надемши шубу-то соболью, Устинья Наумовна, да по гулянью пройдетесь: другой подумает, генеральша какая.

Устинья Наумовна. А что ты думаешь, да и в самом деле! Как надену соболью шубу-то, поприбодрюсь, да руки-то в боки, так ваша братья, бородастые, рты разинете. Разахаются так, что пожарной трубой не зальешь; жены-то с ревности вам все носы пообборвут.

Подхалюзин. Это точно-с!

Устинья Наумовна. Давай задаток! Была не была!

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, вольным духом, не робейте!

Устинья Наумовна. Чего робеть-то? Только смотри: две тысячи рублей да соболью шубу.

Подхалюзин. Говорю вам, из живых сошьем. Уж что толковать!

Устинья Наумовна. Ну прощай, изумрудный! Побегу теперь к жениху. Завтра увидимся, так я

тебе все отлепартую.

Подхалюзин. Погодите! Куда бежать-то! Зайдите ко мне — водочки выпьем-с. Тишка! Тишка!

Входит ***Тишка****.*

Ты смотри, коли хозяин приедет, так ты в те поры прибеги за мной.

Уходят.

Явление восьмое

Тишка *(садится к столу и вынимает из кармана деньги).* Полтина серебром — это нынче Лазарь дал. Да намедни, как с колокольни упал, Аграфена Кондратьевна гривенник дали, да четвертак в орлянку выиграл, да третёвось хозяин забыл на прилавке целковый. Эвось, что денег-то! *(Считает про себя.)*

Голос ***Фоминишны*** *за сценой: «Тишка, а Тишка! Долго ль мне кричать-то?»*

Что там еще?

«Дома, что ли-ча, Лазарь?»

Был, да весь вышел!

«Да куда ж он делся-то?»

А я почем знаю; нешто он у меня спрашивается! Вот кабы спрашивался — я бы знал.

Фоминишна *сходит с лестницы.*

Фоминишна. Да ведь Самсон Силыч приехал, да, никак, хмельной.

Тишка. Фю! попались!

Фоминишна. Беги, Тишка, за Лазарем! голубчик, беги скорей!

Тишка бежит.

Аграфена Кондратьевна *(показывается на лестнице)*. Что, Фоминишна, матушка, куда он идет-то?

Фоминишна. Да никак, матушка, сюда! Ох, запру я двери-то, ей-богу, запру; пускай его кверху идет, а ты уж, голубушка, здесь посиди.

Стук в двери, и голос Самсона Силыча: «Эй, отоприте! кто там?» Аграфена Кондратьевна скрывается.

Поди, батюшка, поди усни, Христос с тобой!

Большов *(за дверями)*. Да что ты, старая карга, с ума, что ли, сошла?

Фоминишна. Ах, голубчик ты мой. Ах я, мымра слепая! А ведь покажись мне сдуру-то, что ты хмельной приехал. Уж извини меня, глуха стала на старости лет.

Самсон Силыч *входит.*

Явление девятое

Фоминишна *и* ***Большов****.*

Большов. Стряпчий был?

Фоминишна. А стряпали, батюшка, щи с солониной, гусь жареный, драчёна.

Большов. Да ты белены, что ль, объелась, старая дура!

Фоминишна. Нет, батюшка! Сама кухарке наказывала.

Большов. Пошла вон! *(Садится.)*

Фоминишна идет к двери. ***Подхалюзин*** *и* ***Тишка*** *входят.*

Фоминишна *(возвращаясь)*. Ах я дура, дура! Уж не взыщи на плохой памяти. Холодной-то поросенок совсем из ума выскочил.

Явление десятое

Подхалюзин, ***Большов*** *и* ***Тишка****.*

Большов. Убирайся к свиньям!

Фоминишна уходит.

(К Тишке.) Что ты рот-то разинул! Аль тебе дела нет?

Подхалюзин *(к Тишке)*. Говорили тебе, кажется!

Тишка *уходит.*

Большов. Стряпчий был?

Подхалюзин. Был-с!

Большов. Говорил ты с ним?

Подхалюзин. Да что, Самсон Силыч, разве он чувствует? Известно, чернильная душа-с! Одно ладит — объявиться несостоятельным.

Большов. Что ж, объявиться так объявиться — один конец.

Подхалюзин. Ах, Самсон Силыч, что это вы изволите говорить!

Большов. Что ж, деньги заплатить! Да с чего же ты это взял? Да я лучше всё огнем сожгу, а уж им ни копейки не дам. Перевози товар, продавай векселя; пусть тащут, воруют, кто хочет, а уж я им не плательщик.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, заведение было у нас такое превосходное, и теперь должно все в расстройство прийти.

Большов. А тебе что за дело? Не твое дело. Ты старайся только, от меня забыт не будешь.

Подхалюзин. Не нуждаюсь я ни в чем после вашего благодеяния. И напрасно вы такой сюжет обо мне имеете. Я теперича готов всю душу от-

дать за вас, а не то чтобы какой фальш сделать. Вы подвигаетесь к старости, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, и в таких годах; надобно и об ней заботливость приложить-с. А теперь такие обстоятельства — мало ли что может произойти из всего этого.

Большов. А что такое произойти может? Я один в ответе.

Подхалюзин. Что об вас-то толковать! Вы, Самсон Силыч, отжили свой век, слава богу, пожили; а Алимпияда-то Самсоновна, известное дело, барышня, каких в свете нет. Я вам, Самсон Силыч, по совести говорю, то есть как это все по моим чувствам: если я теперича стараюсь для вас и все мои усердия, можно сказать, не жалея потакрови, прилагаю — так это все больше по тому самому, что жаль мне вашего семейства.

Большов. Полно, так ли?

Подхалюзин. Позвольте-с! Ну, положим, что это все благополучно кончится-с, хорошо-с; останется у вас чем пристроить Алимпияду Самсоновну. Ну, об этом и толковать нечего-с; были бы деньги, а женихи найдутся-с. Ну, а грех какой, сохрани господи! как придерутся, да начнут по судам таскать, да на все семейство эдакая

мораль пойдет, а еще, пожалуй, и имение-то все отнимут: должны будут они-с голод и холод терпеть и без всякого призрения, как птенцы какие беззащитные. Да это сохрани господи! это что ж будет тогда? *(Плачет.)*

Большов. Да об чем же ты плачешь-то?

Подхалюзин. Конечно, Самсон Силыч, я это к примеру говорю — в добрый час молвить, в худой промолчать, от слова не станется; а ведь враг-то силен — горами шатает.

Большов. Что ж делать-то, братец, уж, знать, такая воля божия, против ее не пойдешь.

Подхалюзин. Это точно, Самсон Силыч! А все-таки, по моему глупому рассуждению, пристроить бы до поры до времени Алимпияду Самсоновну за хорошего человека; так уж тогда будет она, по крайности, как за каменной стеной-с. Да главное, чтобы была душа у человека, так он будет чувствовать. А то вон, что сватался за Алимпияду Самсоновну благородный-то — и оглобли назад поворотил.

Большов. Как назад? Да с чего это ты выдумал?

Подхалюзин. Я, Самсон Силыч, не выдумал; вы спросите Устинью Наумовну. Должно быть, что-нибудь прослышал, кто его знает.

Большов. А ну его! По моим делам теперь не та-

кого нужно.

Подхалюзин. Вы, Самсон Силыч, возьмите в рассуждение. Я посторонний человек, не родной, а для вашего благополучия ни дня ни ночи себе покою не знаю, да и сердце-то у меня все изныло; а за него отдают барышню, можно сказать, красоту неописанную; да и денег еще дают-с, а он ломается да важничает, ну есть ли в нем душа после всего этого?

Большов. Ну, а не хочет, так и не надо, не заплачем!

Подхалюзин. Нет, вы, Самсон Силыч, рассудите об этом: есть ли душа у человека? Я вот посторонний совсем, да не могу же без слез видеть всего этого. Поймите вы это, Самсон Силыч! Другой бы и внимания не взял так убиваться из-за чужого дела-с; а ведь меня теперь вы хоть гоните, хоть бейте, а я уж вас не оставлю; потому не могу — сердце у меня не такое.

Большов. Да как же тебе оставить-то меня! Ведь только и надежды-то теперь, что ты. Сам я стар, дела подошли тесные. Погоди: может, еще такое дело сделаем, что ты и не ожидаешь.

Подхалюзин. Да не могу же я этого сделать, Самсон Силыч! Поймите вы из этого; не такой я совсем человек! Другому, Самсон Силыч, конеч-

но, это все равно-с, ему хоть трава не расти, а уж я не могу-с; сами изволите видеть-с, хлопочу я али нет-с. Как черт какой, убиваюсь я теперича из-за вашего дела-с; потому что не такой я человек-с. Жалеючи вас это делается, и не столько вас, сколько семейство ваше. Сами изволите знать, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет-с…

Большов. Неужто и в свете нет? Уж ты, брат, не того ли.

Подхалюзин. Чего-с?.. Нет, я ничего-с…

Большов. То-то, брат, ты уж лучше откровенно говори. Влюблен ты, что ли, в Алимпияду Самсоновну?

Подхалюзин. Вы, Самсон Силыч, может, шутить изволите.

Большов. Что за шутка! Я тебя без шуток спрашиваю.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, смею ли я это подумать-с.

Большов. А что ж бы такое не сметь-то? Что она, княжна, что ли, какая?

Подхалюзин. Хотя и не княжна; да как бымши вы моим благодетелем и вместо отца родного… Да нет, Самсон Силыч, помилуйте, как же это

можно-с, неужли же я этого не чувствую!

Большов. Так ты, стало быть, ее не любишь?

Подхалюзин. Как же не любить-с, помилуйте, кажется, больше всего на свете. Да нет-с, Самсон Силыч, как же это можно-с.

Большов. Так ты бы так и говорил, что люблю, мол, больше всего на свете.

Подхалюзин. Да как же не любить-с! Сами извольте рассудить: день думаю, ночь думаю... то бишь, известное дело, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет... Да нет, этого нельзя-с. Где же нам-с!..

Большов. Да чего же нельзя-то, дура-голова?

Подхалюзин. Да как же можно, Самсон Силыч? Как знамши я вас, как отца родного, и Алимпияду Самсоновну-с, и опять знамши себя, что я такое значу, — где же мне с суконным-то рылом-с?

Большов. Ничего не суконное. Рыло как рыло. Был бы ум в голове, а тебе ума-то не занимать стать, этим добром бог наградил. Так что же, Лазарь, посватать тебе Алимпияду-то Самсоновну, а?

Подхалюзин. Да помилуйте, смею ли я? Алимпияда-то Самсоновна, может быть, на меня и глядеть-то не захотят-с!

Большов. Важное дело! Не плясать же мне

по ее дудочке на старости лет. За кого велю, за того и пойдет. Мое детище: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю. Ты со мной-то толкуй.

Подхалюзин. Не смею я, Самсон Силыч, об этом с вами говорить-с. Не хочу быть подлецом против вас.

Большов. Экой ты, братец, глупый! Кабы я тебя не любил, нешто бы я так с тобой разговаривал? Понимаешь ли ты, что я могу на всю жизнь тебя счастливым сделать!

Подхалюзин. А нешто я вас не люблю, Самсон Силыч, больше отца родного? Да накажи меня бог!.. Да что я за скотина!

Большов. Ну, а дочь любишь?

Подхалюзин. Изныл весь-с! Вся душа-то у меня перевернулась давно-с!

Большов. Ну, а коли душа перевернулась, так мы тебя поправим. Владей, Фаддей, нашей Маланьей.

Подхалюзин. Тятенька, за что жалуете? Не стою я этого, не стою! И физиономия у меня совсем не такая.

Большов. Ну ее, физиономию! А вот я на тебя все имение переведу; так после кредиторы-то и пожалеют, что по двадцати пяти копеек не взяли.

Подхалюзин. Еще как пожалеют-то-с!

Большов. Ну, ты ступай теперь в город, а уж-отко заходи к невесте: мы над ними шутку подшутим.

Подхалюзин. Слушаю, тятенька-с!

Уходит.

Действие третье

Гостиная в доме Большова.

Явление первое

Большов *(входит и садится на кресло; несколько времени смотрит по углам и зевает)*. Вот она, жизнь-то; истинно сказано: суета сует и всяческая суета. Черт знает, и сам не разберешь, чего хочется. Вот бы и закусил что-нибудь, да обед испортишь; а и так-то сидеть одурь возьмет. Али чайком бы, что ль, побаловать. *(Молчание.)* Вот так-то и всё: жил, жил человек, да вдруг и помер — так все прахом и пойдет. Ох, господи, господи! *(Зевает и смотрит по углам.)*

Явление второе

Аграфена Кондратьевна *и* ***Липочка*** *(разряженная).*

Аграфена Кондратьевна. Ступай, ступай, моя крошечка; дверь-то побережнее, не зацепи. Посмотри-ко, Самсон Силыч, полюбуйся, сударь

ты мой, как я дочку-то вырядила! Фу ты, прочь поди! Что твой розан пионовый! *(К ней.)* Ах ты, моя ангелика, царевна, херуимчик ты мой! *(К нему.)* Что, Самсон Силыч, правда, что ли? Только бы ей в карете ездить шестерней.

Большов. Проедет и парочкой, не великого полета помещица!

Аграфена Кондратьевна. Уж известно, не енаральская дочь, а всё, как есть красавица!.. Да приголубь ребенка-то, что как медведь бурчишь!

Большов. А как мне еще приголублівать-то? Ручки, что ль, лизать, в ножки кланяться? Во какая невидаль! Видали мы и понаряднее.

Аграфена Кондратьевна. Да ты что видал-то? Так что-нибудь. А ведь это дочь твоя, дитя кровная, каменный ты человек!

Большов. Что ж что дочь? Слава богу, обута, одета, накормлена; чего ей еще хочется?

Аграфена Кондратьевна. Чего хочется! Да ты, Самсон Силыч, очумел, что ли? Накормлена! Мало ли что накормлена! По христианскому закону всякого накормить следствует; и чужих призирают, не токмо что своих, — а ведь это и в люди сказать грех как ни на есть: родная детища!

Большов. Знаем, что родная, да чего ж ей еще? Что ты мне притчи эти растолковываешь? Не в

рамку же ее вделать! Понимаем, что отец.

Аграфена Кондратьевна. Да коли уж ты, батюшка, отец, так не будь свекором! Пора, кажется, в чувство прийти: расставаться скоро приходится, а ты и доброго слова не вымолвишь; должен бы на пользу посоветовать что-нибудь такое житейское. Нет в тебе никакого обычаю родительского!

Большов. А нет, так что ж за беда; стало быть, так бог создал.

Аграфена Кондратьевна. Бог создал! Да сам-то ты что? Ведь и она, кажется, создания божеская али нет? Не животная какая-нибудь, прости господи!.. Да спроси у нее что-нибудь.

Большов. А что я за спрос? Гусь свинье не товарищ: как хотите, так и делайте.

Аграфена Кондратьевна. Да на деле-то уж не спросим, — ты покедова-то вот. Человек приедет чужой-посторонний, все-таки, как хочешь примеривай, а мужчина — не женщина, — в первый-то раз наедет, не видамши-то его.

Большов. Сказано, что отстань!

Аграфена Кондратьевна. Отец ты эдакой, а еще родной называешься! Ах ты, дитятко моя заброшенная, стоишь, словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступились

от тебя, да и знать не хотят. Присядь, Липочка, присядь, душечка, ненаглядная моя сокровища! *(Усаживает.)*

Липочка. Ах, отстаньте, маменька! измяли совсем.

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я на тебя издальки посмотрю!

Липочка. Пожалуй, смотрите, да только не фантазируйте! Фи, маменька, нельзя одеться порядочно: вы тотчас расчувствуетесь.

Аграфена Кондратьевна. Так, так, дитятко! да как взгляну-то на тебя, так ведь эта жалости подобно.

Липочка. Что ж, надо ведь когда-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Все-таки жалко, дурочка: растили, растили, да и вырастили — да ни с того ни с сего в чужие люди отдаем, словно ты надоела нам да наскучила глупым малым ребячеством, своим кротким поведением. Вот выживем тебя из дому, словно ворога из города, а там схватимся да спохватимся, да и негде взять. Посудите, люди добрые, каково жить в чужой-дальней стороне, чужим куском давишься, кулаком слезы утираючи! Да, помилуй бог, неровнюшка выйдется, не ровен дурак навяжется аль дурак какой — дурацкий сын! *(Плачет.)*

Липочка. Вот вы вдруг и расплакались! Право, как не стыдно, маменька! Что там за дурак?

Аграфена Кондратьевна *(плача)*. Да уж это так говорится — к слову пришлось.

Большов. А об чем бы ты это, слышно, разрюмилась? Вот спросить тебя, так и сама не знаешь.

Аграфена Кондратьевна. Не знаю, батюшка, ох, не знаю: такой стих нашел.

Большов. То-то вот сдуру. Слезы у вас дешевы.

Аграфена Кондратьевна. Ох, дешевы, батюшка, дешевы! и сама знаю, что дешевы, да что ж делать-то?

Липочка. Фи, маменька, как вы вдруг! Полноте! Ну, вдруг приедет — что хорошего!

Аграфена Кондратьевна. Перестану, дитятко, перестану; сейчас перестану!

Явление третье

Те же и ***Устинья Наумовна***.

Устинья Наумовна *(входя)*. Здравствуйте, золотые! Что вы невеселы, носы повесили? *(Целуются.)*

Аграфена Кондратьевна. А уж мы заждались тебя.

Липочка. Что, Устинья Наумовна, скоро при-

едет?

Устинья Наумовна. Виновата, сейчас провалиться, виновата! А дела-то наши, серебряные, не очень хороши!

Липочка. Как? что такое за новости?

Аграфена Кондратьевна. Что ты еще там выдумала?

Устинья Наумовна. А то, бралиянтовые, что жених-то наш что-то мнется.

Большов. Ха, ха, ха! А еще сваха! Где тебе сосватать!

Устинья Наумовна. Уперся, как лошадь, — ни тпру ни ну; слова от него не добьешься путного.

Липочка. Да что ж это, Устинья Наумовна? Да как же это ты, право!

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшки! Да как же это быть-то?

Липочка. Да давно ль ты его видела?

Устинья Наумовна. Нынче утром была. Вышел как есть в одном шлафорке, а уж употчевал — можно чести приписать. И кофию велел, и ромку-то, а уж сухарей навалил — видимо-невидимо. Кушайте, говорит, Устинья Наумовна! Я было об деле-то, знаешь ли, — надо, мол, чем-нибудь порешить; ты, говорю, нынче хотел ехать об-

знакомиться-то: а он мне на это ничего путного не сказал. Вот, говорит, подумамши да посоветамшись, а сам только что опояску поддергивает.

Липочка. Что ж он там спустя рукава-то сантиментальничает. Право, уж тошно смотреть, как все это продолжается.

Аграфена Кондратьевна. И в самом деле, что он ломается-то? Мы разве хуже его?

Устинья Наумовна. А, лягушка его заклюй, нешто мы другого не найдем?

Большов. Ну, уж ты другого-то не ищи, а то опять то же будет. Уж другого-то я вам сам найду.

Аграфена Кондратьевна. Да, найдешь, на печи-то сидя; ты уж и забыл, кажется, что у тебя дочь-то есть.

Большов. А вот увидим!

Аграфена Кондратьевна. Что увидать-то! Увидать-то нечего! Уж не говори ты мне, пожалуйста, не расстроивай ты меня. *(Садится.)*

Большов хохочет. Устинья Наумовна отходит с Липочкой на другую сторону сцены. Устинья Наумовна рассматривает ее платье.

Устинья Наумовна. Ишь ты, как вырядилась, — платьице-то на тебе какое авантажное. Уж не сама ль смастерила?

Липочка. Вот ужасно нужно самой! Что мы, нищие, что ли, по-твоему? А мадамы-то на что?

Устинья Наумовна. Фу ты, уж и нищие! Кто тебе говорит такие глупости? Тут рассуждают об хозяйстве, что не сама ль, дескать, шила, — а то, известное дело, и платье-то твое дрянь.

Липочка. Что ты, что ты! Никак с ума сошла? Где у тебя глаза-то? С чего это ты конфузить вздумала?

Устинья Наумовна. Что это ты так разъерепенилась?

Липочка. Вот оказия! Стану я терпеть такую напраслину. Да что я, девчонка, что ли, какая необразованная!

Устинья Наумовна. С чего это ты взяла? Откуда нашел на тебя эдакой каприз? Разве я хулю твое платье? Чем не платье — и всякий скажет, что платье. Да тебе-то оно не годится; по красоте-то твоей совсем не такое надобно, — исчезни душа, коли лгу. Для тебя золотого мало: подавай нам шитое жемчугом. Вот и улыбнулась, изумрудная! Я ведь знаю, что говорю!

Тишка *(входит)*. Сысой Псович приказали спросить, можно ли, дескать, взойти. Они тамотка, у Лазаря Елизарыча.

Большов. Пошел, зови его сюда и с Лазарем.

Тишка уходит.

Аграфена Кондратьевна. Что ж, недаром же закуска-то приготовлена — вот и закусим. А уж тебе, чай, Устинья Наумовна, давно водочки хочется?

Устинья Наумовна. Известное дело — адмиральский час — самое настоящее время.

Аграфена Кондратьевна. Ну, Самсон Силыч, трогайся с места-то, что так-то сидеть.

Большов. Погоди, вот те подойдут, еще успеешь.

Липочка. Я, маменька, пойду разденусь.

Аграфена Кондратьевна. Поди, дитятко, поди.

Большов. Погоди раздеваться-то — жених приедет.

Аграфена Кондратьевна. Какой там еще жених, — полно дурачиться-то!

Большов. Погоди, Липа, жених приедет.

Липочка. Кто же это, тятенька? Знаю я его или нет?

Большов. А вот увидишь, так, может, и узнаешь.

Аграфена Кондратьевна. Что ты его слушаешь, какой там еще шут приедет! Так, язык чешет.

Большов. Говорят тебе, что приедет, так уж я, стало быть, знаю, что говорю.

Аграфена Кондратьевна. Коли кто в самом деле приедет, так уж ты бы путем говорил, а то приедет, приедет, а бог знает, кто приедет. Вот всегда так.

Липочка. Ну, так я, маменька, останусь. *(Подходит к зеркалу и смотрится; потом к отцу.)* Тятенька!

Большов. Что тебе?

Липочка. Стыдно сказать, тятенька!

Аграфена Кондратьевна. Что за стыд, дурочка! Говори, коли что нужно.

Устинья Наумовна. Стыд не дым — глаза не выест.

Липочка. Нет, ей-богу, стыдно!

Большов. Ну, закройся, коли стыдно.

Аграфена Кондратьевна. Шляпку, что ли, новую хочется?

Липочка. Вот и не угадали, вовсе не шляпку.

Большов. Так чего ж тебе?

Липочка. Выйти замуж за военного!

Большов. Эк ведь что вывезла!

Аграфена Кондратьевна. Акстись, беспутная! Христос с тобой!

Липочка. Что ж, ведь другие выходят же.

Большов. Ну и пускай их выходят, а ты сиди у моря да жди погодки.

Аграфена Кондратьевна. Да ты у меня и заикаться не смей! Я тебе и родительского благословенья не дам.

Явление четвертое

Те же, ***Лазарь****,* ***Рисположенский*** *и* ***Фоминишна*** *(у дверей).*

Рисположенский. Здравствуйте, батюшка Самсон Силыч! Здравствуйте, матушка Аграфена Кондратьевна! Олимпиада Самсоновна, здравствуйте!

Большов. Здравствуй, братец, здравствуй! Садиться милости просим! Садись и ты, Лазарь!

Аграфена Кондратьевна. Закусить не угодно ли? А у меня закусочка приготовлена.

Рисположенский. Отчего ж, матушка, не закусить; я бы теперь рюмочку выпил.

Большов. А вот сейчас пойдем все вместе, а теперь пока побеседуем маненько.

Устинья Наумовна. Отчего ж и не побеседовать! Вот, золотые мои, слышала я, будто в газете напечатано, правда ли, нет ли, что другой Бонапарт народился, и будто бы, золотые мои…

Большов. Бонапарт Бонапартом, а мы пуще всего надеемся на милосердие божие; да не об

этом теперь речь.

Устинья Наумовна. Так об чем же, яхонтовый?

Большов. А о том, что лета наши подвигаются преклонные, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и один создатель только ведает, что будет вперед: то и положили мы, еще при жизни своей, отдать в замужество единственную дочь нашу, и в рассуждении приданого тоже можем надеяться, что она не острамит нашего капитала и происхождения, а равномерно и перед другими прочими.

Устинья Наумовна. Ишь ведь как сладко рассказывает, бралиянтовый.

Большов. А так как теперь дочь наша здесь налицо, и при всем том, будучи уверены в честном поведении и достаточности нашего будущего зятя, что для нас оченно чувствительно, в рассуждении божеского благословения, то и назначаем его теперича в общем лицезрении. Липа, поди сюда.

Липочка. Что вам, тятенька, угодно?

Большов. Поди ко мне, не укушу небось. Ну, теперь ты, Лазарь, ползи.

Подхалюзин. Давно готов-с!

Большов. Ну, Липа, давай руку!

Липочка. Как, что это за вздор? С чего это вы

выдумали?

Большов. Хуже, как силой возьму!

Устинья Наумовна. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Аграфена Кондратьевна. Господи, да что ж это такое?

Липочка. Не хочу, не хочу! Не пойду я за такого противного!

Фоминишна. С нами крестная сила!

Подхалюзин. Видно, тятенька, не видать мне счастия на этом свете! Видно, не бывать-с по вашему желанию!

Большов *(берет Липочку насильно за руку и Лазаря)*. Как же не бывать, коли я того хочу? На что ж я и отец, коли не приказывать? Даром, что ли, я ее кормил?

Аграфена Кондратьевна. Что ты! что ты! опомнись!

Большов. Знай, сверчок, свой шесток! Не твое дело! Ну, Липа! Вот тебе жених! Прошу любить да жаловать! Садитесь рядком да потолкуйте ладком, а там честным пирком да за свадебку.

Липочка. Как же, нужно мне очень с неучем сидеть! Вот оказия!

Большов. А не сядешь, так насильно посажу да заставлю жеманиться.

Липочка. Где это видано, чтобы воспитанные барышни выходили за своих работников?

Большов. Молчи лучше! Велю, так и за дворника выдешь. *(Молчание.)*

Устинья Наумовна. Вразуми, Аграфена Кондратьевна, что это за беда такая!

Аграфена Кондратьевна. Сама, родная, затмилась, ровно чулан какой. И понять не могу, откуда это такое взялось?

Фоминишна. Господи! Семой десяток живу, сколько свадеб праздновала, а такой скверности не видывала.

Аграфена Кондратьевна. За что ж вы это, душегубцы, девку-то опозорили?

Большов. Да, очень мне нужно слушать вашу фанаберию. Захотел выдать дочь за приказчика, и поставлю на своем, и разговаривать не смей; я и знать ничего не хочу. Вот теперь закусить пойдемте, а они пусть побалясничают, может быть, и поладят как-нибудь.

Рисположенский. Пойдемте, Самсон Силыч, и я с вами для компании рюмочку выпью. А уж это, Аграфена Кондратьевна, первый долг, чтоб дети слушались родителей. Это не нами заведено, не нами и кончится.

Встают и уходят все, кроме Липочки, Подхалю-

зина и Аграфены Кондратьевны.

Липочка. Да что же это, маменька, такое? Что я им, кухарка, что ли, досталась? *(Плачет.)*

Подхалюзин. Маменька-с! Вам зятя такого, который бы вас уважал и, значит, старость вашу покоил, — окромя меня, не найтить-с.

Аграфена Кондратьевна. Да как же это ты, батюшка?

Подхалюзин. Маменька-с! В меня бог вложил такое намерение, по тому самому-с, что другой вас, маменька-с, и знать не хочет, а я по гроб моей жизни *(плачет)* должен чувствовать-с.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшки! Да как же это быть?

Большов *(из двери)*. Жена, поди сюда!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшка, сейчас!

Подхалюзин. Вы, маменька, вспомните это слово, что я сейчас сказал.

Аграфена Кондратьевна уходит.

Явление пятое

Липочка *и* ***Подхалюзин****.*

Молчание.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна-с! Алим-

пияда Самсоновна! Но, кажется, вы мною гнушаетесь? Скажите хоть одно слово-с! Позвольте вашу ручку поцеловать.

Липочка. Вы дурак необразованный!

Подхалюзин. За что вы, Алимпияда Самсоновна, обижать изволите-с?

Липочка. Я вам один раз навсегда скажу, что не пойду я за вас, — не пойду.

Подхалюзин. Это как вам будет угодно-с! Насильно мил не будешь. Только я вам вот что доложу-с…

Липочка. Я вас слушать не хочу, отстаньте от меня! Как бы вы были учтивый кавалер: вы видите, что я ни за какие сокровища не хочу за вас идти — вы бы должны отказаться.

Подхалюзин. Вот вы, Алимпияда Самсоновна, изволите говорить — отказаться. Только если я откажусь, что потом будет-с?

Липочка. А то и будет, что я выйду за благородного.

Подхалюзин. За благородного-с! Благородный-то без приданого не возьмет.

Липочка. Как без приданого? Что вы городите-то! Посмотрите-ко, какое у меня приданое-то — в нос бросится.

Подхалюзин. Тряпки-то-с! Благородный тря-

пок-то не возьмет. Благородному-то деньги нужны-с.

Липочка. Что ж! Тятенька и денег даст!

Подхалюзин. Хорошо, как даст-с! А как дать-то нечего? Вы дел-то тятенькиных не знаете, а я их оченно хорошо знаю: тятенька-то ваш банкрут-с.

Липочка. Как банкрут? А дом-то, а лавки?

Подхалюзин. А дом-то и лавки — мои-с!

Липочка. Ваши?! Подите вы! Что вы меня дурачить хотите? глупее себя нашли!

Подхалюзин. А вот у нас законные документы есть! *(Вынимает.)*

Липочка. Так вы купили у тятеньки?

Подхалюзин. Купил-с!

Липочка. Где же вы денег взяли?

Подхалюзин. Денег! У нас, слава богу, денег-то побольше, чем у какого благородного.

Липочка. Что ж это такое со мной делают? Воспитывали, воспитывали, потом и обанкрутились! *(Молчание.)*

Подхалюзин. Ну, положим, Алимпияда Самсоновна, что вы выйдете и за благородного — да что ж в этом будет толку-с? Только одна слава что барыня, а приятности никакой нет-с. Вы изволите рассудить-с: барыни-то часто сами на рынок пешком ходят-с. А если и выедут-то куда, так

только слава, что четверня-то, а хуже одной-с купеческой-то. Ей-богу, хуже-с! Одеваются тоже не больно пышно-с. А если за меня-то вы, Алимпияда Самсоновна, выйдете-с — так первое слово: вы и дома-то будете в шелковых платьях ходить-с, а в гости али в театр-с — окромя бархатных и надевать не станем. В рассуждении шляпок или салопов — не будем смотреть на разные дворянские приличия, а наденем какую чудней! Лошадей заведем орловских. *(Молчание.)* Если вы насчет моей физиономии сумневаетесь, так это, как вам будет угодно-с: мы также и фрак наденем, и бороду обреем либо так подстрижем, по моде-с, это для нас все одно-с.

Липочка. Да вы все перед свадьбой так говорите, а там и обманете.

Подхалюзин. С места не сойти, Алимпияда Самсоновна! Анафемой хочу быть, коли лгу! Да это что-с, Алимпияда Самсоновна! Нешто мы в эдаком доме будем жить? В Каретном ряду купим-с, распишем как: на потолках это райских птиц нарисуем, сиренов, капидонов разных — поглядеть только будут деньги давать.

Липочка. Нынче уж капидонов-то не рисуют.

Подхалюзин. Ну, так мы пукетами пустим. *(Молчание.)* Было бы только с вашей стороны

согласие, а то мне в жизни ничего не надобно. *(Молчание.)* Как я несчастлив в своей жизни, что не могу никаких комплиментов говорить!

Липочка. Для чего вы, Лазарь Елизарыч, по-французски не говорите?

Подхалюзин. А для того, что нам не для чего. *(Молчание.)* Осчастливьте, Алимпияда Самсоновна, окажите эдакое благоволение-с. *(Молчание.)* Прикажите на колени стать.

Липочка. Станьте!

Подхалюзин становится.

Вот у вас какая жилетка скверная!

Подхалюзин. Эту я Тишке подарю-с, а себе на Кузнецком мосту закажу, только не погубите! *(Молчание.)* Что же, Алимпияда Самсоновна-с?

Липочка. Дайте подумать.

Подхалюзин. Да об чем же думать-с?

Липочка. Как же можно не думать?

Подхалюзин. Да вы не думамши.

Липочка. Знаете что, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Что прикажете-с!

Липочка. Увезите меня потихоньку.

Подхалюзин. Да зачем же потихоньку-с, когда так тятенька с маменькой согласны?

Липочка. Да так делают. Ну, а коли не хотите увезти — так уж, пожалуй, и так.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна! позвольте ручку поцеловать! *(Целует, потом вскакивает и подбегает к двери.)* Тятенька-с!..

Липочка. Лазарь Елизарыч, Лазарь Елизарыч! Подите сюда!

Подхалюзин. Что вам угодно-с?

Липочка. Ах, если бы вы знали, Лазарь Елизарыч, какое мне житье здесь! У маменьки семь пятниц на неделе; тятенька как не пьян, так молчит, а как пьян, так прибьет, того и гляди. Каково это терпеть образованной барышне! Вот как бы я вышла за благородного, так я бы и уехала из дому и забыла бы обо всем этом. А теперь все опять пойдет по-старому.

Подхалюзин. Нет-с, Алимпияда Самсоновна, не будет этого! Мы, Алимпияда Самсоновна, как только сыграем свадьбу, так перейдем в свой дом-с. А уж мы им-то командовать не дадим-с. Нет, уж теперь кончено-с! Будет с них — почудили на своем веку, теперь нам пора!

Липочка. Так смотрите же, Лазарь Елизарыч, мы будем жить сами по себе, а они сами по себе. Мы заведем все по моде, а они как хотят.

Подхалюзин. Уж это как и водится-с.

Липочка. Ну, теперь зовите тятеньку. *(Встает и охорашивается перед зеркалом.)*

Подхалюзин. Тятенька-с! тятенька-с! маменька-с!..

Явление шестое

Те же, ***Большов*** *и* ***Аграфена Кондратьевна****.*

Подхалюзин *(идет навстречу Самсону Силычу и бросается к нему в объятия).* Алимпияда Самсоновна согласны-с!

Аграфена Кондратьевна. Бегу, батюшки, бегу!

Большов. Ну, вот и дело! То-то же. Я знаю, что делаю; уж не вам меня учить.

Подхалюзин *(к Аграфене Кондратьевне).* Маменька-с! позвольте ручку поцеловать.

Аграфена Кондратьевна. Целуй, батюшка, обе чистые. Ах ты, дитятко, да как же это давеча-то так? а? Ей-богу! Что ж это такое? А уж я и не знала, как это дело и рассудить-то. Ах, ненаглядная ты моя!

Липочка. Я совсем, маменька, не воображала, что Лазарь Елизарыч такой учтивый кавалер! А теперь вдруг вижу, что он гораздо почтительнее других.

Аграфена Кондратьевна. Вот то-то же, дурочка! Уж отец тебе худа не пожелает. Ах ты, голубушка моя! Эка ведь притча-то! а? Ах, ма-

тушки вы мои! Что ж это такое? Фоминишна! Фоминишна!

Фоминишна. Бегу, бегу, матушка, бегу! *(Входит.)*

Большов. Постой ты, таранта! Вот вы садитесь рядом — а мы на вас посмотрим. Да подай-ко ты нам бутылочку шипучки.

Подхалюзин и Липочка садятся.

Фоминишна. Сейчас, батюшка, сейчас! *(Уходит.)*

Явление седьмое

Те же, ***Устинья Наумовна*** *и* ***Рисположенский.***

Аграфена Кондратьевна. Поздравь жениха-то с невестой, Устинья Наумовна! Вот бог привел на старости лет, дожили до радости.

Устинья Наумовна. Да чем же поздравить-то вас, изумрудные? Сухая ложка рот дерет.

Большов. А вот мы тебе горлышко промочим.

Явление восьмое

Те же, Фоминишна и Тишка (с вином на под-

носе).

Устинья Наумовна. Вот это дело другого рода. Ну, дай вам бог жить да молодеть, толстеть да богатеть. *(Пьет.)* Горько, бралиянтовые!

Липочка и Лазарь целуются.

Большов. Дай-ко я поздравлю. *(Берет бокал.)*

Липочка и Лазарь встают.

Живите, как знаете — свой разум есть. А чтоб вам жить-то было не скучно, так вот тебе, Лазарь, дом и лавки пойдут вместо приданого, да из наличного отсчитаем.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я и так вами много доволен.

Большов. Что тут миловать-то! Свое добро, сам нажил. Кому хочу — тому и даю. Наливай еще!

Тишка наливает.

Да что тут разговаривать-то. На милость суда нет. Бери все, только нас со старухой корми да кредиторам заплати копеек по десяти.

Подхалюзин. Стоит ли, тятенька, об этом говорить-с. Нешто я не чувствую? Свои люди — сочтемся!

Большов. Говорят тебе, бери все, да и кончено дело. И никто мне не указ! Заплати только кредиторам. Заплатишь?

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, первый

долг-с!

Большов. Только ты смотри — им много-то не давай. А то ты, чай, рад сдуру-то все отдать.

Подхалюзин. Да уж там, тятенька, как-нибудь сочтемся. Помилуйте, свои люди.

Большов. То-то же! Ты им больше десяти копеек не давай. Будет с них… Ну, поцелуйтеся!

Липочка и Лазарь целуются.

Аграфена Кондратьевна. Ах, голубчики вы мои! Да как же это так? Совсем вот как полоумная.

Устинья Наумовна:

Уж и где же это видано,
Уж и где же это слыхано,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросеночек яичко снес?

Наливает вина и подходит к Расположенскому; Расположенский кланяется и отказывается.

Большов. Выпей, Сысой Псоич, на радости!

Расположенский. Не могу, Самсон Силыч, — претит.

Большов. Полно ты! Выпей на радости.

Устинья Наумовна. Еще туда же, ломается!

Расположенский. Претит, Самсон Силыч! Ей-богу, претит. Вот я водочки рюмочку выпью!

А это натура не принимает. Уж такая слабая комплекция.

Устинья Наумовна. Ах ты, проволочная шея! Ишь ты — у него натура не принимает! Да давайте я ему за шиворот вылью, коли не выпьет.

Рисположенский. Неприлично, Устинья Наумовна! Даме это неприлично. Самсон Силыч! Не могу-с! Разве бы я стал отказываться! Хе, хе, хе! Да что ж я за дурак, чтобы я такое невежество сделал; видали мы людей-то, знаем, как жить; вот я от водочки никогда не откажусь, пожалуй, хоть теперь рюмочку выпью! А этого не могу — потому претит. А вы, Самсон Силыч, бесчинства не допускайте; обидеть недолго, а не хорошо.

Большов. Хорошенько его, Устинья Наумовна, хорошенько!

Рисположенский бежит от нее.

Устинья Наумовна *(ставит вино на стол)*. Врешь, купоросная душа, не уйдешь! *(Прижимает его в угол и хватает за шиворот.)*

Рисположенский. Караул!!

Все хохочут.

Действие четвертое

В доме Подхалюзина богато меблированная гостиная.

Явление первое

Олимпиада Самсоновна *сидит у окна в роскошном положении; на ней шелковая блуза, чепчик последнего фасона.* ***Подхалюзин*** *в модном сюртуке стоит перед зеркалом.* ***Тишка*** *за ним обдергивает и охорашивает.*

Тишка. Ишь ты, как оно пригнато в самый раз!

Подхалюзин. А что, Тишка, похож я на француза? а? Да издали погляди!

Тишка. Две капли воды.

Подхалюзин. То-то, дурак! Вот ты теперь и смотри на нас! *(Ходит по комнате.)* Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! А вы хотели за офицера идти-с. Чем же мы не молодцы? Вот сертучок новенький взяли да и надели.

Олимпиада Самсоновна. Да вы, Лазарь Елизарыч, танцевать не умеете.

Подхалюзин. Что ж, нешто не выучимся; еще

как выучимся-то — важнейшим манером. Зимой в Купеческое собрание будем ездить-с. Вот и знай наших-с! Польку станем танцевать.

Олимпиада Самсоновна. Уж вы, Лазарь Елизарыч, купите ту коляску-то, что смотрели у Арбатского.

Подхалюзин. Как же, Алимпияда Самсоновна-с! Надать купить, надать-с!

Олимпиада Самсоновна. А мне новую мантелью принесли, вот мы бы с вами в пятницу и поехали в Сокольники.

Подхалюзин. Как же-с, непременно поедем-с; и в парк поедем-с в воскресенье. Ведь коляска-то тысячу целковых стоит, да и лошади-то тысячу целковых и сбруя накладного серебра, — так пущай их смотрят. Тишка! трубку!

Тишка уходит.

(Садится подле Олимпиады Самсоновны.) Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! Пущай себе смотрят.

Молчание.

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, Лазарь Елизарыч, меня не поцелуете?

Подхалюзин. Как же! Помилуйте-с! С нашим удовольствием! Пожалуйте ручку-с! *(Целует. Молчание.)* Скажите, Алимпияда Самсоновна,

мне что-нибудь на французском диалекте-с.

Олимпиада Самсоновна. Да что же вам сказать?

Подхалюзин. Да что-нибудь скажите — так малость самую-с. Мне все равно-с!

Олимпиада Самсоновна. Ком ву зет жоли!

Подхалюзин. А это что такое-с?

Олимпиада Самсоновна. Как вы милы!

Подхалюзин *(вскакивает со стула)*. Вот она у нас жена-то какая-с! Ай да Алимпияда Самсоновна! Уважили! Пожалуйте ручку!

Входит ***Тишка*** *с трубкой.*

Тишка. Устинья Наумовна пришла.

Подхалюзин. Зачем ее еще черт принес!

Тишка уходит.

Явление второе

Те же и ***Устинья Наумовна****.*

Устинья Наумовна. Как живете-можете, бралиянтовые?

Подхалюзин. Вашими молитвами, Устинья Наумовна, вашими молитвами.

Устинья Наумовна *(целуясь)*. Что это ты как будто похорошела, поприпухла?

Олимпиада Самсоновна. Ах, какой ты вздор

городишь, Устинья Наумовна! Ну с чего это ты взяла?

Устинья Наумовна. Что за вздор, золотая; уж к тому дело идет. Рада не рада — нечего делать!.. Люби кататься, люби и саночки возить!.. Что ж это вы меня позабыли совсем, бралиянтовые? Али еще осмотреться не успели? Все, чай, друг на друга любуетесь да миндальничаете.

Подхалюзин. Есть тот грех, Устинья Наумовна, есть тот грех!

Устинья Наумовна. То-то же: какую я тебе сударушку подсдобила!

Подхалюзин. Много довольны, Устинья Наумовна, много довольны.

Устинья Наумовна. Еще б не доволен, золотой! Чего ж тебе! Вы теперь, чай, все об нарядах хлопочете. Много еще модного-то напроказила?

Олимпиада Самсоновна. Не так чтобы много. Да и то больше оттого, что новые материи вышли.

Устинья Наумовна. Известное дело, жемчужная, нельзя ж комиссару без штанов: хоть худенькие, да голубенькие. А каких же больше настряпала — шерстяных али шелковых?

Олимпиада Самсоновна. Разных — и шерстяных и шелковых; да вот недавно креповое

с золотом сшила.

Устинья Наумовна. Сколько ж всего-то-навсего у тебя, изумрудная?

Олимпиада Самсоновна. А вот считай: подвенечное блондовое на атласном чахле да три бархатных — это будет четыре; два газовых да креповое, шитое золотом, — это семь; три атласных да три грогроновых — это тринадцать; гроденаплевых да гродафриковых семь — это двадцать; три марселиновых, два муслинделиновых, два шинероялевых — много ли это? — три да четыре семь, да двадцать — двадцать семь; крепрашелевых четыре — это тридцать одно. Ну там еще кисейных, буфмуслиновых да ситцевых штук до двадцати; да там блуз да капотов — не то девять, не то десять. Да вот недавно из персидской материи сшила.

Устинья Наумовна. Ишь ты, бог с тобой, сколько нагородила! А ты поди-ко выбери мне какое пошире из гродафриковых.

Олимпиада Самсоновна. Гродафрикового не дам, у самой только три; да оно и не сойдется на твою талию; пожалуй, коли хочешь, возьми крепрашелевое.

Устинья Наумовна. На какого мне жида трепрашельчатое-то! Ну, уж, видно, нечего с тобой

делать, помирюсь и на атласном, так и быть.

Олимпиада Самсоновна. Ну и атласные тоже — как-то не того, сшиты по-бальному, открыто очень — понимаешь? А из крепрашелевых сыщем капот, распустим складочки, и будет в самую припорцию.

Устинья Наумовна. Ну, давай трепрашельчатое! Твое взяло, бралиянтовая! Поди отпирай шкап.

Олимпиада Самсоновна. Я сейчас, подожди немножко!

Устинья Наумовна. Подожду, золотая, подожду. Вот еще мне с супругом твоим поговорить надо.

Олимпиада Самсоновна уходит.

Что же это ты, бралиянтовый, никак забыл совсем свое обещание?

Подхалюзин. Как можно забыть-с, помним! *(Вынимает бумажник и дает ей ассигнацию.)*

Устинья Наумовна. Что ж это такое, алмазный?

Подхалюзин. Сто целковых-с!

Устинья Наумовна. Как так сто целковых? Да ты мне полторы тысячи обещал!

Подхалюзин. Что-о-с?

Устинья Наумовна. Ты мне полторы тысячи обещал!

Подхалюзин. Не жирно ли будет, неравно облопаетесь?

Устинья Наумовна. Что ж ты, курицын сын, шутить, что ли, со мной вздумал? Я, брат, и сама дама разухабистая.

Подхалюзин. Да за что вам деньги-то давать? Диви бы за дело за какое!

Устинья Наумовна. За дело ли, за безделье ли, а давай, — ты сам обещал!

Подхалюзин. Мало ли что я обещал! Я обещал с Ивана Великого прыгнуть, коли женюсь на Алимпияде Самсоновне, — так и прыгать?

Устинья Наумовна. Что ж ты думаешь, я на тебя суда не найду? Велика важность, что ты купец второй гильдии, я сама на четырнадцатом классе сижу, какая ни на есть, все-таки чиновница.

Подхалюзин. Да хоть бы генеральша — мне все равно; я вас и знать-то не хочу, — вот и весь разговор.

Устинья Наумовна. Ан врешь — не весь: ты мне еще соболий салоп обещал.

Подхалюзин. Чего-с?

Устинья Наумовна. Соболий салоп! Что ты, оглох, что ли?

Подхалюзин. Соболий-с! Хе, хе, хе…

Устинья Наумовна. Да, соболий! Что ты сме-

ешься-то, что горло-то пялишь!

Подхалюзин. Еще рылом не вышли-с в собольих-то салопах ходить!

Олимпиада Самсоновна *выносит платье и отдает Устинье Наумовне.*

Явление третье

Те же и ***Олимпиада Самсоновна****.*

Устинья Наумовна *(вырывает из рук, с сердцем)*. Что ж это вы в самом деле — ограбить меня, что ли, хотите?

Подхалюзин. Что за грабеж, а ступайте с богом, вот и все тут.

Устинья Наумовна. Уж ты гнать меня стал; да и я-то, дура бестолковая, связалась с вами, — сейчас видно: мещанская-то кровь!

Подхалюзин. Так-с! Скажите, пожалуйста!

Устинья Наумовна. А коли так, я и смотреть на вас не хочу! Ни за какие сокровища и водиться-то с вами не соглашусь! Кругом обегу тридцать верст, а мимо вас не пойду! Скорей зажмурюсь да на лошадь наткнусь, чем стану глядеть на ваше логовище! Плюнуть захочется, и то в эту улицу не заверну! Лопнуть на десять частей, коли лгу! Провалиться в тартарары, коли меня здесь

увидите!

Подхалюзин. Да вы, тетенька, легонько! а то мы и за квартальным пошлем.

Устинья Наумовна. Уж я вас, золотые, распечатаю: будете знать! Я вас так по Москве-то расславлю, что стыдно будет в люди глаза показать!.. Ах я, дура, дура, с кем связалась! Даме-то с званием, с чином… Тьфу! Тьфу! Тьфу! *(Уходит.)*

Подхалюзин. Ишь ты, расходилась дворянская-то кровь! Ах ты, господи! Туда же, чиновница! Вот пословица-то говорится: гром-то гремит не из тучи, а из навозной кучи! Ах ты, господи! Вот и смотри на нее, дама какая!

Олимпиада Самсоновна. Охота вам была, Лазарь Елизарыч, с ней связываться!

Подхалюзин. Да помилуйте, совсем несообразная женщина!

Олимпиада Самсоновна *(глядит в окно)*. Никак тятеньку из ямы выпустили — посмотрите, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Ну, нет-с: из ямы-то тятеньку не скоро выпустят; а надо полагать, его в конкурс выписывали, так отпросился домой… Маменька-с! Аграфена Кондратьевна! Тятенька идет-с!

Явление четвертое

*Те же, **Большов** и **Аграфена Кондратьевна**.*

Аграфена Кондратьевна. Где он? Где он? Родные вы мои, голубчики вы мои!

Целуются.

Подхалюзин. Тятенька, здравствуйте, наше почтение!

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой, Самсон Силыч, золотой ты мой! Оставил ты меня сиротой на старости лет!

Большов. Полно, жена, перестань!

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, маменька, точно по покойнике плачете! Не бог знает, что случилось.

Большов. Оно точно, дочка, не бог знает что, а все-таки отец твой в яме сидит.

Олимпиада Самсоновна. Что ж, тятенька, сидят и лучше нас с вами.

Большов. Сидят-то сидят, да каково сидеть-то! Каково по улице-то идти с солдатом! Ох, дочка! Ведь меня сорок лет в городе-то все знают, сорок лет все в пояс кланялись, а теперь мальчишки пальцами показывают.

Аграфена Кондратьевна. И лица-то нет на те-

бе, голубчик ты мой! Словно ты с того света выходец!

Подхалюзин. Э, тятенька, бог милостив! Все перемелется — мука будет. Что же, тятенька, кредиторы-то говорят?

Большов. Да что: на сделку согласны. Что, говорят, тянуть-то, — еще возьмешь ли, нет ли, а ты что-нибудь чистыми дай, да и бог с тобой.

Подхалюзин. Отчего же не дать-с! Надать дать-с! А много ли, тятенька, просят?

Большов. Просят-то по двадцать пять копеек.

Подхалюзин. Это, тятенька, много-с!

Большов. И сам, брат, знаю, что много, да что ж делать-то? Меньше не берут.

Подхалюзин. Как бы десять копеек, так бы ладно-с. Семь с половиною на удовлетворение, а две с половиною на конкурсные расходы.

Большов. Я так-то говорил, да и слышать не хотят.

Подхалюзин. Зазнались больно! А не хотят они осемь копеек в пять лет?

Большов. Что ж, Лазарь, придется и двадцать пять дать, ведь мы сами прежде так предлагали.

Подхалюзин. Да как же, тятенька-с! Ведь вы тогда сами изволили говорить-с, больше десяти копеек не давать-с. Вы сами рассудите: по два-

дцати пяти копеек денег много. Вам, тятенька, закусить чего не угодно ли-с? Маменька! прикажите водочки подать да велите самоварчик поставить, уж и мы, для компании, выпьем-с. А двадцать пять копеек много-с!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшка, сейчас! *(Уходит.)*

Большов. Да что ты мне толкуешь-то: я и сам знаю, что много, да как же быть-то? Потомят года полтора в яме-то, да каждую неделю будут с солдатом по улицам водить, а еще, того гляди, в острог переместят: так рад будешь и полтину дать. От одного страма-то не знаешь куда спрятаться.

Аграфена Кондратьевна *с водкой;* ***Тишка*** *ставит закуску и уходит.*

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой! Кушай, батюшка, кушай! Чай, тебя там голодом изморили!

Подхалюзин. Кушайте, тятенька! Не взыщите, чем бог послал!

Большов. Спасибо, Лазарь! Спасибо! *(Пьет.)* Пей-ко сам.

Подхалюзин. За ваше здоровье! *(Пьет.)* Маменька! не угодно ли-с? Сделайте одолжение!

Аграфена Кондратьевна. А, батюшки, до то-

го ли мне теперь! Эдакое божеское попущение! Ах ты, господи боже мой! Ах ты, голубчик ты мой!

Подхалюзин. Э, маменька, бог милостив, как-нибудь отделаемся! Не вдруг-с!

Аграфена Кондратьевна. Дай-то господи! А то уж и я-то, на него глядя, вся измаялась.

Большов. Ну, как же, Лазарь?

Подхалюзин. Десять копеечек, извольте, дам-с, как говорили.

Большов. А пятнадцать-то где же я возьму? Не из рогожи ж мне их шить.

Подхалюзин. Я, тятенька, не могу-с! Видит бог, не могу-с!

Большов. Что ты, Лазарь, что ты! Да куда ж ты деньги-то дел?

Подхалюзин. Да вы извольте рассудить: я вот торговлей завожусь, домишко отделал. Да выкушайте чего-нибудь, тятенька! Вот хоть мадерцы, что ли-с! Маменька, попотчуйте тятеньку.

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка Самсон Силыч! Кушай! Я тебе, батюшка, пуншик налью!

Большов *(пьет).* Выручайте, детушки, выручайте!

Подхалюзин. Вот вы, тятенька, изволите говорить, куда я деньги дел? Как же-с? Рассудите

сами: торговать начинаем, известное дело, без капитала нельзя-с, взяться нечем; вот домик купил, заведеньице всякое домашнее завели, лошадок, то, другое. Сами извольте рассудить! Об детях подумать надо.

Олимпиада Самсоновна. Что ж, тятенька, нельзя же нам самим не при чем остаться. Ведь мы не мещане какие-нибудь.

Подхалюзин. Вы, тятенька, извольте рассудить: нынче без капитала нельзя-с, без капиталу-то немного наторгуешь.

Олимпиада Самсоновна. Я у вас, тятенька, до двадцати лет жила — света не видала. Что ж мне прикажете отдать вам деньги, да самой опять в ситцевых платьях ходить?

Большов. Что вы! Что вы! Опомнитесь! Ведь я у вас не милостыню прошу, а свое же добро. Люди ли вы?..

Олимпиада Самсоновна. Известное дело, тятенька, люди, а не звери же.

Большов. Лазарь! да ты вспомни то, ведь я тебе все отдал, все дочиста; вот что себе оставил, видишь! Ведь я тебя мальчишкой в дом взял, подлец ты бесчувственный! Поил, кормил вместо отца родного, в люди вывел. А видел ли я от тебя благодарность какую? Видел ли? Вспомни то, Лазарь,

сколько раз я замечал, что ты на́ руку нечист! Что ж? Я ведь не прогнал тебя, как скота какого, не ославил на весь город. Я тебя сделал главным приказчиком, тебе я все свое состояние отдал, да тебе же, Лазарь, я отдал и дочь-то своими руками. А не случись со мною этого попущения, ты бы на нее и глядеть-то не смел.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я все это очень хорошо чувствую-с!

Большов. Чувствуешь ты! Ты бы должен все отдать, как я, в одной рубашке остаться, только бы своего благодетеля выручить. Да не прошу я этого, не надо мне; ты заплати за меня только, что теперь следует.

Подхалюзин. Отчего бы не заплатить-с, да просят цену, которую совсем несообразную.

Большов. Да разве я прошу! Я из-за каждой вашей копейки просил, просил, в ноги кланялся, да что же мне делать, когда не хотят уступить ничего?

Олимпиада Самсоновна. Мы, тятенька, сказали вам, что больше десяти копеек дать не можем, — и толковать об этом нечего.

Большов. Уж ты скажи, дочка: ступай, мол, ты, старый черт, в яму! Да, в яму! В острог его, старого дурака. И за дело! — Не гонись за боль-

шим, будь доволен тем, что есть. А за большим погонишься, и последнее отнимут, оберут тебя дочиста. И придется тебе бежать на Каменный мост да бросаться в Москву-реку. Да и оттедова тебя за язык вытянут да в острог посадят.

Все молчат; Большов пьет.

А вы подумайте, каково мне теперь в яму-то идти. Что ж мне, зажмуриться, что ли? Мне Ильинка-то теперь за сто верст покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинке-то идти? Это все равно что грешную душу дьяволы, прости господи, по мытарствам тащат. А там мимо Иверской: как мне взглянуть-то на нее, на матушку?.. Знаешь, Лазарь, Иуда, ведь он тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаем… А что ему за это было?.. А там Присутственные места, Уголовная палата… — Ведь я злостный — умышленный… ведь меня в Сибирь сошлют. Господи!.. Коли так не дадите денег, дайте Христа ради! *(Плачет.)*

Подхалюзин. Что вы, что вы, тятенька? Полноте! Бог милостив! Что это вы? Поправим как-нибудь. Все в наших руках!

Большов. Денег надо, Лазарь, денег. Больше нечем поправить. Либо денег, либо в Сибирь.

Подхалюзин. И денег дадим-с, только бы

отвязались! Я, так и быть, еще пять копеечек прибавлю.

Большов. Эки года! Есть ли в вас христианство? Двадцать пять копеек надо, Лазарь!

Подхалюзин. Нет, это, тятенька, много-с, ей-богу много!

Большов. Змеи вы подколодные! *(Опускается головой на стол.)*

Аграфена Кондратьевна. Варвар ты, варвар! Разбойник ты эдакой! Нет тебе моего благословения! Иссохнешь ведь и с деньгами-то, иссохнешь, не доживя веку. Разбойник ты, эдакой разбойник!

Подхалюзин. Полноте, маменька, бога-то гневить! Что это вы клянете нас, не разобравши дела-то! Вы видите, тятенька захмелел маненько, а вы уж и на́-поди.

Олимпиада Самсоновна. Уж вы, маменька, молчали бы лучше! А то вы рады проклясть в треисподнюю. Знаю я: вас на это станет. За то вам, должно быть, и других детей-то бог не дал.

Аграфена Кондратьевна. Сама ты молчи, беспутная! И одну-то тебя бог в наказание послал.

Олимпиада Самсоновна. У вас все беспутные — вы одни хороши. На себя-то посмотрели бы: только что понедельничаете, а то дня

не пройдет, чтоб не облаять кого-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Ишь ты! Ишь ты! Ах, ах, ах!.. Да я прокляну тебя на всех соборах!

Олимпиада Самсоновна. Проклинайте, пожалуй!

Аграфена Кондратьевна. Да! Вот как! Умрешь, не сгниешь! Да!..

Олимпиада Самсоновна. Очень нужно!

Большов *(встает)*. Ну, прощайте, дети.

Подхалюзин. Что вы, тятенька, посидите! Надобно же как-нибудь дело-то кончить!

Большов. Да что кончать-то? Уж я вижу, что дело-то кончено. Сама себя раба бьет, коли не чисто жнет! Ты уж не плати за меня ничего: пусть что хотят, то и делают. Прощайте, пора мне!

Подхалюзин. Прощайте, тятенька! Бог милостив — как-нибудь обойдется!

Большов. Прощай, жена!

Аграфена Кондратьевна. Прощай, батюшка Самсон Силыч! Когда к вам в яму-то пущают?

Большов. Не знаю!

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я наведаюсь: а то умрешь тут, не видамши-то тебя.

Большов. Прощай, дочка! Прощайте, Алимпияда Самсоновна! Ну, вот вы теперь будете богаты, заживете по-барски. По гуляньям это, по балам —

дьявола тешить! А не забудьте вы, Алимпияда Самсоновна, что есть клетки с железными решетками, сидят там бедные-заключенные. Не забудьте нас, бедных-заключенных. *(Уходит с Аграфеной Кондратьевной.)*

Подхалюзин. Эх, Алимпияда Самсоновна-с! Неловко-с! Жаль тятеньку, ей-богу, жаль-с! Нешто поехать самому поторговаться с кредиторами! Аль не надо-с? Он-то сам лучше их разжалобит. А? Аль ехать? Поеду-с! **Тишка**!

Олимпиада Самсоновна. Как хотите, так и делайте — ваше дело.

Подхалюзин. **Тишка**!

Входит ***Тишка***.

Подай старый сертук, которого хуже нет.

Тишка уходит.

А то подумают: богат, должно быть, в те поры и не сговоришь.

Явление пятое

Те же, ***Расположенский*** *и* ***Аграфена Кондратьевна***.

Расположенский. Вы, матушка Аграфена Кондратьевна, огурчиков еще не изволили солить?

Аграфена Кондратьевна. Нет, батюшка! Ка-

кие теперь огурчики! До того ли уж мне?! А вы посолили?

Рисположенский. Как же, матушка, посолили. Дороги нынче очень; говорят, морозом хватило. Лазарь Елизарыч, батюшка, здравствуйте! Это водочка? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Аграфена Кондратьевна уходит с Олимпиадой Самсоновной.

Подхалюзин. А зачем это вы к нам пожаловали, не слыхать ли?

Рисположенский. Хе, хе, хе!.. Какой вы шутник, Лазарь Елизарыч! Известное дело, за чем!

Подхалюзин. А за чем бы это, желательно знать-с?

Рисположенский. За деньгами, Лазарь Елизарыч, за деньгами! Кто за чем, а я все за деньгами!

Подхалюзин. Да уж вы за деньгами-то больно часто ходите.

Рисположенский. Да как же не ходить-то, Лазарь Елизарыч, когда вы по пяти целковых даете. Ведь у меня семейство.

Подхалюзин. Что ж, вам не по сту же давать.

Рисположенский. А уж отдали бы зараз, так я бы к вам и не ходил.

Подхалюзин. То-то вы ни уха ни рыла не смыслите, а еще хапанцы берете. За что вам давать-

то?

Расположенский. Как за что? Сами обещали!

Подхалюзин. Сами обещали! Ведь давали тебе — попользовался, ну и будет, пора честь знать.

Расположенский. Как пора честь знать? Да вы мне еще тысячи полторы должны.

Подхалюзин. Должны! Тоже, должны! Словно у него документ! А за что, — за мошенничество!

Расположенский. Как за мошенничество? за труды, а не за мошенничество!

Подхалюзин. За труды!

Расположенский. Ну, да там за что бы то ни было, а давайте деньги, а то документ!

Подхалюзин. Чего-с? Документ! Нет, уж это после придите.

Расположенский. Так что ж, ты меня грабить, что ли, хочешь с малыми детьми?

Подхалюзин. Что за грабеж! А вот возьми еще пять целковых, да и ступай с богом.

Расположенский. Нет, погоди! Ты от меня этим не отделаешься!

Тишка *входит.*

Подхалюзин. А что же ты со мной сделаешь?

Расположенский. Язык-то у меня некупленый.

Подхалюзин. Что ж ты, лизать, что ли, меня

хочешь?

Расположенский. Нет, не лизать, а добрым людям рассказывать.

Подхалюзин. Об чем рассказывать-то, купоросная душа! Да кто тебе поверит-то еще?

Расположенский. Кто поверит?

Подхалюзин. Да! Кто поверит? Погляди-тко ты на себя.

Расположенский. Кто поверит? Кто поверит? А вот увидишь! А вот увидишь! Батюшки мои, да что ж мне делать-то? Смерть моя! Грабит меня, разбойник, грабит! Нет, ты погоди! Ты увидишь! Грабить не приказано!

Подхалюзин. Да что увидать-то?

Расположенский. А вот что увидишь! Постой еще, постой, постой! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Погоди!

Подхалюзин. Погоди да погоди! Уж я и так ждал довольно. Ты полно пужать-то: не страшно.

Расположенский. Ты думаешь, мне никто не поверит? Не поверит? Ну, пускай обижают! Я… я вот что сделаю: почтеннейшая публика!

Подхалюзин. Что ты! Что ты! Очнись!

Тишка. Ишь ты, с пьяных-то глаз куда лезет!

Расположенский. Постой, постой!.. Почтеннейшая публика! Жена, четверо детей — вот сапоги

худые!..

Подхалюзин. Все врет-с! Самый пустой человек-с! Полно ты, полно… Ты прежде на себя-то посмотри, ну куда ты лезешь!

Рисположенский. Пусти! Тестя обокрал! И меня грабит… Жена, четверо детей, сапоги худые!

Тишка. Подметки подкинуть можно!

Рисположенский. Ты что? Ты такой же грабитель!

Тишка. Ничего-с, проехали!

Подхалюзин. Ах! Ну что ты мораль-то эдакую пущаешь!

Рисположенский. Нет, ты погоди! Я тебе припомню! Я тебя в Сибирь упеку!

Подхалюзин. Не верьте, все врет-с! Так-с, самый пустой человек-с, внимания не стоющий! Эх, братец, какой ты безобразный! Ну, не знал я тебя — ни за какие бы благополучия и связываться не стал.

Рисположенский. Что, взял! а! что, взял! Вот тебе, собака! Ну, теперь подавись моими деньгами, черт с тобой! *(Уходит.)*

Подхалюзин. Какой горячий-с! *(К публике.)* Вы ему не верьте, это он, что говорил-с, — это все врет. Ничего этого и не было. Это ему, должно быть, во сне приснилось. А вот мы магазинчик

открываем: милости просим! Малого ребенка пришлете — в луковице не обочтем.